

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

3 '85

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

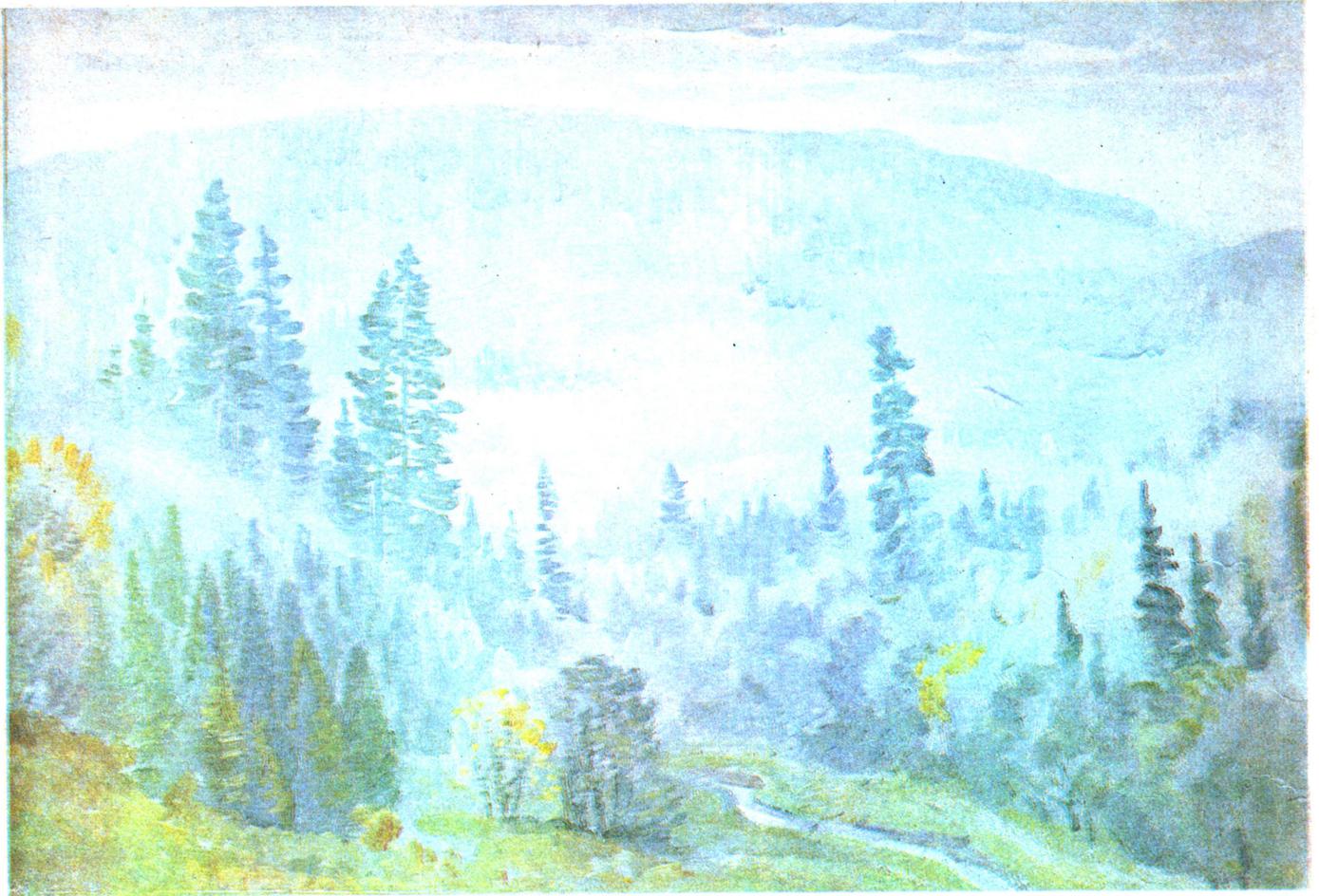
Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

Эти уральские пейзажи написаны Анатолием Николаевичем Тумбасовым. Он, заслуженный художник РСФСР, член Союза журналистов СССР,— давний и добрый друг и автор «Уральского следопыта». На страницах журнала не раз публиковались его картины, графические работы, очерки, репортажи с ударных строек, главы из его книг...

Вот и сегодня А. Тумбасов выступает у нас в двух ипостасях — и как художник и как писатель,— читайте в этом номере его очерк «Шмель на этюднике».

В марте этого года Анатолию Николаевичу Тумбасову исполняется 60 лет. Поздравляем!

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

3 '85

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного
редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий
отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий
отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

Редакция:

Ю. Борисихин,
заведующий отделом
публицистики
В. Бугров,
редактор отдела
научной фантастики
Л. Будрина,
технический редактор
М. Бурангулова,
корректор
Л. Гончарова,
секретарь-машинистка
А. Кононова,
заведующая редакцией
и отделом писем
Ю. Липатников,
заведующий отделом
науки и техники
Е. Пинаев,
художественный редактор
Н. Широкова,
редактор отдела
слепопытской жизни

На 1-й стр. обложки — рис.
Ю. Филоненко

СПЕЛЫХ

Николай ДОМОВИТОВ

ПАМЯТЬ

Чтобы верен был старым тревогам
Среди мирных пустычных забот,
Вновь и вновь по военным дорогам
Меня память упрямо ведет.
От болот торфяных до пригорка
С ней иду по колючей стерне,
И влажнеет опять гимнастерка
У меня на широкой спине.
Где-то снова режут батареи,
Задыхаясь от злого огня,
И опять из разбитой траншеи
Поднимает ракета меня.
...Ночь глухая, соседи уснули.
Мне не спится: опять и опять
Свищут рядом осколки и пули,
Под ногами колышется гать.
И выходят ребята из мрака
Торопливо, как в старом кино.
— Постарел ты, дружище, однако!
Распахни-ка пошире окно,
Мы закурим твои папиросы —
От махры-то, наверно, отвык?
И — вопросы, вопросы, вопросы,
Лобовые, прямые, как штык.
...Память, память! С тревогой твоею
Буду жить до последнего дня.
То, что я рассказать не успею,
Не расскажет никто за меня.

ГРАЧИ

Рвут снаряды и землю, и воздух,
Дым глаза разъедает до слез.
И пылают грачиные гнезда
На макушках старинных берез.
Мы успели поглубже зарыться —
Свой окопчик у каждого есть.
Лишь кружатся над рощею птицы
И не знают, куда же им деться...

СНАЙПЕР

Облака плывут над Бугом,
Плещут волны в берега.
И следим мы друг за другом —
Два смертельных врага.
Я с речного краснотала
Не спускаю долго глаз.
Хоть бы птица подсказала,
Где ты прячешься сейчас!
Я гашу в себе волнение,
Где ж ты, проклятый, засел?
Хоть блеснул бы на мгновение
Твой оптический прицел!
И спокойно сердце бьется.
Ничего я не боюсь:
Если враг мой промахнется,
Значит, я не промахнусь.

***

Сорок первый,
А мы в разведке
Принимаем неравный бой.
Лист кленовый сорвался с ветки,
Сбитый пулею разрывной.
И теперь, лишь глаза закрою,
Снова слышу снарядный свист.
И кружит, и кружит надо мною
Этот желтый кленовый лист.
Все, как есть, я давно приемлю.
Прокатился военный шквал.
Почему ж до сих пор на землю
Лист простреленный не упал?

ТОРЬЖАЛА ЗАРЯ

Рисунки В. Сыкова

КАЛИНА

Прет и прет железная лавина,
Чтоб уже не пятиться назад,
Под кустом калиновым, у тына,
Свой окопчик выдолбил солдат.
Колкий снег взметая из низины,
Дунул ветер в сторону врага.
И тепло солдату у калины,
Словно у родного очага.
Ах, калина, милая калина!
Спелых ягод горькая заря,
И солдат тот выкопал у тына
Свой окопчик маленький не зря.

НА ПЕПЕЛИЦЕ

Мы названья деревни не знали
И прошли торопливо по ней:
Вдоль дороги не люди стояли,
А разбитые трубы печей.
Серый пепел, кирпичная крошка
Чуть дымились на мертвой земле.
И металась безумная кошка
По еще не остывшей золе.
Ворошила истлевшие тряпки
И кого-то тихонько звала.
Обжигали ей тонкие лапки
Угольки и седая зола.
И на миг от печального крика
Вдруг споткнулся бывалый солдат
И вздохнул тяжело:— Посмотри-ка!
Видно, ищет, бедняга, котят.

ДРУГ

Детство...
Оно богато
Счастьем одним — и только:
Был у меня когда-то
Друг закадычный — Колька.
Вместе смеялись звонко,
В школу одну ходили.
Вместе одну девчонку
С Колькою мы полюбили.
Юность...
Она богата
Свистом слепых осколков.
Был у меня когда-то
Друг закадычный — Колька.
В битвах, в огне, в метели
Кончились детства сказки.
Вместе мы с ним надели
Где-то под Мгою каски.
Вместе врага громили...
Разве забудешь это?
Злую махру курили
Из одного кисета.
Бились штыком, гранатой:
Нам приходилось туго.
Ночью на снег примятый
Пуля свалила друга.
Мы положили Кольку
Молча на дно воронки.
Пуля пробила сердце
И карточку той девчонки.
Зрелость...
Она богата
Счастьем и болью колкой.
...Был у меня когда-то
Друг закадычный — Колька.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Михаил ОДИНЦОВ

...Выключив в капонире мотор, Сохатый, стоя на крыле, подождал, пока Терпилов зарулил свою машину, а потом спрыгнул на землю, где его ждал адъютант эскадрильи.

— Летчики все прошли?

— Наши все. Раненых нет. Машины вернулись без повреждений и пробоин. А вы где задержались?

— Да так, немцы попались очень вежливые, не отпускали, пришлось выяснять отношения... Постройте летный состав у командного пункта эскадрильи.

Сохатый почти убедил себя, что над целью его оставили случайно — просто не поняли друг друга.

Подошел Терпилов и доложил о полете.

Поблагодарив за выручку, Иван отправил его и стрелков на построение...

Он по сей день хорошо помнит их замкнутые и виноватые лица, их подавленность, опущенные глаза. Значит, ошибку можно поправить, решил он, — всем вместе. Нашлись и нужные для такой минуты слова:

— В том, что случилось, повинны мы взаимно. Первый наш совместный полет, как первый блин, получился комом. Я не предупредил вас по радио, что уменьшаю обороты, а вы забыли, о чем шел разговор при подготовке к вылету... Подробно разберемся в этом позже... А до того, как выработаем единое мнение, сор из избы не выносить. Как доложить командиру полка, я думаю... Смотреть повыше и носы не вешать. Не все было плохо... Экипажу Терпилова и Ремизову выйти из строя! Их, товарищи, ставлю в пример. Мы провели бой с парой Ме-109. Стрелки и младший лейтенант Терпилов действовали отлично. Сержант Ремизов сбил или подбил одного «мессершмитта», а Терпилов своим самолетом закрыл машину командира от очереди врага.

Объявление благодарности и то, что он поцеловал героев вылета за хорошую службу, было воспринято доброжелательно. Летчики подняли головы, заулыбались. Потом Сохатый, неожиданно для самого себя, снял с руки часы

и подарил их Терпилову: «Носи, Сережа, как память о первом совместном бое, а то ордена долго ждать». Подарок вызвал у Терпилова растерянную смущенность, а у летчиков и стрелков — веселый шумок, и комэск понял, что отчужденность прорвал...

Пошел уже второй год, как Сохатый ходил в бой во главе своей эскадрильи, и за это время он ни разу в разговорах не возвращался к тому первому злополучному вылету. Не было причины, и он наперед знал, что не будет. Не все из прежних летчиков прожили этот год, но Сережа по-прежнему с ним рядом. И хотя на его Иле есть теперь передатчик, он по-прежнему ведет бой молча.

Низко над головой кучевые облака неслись в бескрайнюю степь, выбрасывая шрапнельные заряды снега. Конца им не было. На пронизывающем ветру безлистые деревья зябко стучали потерявшими гибкость костяшками ветвей. Прихваченные морозным инеем кустики травы, сгорбившись, стлались по комковатой земле, делая судорожные попытки, но ветром их вновь пригибало вниз.

Порывами ветра корежило и расчленил на стопорах По-2. Упругие струи воздуха, отрывая его раз за разом от земли, пытались подбросить вверх, отчего швартовые веревки ослабели или натягивались струнами. Самолет, как стреноженный конь, чувствовал себя на ветру неуютно.

Сырой холод пробрался к Сохатому под одежду. Ветер пузырем вздул ее на спине. Неуютно, промозгло. Ивану хотелось побыстрее в землянку, но он заставлял себя еще потерпеть, хотел убедиться окончательно, что сегодня никуда не улететь: погода явно не для По-2.

В землянке Иван молча прошел к столу и сел у телефона, пытаясь найти разумные доводы для разговора с командиром полка.

Его раздумья прервал Терпилов:

— Есть погода, командир?

Иван ответил не сразу. Подошел к «буржуйке», открыл дверцу, подбросил дров, закурил. «Если даже Сергей-молчун задает вопрос значит, допекло и его».

— Погода всегда есть, Сережа. Только разная, в данный момент — нелетная.

...День уходил. И все же синоптики, кажется, угадали. Часа через два после разговора Сохатого с командиром полка холодный фронт перевалил аэродром, оставив за собой всплывающие сверху облака и стихающий ветер. Иван позволил командиру полка снова.

Майор ответил, что следует подождать еще немного, так как лететь нужно вдогонку холодному фронту, распорядился готовить его Ил, сказал, что Сохатого и Терпилова повезет сам.

Иван с Сергеем устраивались в задней кабине без энтузиазма, двоим в ней было тесно и непривычно. Лететь им надо было в тыл, но ведь неизвестно, где и когда черти шутят. Поэтому обязанности воздушного стрелка на всякий случай командир поручил Сохатому, и теперь он, забравшись в кабину вторым, занял место перед турелью с крупнокалиберным пулеметом Березина.

Встал перед турелью на коленях — так удобнее стрелять и лучше видно, что делается вни-

зу. Терпилов же устраивался сзади, чтобы не быть помехой стрелку.

Иван посмотрел на постную физиономию товарища и из озорства передвинул по дуге турели пулемет на левый борт, отчего самому пришлось сместиться вправо и прижать Терпилова к бронеплите бензинового бака. Сереге не пошелиться. А Иван посмотрел через кольца прицела на облачное небо, потом повернул голову и, усмехнувшись, спросил:

— Сережа, надеюсь, тебе удобно?

Тот уловил ехидство и смиренно ответил:

— Полный комфорт. Оба командира в креслах, а рядовой летчик вроде коврика для ног...

Оба рассмеялись.

Ил начал разбег, а на Сохатого нахлынули непривычные ощущения.

Он не считал себя старым летчиком, но впервые за свои пять авиационных лет взлетел, наблюдая не землю, убегающую под мотор, а хвост самолета. На взлете прижимает не к спинке сиденья, а наоборот, и вроде бы мотор пытается выдернуть из-под ног и самолет, и землю. Ему, летчику, вновь было наблюдать на разбеге не то, как опускается капот мотора, а как поднимается хвост. После взлета самолет вышел в разворот. Накренился. И хвостовое оперение как-то плашмя поплыло в сторону, отчего земля наискось побежала неожиданно в обратную сторону. Все для него стало зеркально отображенным. Крен самолета, оказывается, был не правым, а левым, а то, что он видел слева, на самом деле для летчика, для летящего самолета было правым. Одним словом, левая рука уже была не левой. Чтобы вжиться в это зеркало, нужно было время. А они, летчики, частенько подшучивали над стрелком, когда один или сразу несколько воздушных стрелков по команде старшего «напра-во» поворачивались налево...

Земные ориентиры внезапно вырывались из-за броневых боковин переднего фонаря, из-под крыльев и, коротко мелькнув, скрывались под стабилизатором, отчего Сохатому казалось, что он не летит, а падает спиной вперед.

Командир полка вел самолет на высоте сто метров. Для штурмовиков это безопасная и спокойная высота.

Начало болтать: самолет догнал ушедший на восток холодный фронт. И тут под влиянием болтанки у Ивана неожиданно возникла мысль, обращенная не столько к себе, сколько к командиру: «Какая необходимость майору самому нас отвезти на рембазу? Летчики же еще не переехали в полку. Если только из-за плохой погоды? Но «пожара» нет, могли и до завтра подождать... Тут что-то не так. Неспроста он нанялся в извозчики...»

Но вот облачная крыша вплотную опустилась

Рисунки Ю. Филоненко

на фонари кабин. Степное раздолье внизу кончилось. Под самолетом понеслись почерневшие от войны грудастые приднепровские холмы. Кое-где низины меж ними прикрывались частоколом леса. Ветер обил уже с деревьев золотую парчу осени, и они выставили рогатины своих стволов, словно защищаясь от неба. Изменение погоды быстро избавило голову Сохатого от мыслимых ненужностей, и он уже по-другому, оценивающе взглянул на окружающее.

«Идем совсем низко,— думал Сохатый.— Теперь, видимо, не истребители противника, а погода главный враг».

Изловчившись, он повернул лицо вперед: так привычной. Ил летел над широкой балкой. Справа и слева горбы возвышенностей втыкались в облака. По плексигласу кабин неслись дымящиеся струйки снега, скрывая очертания земли за туманящейся коварной пеленой.

Погода все ухудшалась. И по мере ее усложнения в Сохатом нарастало ощущение тревоги пассажира. Он думал, что сейчас летчику немного легче: он видит летящий навстречу снег, видит землю, как-то оценивает трудность обстановки, прикидывает свои возможности, действует. Ивану очень хотелось поменяться местами с командиром.

Сергей тоже не выдержал полета задом наперед и развернулся лицом по полету. Оперся спиной о турель, стрельнул молча в Ивана глазами и прижался к боковине кабины, пытаясь увидеть, куда они летят.

Сохатый уловил, что и Сережа не хотел сидеть без пользы в хвосте. Он-то прекрасно понимал, что таит в себе полет, когда склоны оврага выше крыла, а между их вершинами и облачностью не видно спасительной отдушину, в которую можно проскочить.

Наблюдая за Сергеем, Сохатый, кажется, только теперь полностью осознал, что примерно испытали и переживали, что пережили техники, летевшие с ними ночью на По-2.

Повторяя изгиб ложины, Ил накренился в развороте, распластав свои широкие крылья параллельно склону. Сохатый увидел, что косогор совсем близко под фюзеляжем. Надо поговорить с командиром. Эта скачка через препятствия не нравится.

— Командир, как там, впереди? Земля-то твердая.

— Твердая, твердая! Не мешай.

— А может, в облака лучше? Левый-то берег низкий, там и выйдем под них.

Но в этот миг самолет понесло разворотом в другую сторону — земной желоб вновь изогнулся и стал еще уже. Сохатому очень хотелось еще поговорить с командиром, однако он сдержал себя, понимая, что майору сейчас не до болтовни.

Иван посмотрел на соседа... Прижавшись к фонарю, Сергей сосредоточенно глядел за борт. На лице напряжение. Слегка оскалил зубы, покусывает нижнюю губу. «Наверное, и у меня вид сейчас не храбрее», — подумал Иван, но тут его мысль оборвал более громкий рев мотора. Пол кабины резко прижался к ногам Сохатого. Спустя мгновение самолет летел в плотных облаках: командир набирал высоту. Глубоко и облегченно вздохнул Сохатый. Терпилов расслабленно откинулся спиной на турель, закрыл глаза. Все трое молчали. И в этом единстве отдыха, наверное, и было то общее понимание противостоящей им недавно опасности. Интересная штука — нервы. Несколько минут полета по оврагу, а усталость такая, как будто полдня кирпичи таскал. Привалившись к борту кабины, Иван вновь стал анализировать полет. Облака были беспокойны: самолет потряхивало. Но это не тревожило его. Командир имел хороший опыт приборного полета — воевал до штурмового в ночном полку. «Не то, что мы — «солнечные» летчики. Если кому-либо из наших пилотов и приходится вынужденно встречаться с облачностью, то справляемся мы с ней самоуком. А у тех, кто не справился, уже не спросишь».

В донесениях о боевых вылетах есть одна об-

шая формулировка: «боевая потеря». Может быть, для высоких инстанций это обобщение в какой-то степени и удобно. Какая, в конце концов, разница — отчего погиб экипаж: от огня врага или от того, что «мессершмитт» поставил его в невыносимые условия?

А иногда бывает и так, что нужно обязательно вылететь на задание в погоду, для чьего-то опыта неприемлемую. Приказывают, потому что требуют интересы дела. Облака в небе почти всегда. И они могут быть союзниками для любой из ведущих бой сторон. Но облачность может быть и вторым врагом. Конечно, пилотам не все равно, «на чьей стороне» облака. Жить-то хочется.

— Лейтенанты! Как там у вас дела?

— Норма, товарищ майор! Тут спокойней.

— Хорошо... Через семь минут будем снижаться. Сохатый, посмотри по карте, на сколько левый берег ниже аэродрома вылета. У меня сейчас по высотомеру тысяча метров...

Высадив летчиков, командир заторопился к старшему инженеру ремонтной базы. «Секрет» командирского полета для Сохатого открылся сразу, как только тот достал из своей планшетки список необходимых запасных частей для самолетов, находящихся на другом берегу. Ремонтники хоть и скупой народ, но не устояли: не часто командиры полков лично обращались к ним с подобными просьбами. А тут такой случай: прилетел сам и не шумит, а вежливо просит. Поохали, повздыхали, пожаловались на трудности, но деталями все же поделились и уже без просьбы, сами положили ему в самолет десяток арбузов. «Из уважения и за тесную взаимосвязь».

Майор улетел с хорошим настроением, повеселевшим. Успеет, вероятно, если не засветло, то в сумерки вернуться домой. Перед отлетом майор хитро подмигнул Сохатому, так и не спросив у инженеров о готовности ремонтируемых самолетов. Оставил этот важный вопрос на его, Ивана, попечение.

А у ремонтников, как обычно: одно еще недоделано, другое недокрашено. Телеграмму дали, чтобы забирали самолеты, немного с упреждением: «не рассчитывали, что сразу прилетите». Одним словом, не они, мол, виноваты в недоделках, а Сохатый и Терпилов, потому что быстро прилетели.

...Утро, отбеленное снежком, встретило Сохатого хрупкой тишиной. Выйдя на улицу, он в нерешительности остановился на крыльце избы. Перед ним открылся мир детской сказки. Первый чистый снег прикрыл осеннюю неприглядность земли и домов, украсил белым пухом деревья и провода. Иван замер, любуясь белой красотой. Услышав за спиной скрип двери и шаги Терпилова, он повернул к нему голову:

— Давай постоим, Сережа. Время нас не торопит. А такую благодать стоит запомнить...

— Давайте подождем... Но я больше люблю, когда земля зеленая. А тут такое ощущение, будто раненого забинтовали.

— Не знаю, Сережа. Как-то не думалось об этом. С тех пор, как полк воюет на штурмовиках, раненых-то у нас почти не бывает: или прилетел, или нет. Брони много, если уж нашего брата подстрелили, то чаще крупным снарядом. Летаем низко. Попадает крепко. Парашютом чаще всего не успеваем воспользоваться... Давай этот разговор закончим. На красоту смотрим, а говорим о грустном...

Сохатый готовился к облету самолета, возрожденного после серьезной «травмы». Он сидел в кабине, полной запахов краски, новых приборов, и проверял работоспособность оборудования. А Терпилов с техниками помогал ему с земли: смотрел, как в ответ на действия летчика отклоняются рули управления самолетом, тримеры¹ и посадочные закрылки. Опробовав мотор и убедившись в исправности машины, Иван доложил о своей готовности испытать самолет в воздухе. На земле может быть все в порядке, но как поведет себя машина в небе, где ей предстоит работать, пока неизвестно. Испытание в полете всегда связано с риском.

Заученными на всю жизнь движениями убрал сначала шасси, а потом закрылки. И эти, самые обычные его действия, как всегда, изменили конфигурацию самолета. Она стала более гладкой и обтекаемой, на что Ил немедленно отреагировал увеличением скорости, стремлением задрать нос повыше. Иван отрегулировал обороты винта и мощно отметил, что все вроде бы в норме.

Продолжая испытательный полет, Сохатый решил снять нагрузку с ручки управления, для чего повернул штурвальчик тримера руля высоты от себя, а у самолета почему-то появилось еще большее стремление поднять нос. Управление, как живое, с силой начало давить на руку, и удержать его в прежнем положении стоило Ивану больших трудов.

«Что за чертовщина!? — подумал он. — Что-то непонятное... Я же делаю все правильно. Чтобы сбалансировать самолет, нужно было штурвальчик тримера крутить от себя... Так и поступил... Тогда в чем же дело? Еще раз надо попробовать. Не торопясь».

От усилий и волнения на лбу у Сохатого появилась испарина.

«Пробую снова... Вращаю маховичок тримме-

¹ Триммер — дополнительно отклоняющаяся поверхность руля, позволяющая снимать нагрузки рычагов управления самолетом. (Здесь и далее примечания автора.)

ра в нужную при такой обстановке сторону, от себя еще на один градус... Ого! Одной рукой управлять трудно...»

Самолет нахально полез вверх и не хотел больше слушаться летчика. Набирая высоту, машина подошла к нижней кромке облаков. Сохатый взглянул на высотомер. Стрелка показывала всего сто пятьдесят метров.

«Небогато! Облака мне в таком положении совсем ни к чему. Без них тошно».

Иван уперся в ручку управления двумя руками, отжал ее от себя и силой принудил самолет лететь горизонтально, под облаками.

«Надо разворачиваться на обратный курс. На такую нагрузку меня надолго не хватит... Начали разворот... По крену Ил ведет себя нормально. Слушается. Только все время норовит встать на дыбы».

Ивану жарко. Жарко от тяжести. Жарко от опасности. Стараясь держать руки в упоре прямыми, чтобы нагрузка приходилась не на них, а на спину, он торопливо искал причину: что же произошло? Может, заклинило руль высоты?.. Сохатый вывел машину из разворота. «Попробуй отожми ручку от себя. Отжимай, отжимай! Но самолет ведет себя как положено — снижает...»

А если ручку немного на себя? Что будет?.. Самолет устремляется вверх. Тоже слушается... Проверим теперь триммер. Я крутил штурвальчик от себя. Делал, как положено. В этом случае нагрузка с руля должна была уменьшаться, а она увеличилась. Почему? Крылья и хвост целы. Руль высоты не заклинен. Значит, дело только в триммере. Может, он отклоняется наоборот? Может. Но только в одном случае: если трос управления триммером намотан на его катушку с обратной стороны. Чтобы убедиться в этом, надо попробовать покрутить штурвальчик в другую сторону.

Иван опять взялся за штурвальчик. Переборол сформировавшийся с годами навык. Решил сделать наоборот, вопреки техническим канонам и опыту. Он осторожно потянул за ребра колесико триммера на себя... И сразу почувствовал на правой руке облегчение. Повернул колесико еще на градус.

«Хорошо! А ну еще чуть-чуть...»

Повернул. Самолет уже запросился вниз, к земле, стремясь перейти в пикирование...

Сохатый теперь уже смелее, чем прежде, опять начинает вращать штурвальчик в обратную сторону. Отдает от себя... Все повторяется сначала: самолет начал набирать высоту.

Неисправность, вернее путаница, была определена и теперь совсем не страшна. Опасна была неопределенность, и Сохатый сейчас очень хорошо почувствовал, что испугался он не столько

опасности, как и любой бы человек на его месте, а неизвестности причины, вызвавшей неподчинение самолета его действиям. «Так и в бою, — подумал он, — для меня самый страшный и опасный враг тот, которого я не вижу и которого не знаю... А этот Ил можно облетывать дальше».

— База, я — «трехсотый», у меня была тут маленькая неполадка, поэтому сразу на связь не выходил. Причину нашел, теперь все в порядке, облетаваю машину по графику.

— «Трехсотый», я — база, что случилось? — Иван уловил в Сережкином голосе не любопытство, а тревогу и решил его успокоить.

— Да так, мелочь одна. На земле скажу. Теперь это уже не влияет на полет.

Сохатый выполнил над аэродромом два круга. Он привыкал к «триммеру наоборот». Освоился с погодой, самолетом, приборами. Горизонтальный полет стал для него скучным, а проверять поведение Ила на «горках» и в пикировании, на боевых разворотах возможности не было, низкая облачность не позволяла вертикального маневра. Можно было бы идти на посадку, но программа облета требовала обкатки и нового мотора. И тогда Иван стал думать о том, чем же занять себя, чтобы время шло не впустую, а полет принес бы ему какую-то пользу или, как минимум, заново заинтересовал. Просто летать, утюжить воздух — бессмысленно... Стоп! Есть облака. Да, да... Облака. Надо хоть один раз потренироваться, поучиться летать в них. Полетать не вынужденно, не в обстановке, когда тебе больше деваться некуда, а просто так, для науки на будущее. Ты же давно собираешься освоить такой полет, а времени и условий никак не подберешь. Если бы командир полка не владел слепым полетом, еще неизвестно, как бы он вчера выкрутился. Так что — давай учись, тебе и подчиненным летчикам такая наука всегда может пригодиться.

— База, «трехсотому» надо летать еще тридцать минут. Буду ходить на кругу аэродрома. Машина и приборы работают хорошо. Погода позволяет.

— Я — база, вас понял.

...Сохатый добавил мотору обороты и вошел в облака.

Их белая пена плотно обволокла самолет. В открытую форточку фонаря завихрения воздуха затянули к нему сырую свежесть. Видимый мир сократился до кабины и ее приборов. Теперь только приборы говорили ему о том, что происходит с Илом. Облака вели себя спокойно, и у него возникает ощущение полной своей и самолета неподвижности. Но стрелка прибора скорости подрагивает у цифры триста — убеждает его, что самолет летит. Чтобы избавиться от ощущения сонливой монотонности, Иван накреняет машину

сначала на одно крыло, потом на другое, изменяет высоту полета, и показания приборов оживают, реагируют на его действия.

Разворот на обратный курс... Вновь мерная уравновешенность прямолинейного отрезка пути...

«Пора снижаться. Надо посмотреть, где я. А то насмешишь людей и сам заплачешься».

Ил выходит под облака. Иван смотрит по левому крылу вдаль и губы его растягиваются в довольной улыбке — самолет и аэродром там, где положено. Расчеты его верны.

Через некоторое время Сохатый устраивался в кабине следующего самолета и одновременно присматривался к бригаде техников, неторопливо занимающейся своими делами: ни суматохи, ни разговоров — обыкновенные спокойные лица. И ему показалось, что недавнее событие, в котором он увидел чуть ли не подвиг, — маленькая частность в их большой и трудной работе... Они, как и все люди, тоже имели право на маленькие ошибки.

«Вот так, Ваня, не петушись. Помни: легче не болеть, нежели лечиться».

ОШИБКА

К декабрю зима взяла свое: птицы отлетели, лист с дерева опал, и леса, оголившись, просветлели; земля обсохла и затвердела; малые речушки ушли под лед; овраги и низины запылили снегом; темные горбушки аэродромов зачерствели; вода в Днепре от ледяного сала загустела, дымилась холодным паром и катилась вниз с негромким шуршанием.

Зима сказала и на войне: солдат оделся зимнему, охотнее рыл окопы и блиндажи, утеплились моторы самолетов, танков, автомобилей, раскрашивалось все зимним камуфляжем.

Шли бои местного значения, и линия фронта дымила не только пожарами, но и походными кухнями, кострами для обогрева людей, и какого дыма было больше — подчас понять оказывалось не просто.

Пожалуй, меньше всего изменилось небо, но и оно стало глубже и выше, в зените голубое, а к горизонту совсем бледное. Попритихли бои в небе, каждодневное напряжение сменилось периодическими вылетами на разведку, свободную охоту и доучивание прибывшего очередного пополнения летчиков.

...Последние дни вьюжило, и Сохатый воспользовался непогодой, отоспался, наконец. Но сегодня облака ушли на юг, аэродром открылся солнцу, а земля, вдохнув полной грудью и приподняв себя к небу, показывала без стеснения свои зимние красоты фронтовому люду.

Отдохнувший, старательно выбритый, в полу-

расстегнутом меховом комбинезоне и лохматых собачьих унтах, сняв шапку, командир эскадрильи старший лейтенант Сохатый сидел у консоли крыла командирского самолета на ящике, в котором мирно покоилась фугасная бомба. Он с удовольствием вдыхал снегом очищенный от пыли воздух.

Сохатый занимался на аэродроме «воздушным боем». Расставив на земле три Ила боевым порядком «клин самолетов», он тренировал в их кабинах экипажи в определении дистанции до атакующего истребителя. За хвостами и перед самолетами его помощники переставляли на заранее промеренные расстояния сколоченные из грубых досок макеты «мессершмиттов», а летчики и стрелки, используя мерные кольца прицелов и просто зрение, присматривались, определяли вероятность момента открытия огня врагом и свои упреждающие и ответные меры.

Свободные пилоты и стрелки на таких же, как у Сохатого, «скамейках» сидели чуть в сторонке. Курили и сдержанно переговаривались. Ивану хотелось послушать их зубоскальство и покурить вместе с ними, но дело не отпускало.

В разгар занятий Сохатого вызвали на командный пункт полка. Сказали побыстрей, а как поспешишь в меховой одежде. Иван Анисимович шел неторопко. От горячо блестящего снега щурился. Вспоминал зиму сорок второго. Также после долгого ненастья, снегопадов и буранов, наступили солнечные дни. Радовались вначале, летали много, а потом началась снежная слепота: глаза красные, веки набрякшие, ощущения болевые, будто ветер мелкого песка в глаза надул. Стекла у летных очков коптели, этим и спасались...

— Товарищ майор, старший лейтенант...

— Чешешься долго, командир, — Ченцов поднялся из-за стола. Взглянул на Ивана исподлобья. — Звонил начальник штаба дивизии, предложил лично тебя послать на «прогулку». Надо посмотреть железную и автомобильную дороги, что между реками Ингул и Ингулец, километров до пятидесяти в тыл. На Кривой Рог не лезь, — Ченцов помолчал. — Словом, не разведчик-охотник, а охотник-разведчик. Полная инициатива.

— Понятно, командир. Раз надо, всегда готов.

— Истребителей не дают. Один пойдешь или как?

— Если разрешите, возьму лейтенанта Терпилова. Сергей пойдет ведущим. А вообще-то давно уже пора его самого на задания посылать.

— Подумаем... Бомбы осколочные возьми. Замедление на взрывателях. Вылет по готовности...

После взлета, удерживая свой самолет в строю давно заученными движениями, Сохатый

думал о Терпилове: «Летчик Серега неплохой, но который раз не хотел лететь ведущим. Рядовым — пожалуйста, а командиром — нет. Одна и та же отговорка: «Не хочу за других отвечать. Кого-нибудь собьют, а я потом всю жизнь буду переживать. От всех снарядов не увернешься, а буду думать: моя ошибка...» Воюет, как воду возит, но не обвинишь и в излишней осторожности. Идеальный ведомый».

Сохатый улыбнулся, вспомнив, как Терпилов выкручивался, чтобы не идти ведущим. Убедившись, что командиром лететь не просят, а приказывают, начал отнекиваться от личного выбора маршрута, пытаясь хотя бы в этом переложить ответственность на комэска.

Солнце мешало смотреть, и Сохатый надвинул летные очки на глаза. Светофильтры враз сняли полировочный лоск со снега, местность и небо приобрели матовые, зеленоватые оттенки. И он почувствовал, как расслабились мышцы лица.

Однако напряженность, хотя и незаметно, но все же накрутила, натянула нервишки. Поразмыслив, Иван решил, что беспокойство появилось, видимо, от того, что нет истребителей прикрытия. В плохую погоду без них обходились, а в ясную — к ним привыкли.

— Стрелок, как у тебя?

— Нормально, командир. Видимость хорошая.

— Но ведь и мы издали заметны. Шустрые-то фрицы еще не перевелись.

Терпилов вел самолеты к линии фронта под прямым углом. Шел низко, и Сохатый понимал, что Сергей настраивается на ритм движения. Его, Ивана, методика прижилась. Летчики убедились, что, вжившись в скорость, легче потом на малой высоте мерить километры на местности: они как-то сами по себе совпадают тогда с картой.

Вдали темным пятном на белом поле показался лес, за ним — линия фронта. Терпилов снизил высоту полета метров до пятидесяти. Степь полетела под Илы стремительнее, покачивая своими буграми, как волнами, но самолеты в отстоявшемся и загустевшем от морозца воздухе неслись над ними плавно.

Ровно гудел мотор, в наушниках шлемофона, как мыши сеном, шуршали чуть слышно помехи своего радиоприемника. Эти звуки воспринимались Сохатым, как желанная тишина у веселой речушки с ее непрерывно булькающим разговором.

Линия фронта. Терпилов нажал кнопку передатчика, но говорить не стал, молча обозначив рубеж. Сохатый принял его сообщение. Но внутри самолета подошло время нарушить «тишину», и Сохатый вызвал стрелка:

— Петя! Линия фронта! — не успел закончить

фразу, как вздрогнул от резко и неожиданно громыхнувшей пулеметной очереди. — Что случилось?

— Какой-то гад эрликоном шутить под нами вздумал. Больше не будет. Капут заработал.

— Не гоношись лишку, помни: если «мессов» не встретим, то минут сорок над немцами ползать будем, так что и тишину не нарушай, и патроны береги. Как из тыла пойдем, тогда и отдашь душу.

— Понял, командир, — в голосе стрелка слышится обида: не похвалили за удачно уничтоженный вражеский расчет, да еще и внушение сделали.

Терпилов уводил Илы на юго-запад прыжками: то прижимал машины к самой земле, пряча себя и заглушая звук работающих моторов близкой землей, то поднимаясь метров на сто пятьдесят, чтобы осмотреть пересечение очередной дороги.

Сохатый с удовольствием повторял маневры своего ученика, улавливая в них не показные выкрутасы, а обдуманную расчетливость.

Уже больше двадцати минут носились Терпилов и Сохатый над дорогами и балками, забирались в самый дальний угол фланга, но передвижения войск, заслуживающего внимания, не обнаружили. У Сохатого росло неудовольствие полетом, хотя он и понимал, что отсутствие или присутствие войск для разведки — результат равнозначный. Увиденная ими россыпь ротных колонн,двигающихся больше от фронта в тыл, а не наоборот, слабая накатанность дорог, пустынные железная дорога и развязки склоняли Сохатого к мысли, что он наблюдает простую замену и пополнение обороняющихся фашистских войск. Как будто перегруппировкой не пахло.

— Командир, — в наушниках голос Терпилова, — дошли до конца. Разворачиваюсь обратно. Маршрут — наперекрест первому. Разрешить через пять-семь минут начать «охоту». Если «мессеры» на шум взлетят, то не догонят.

— Согласен! Только не увлекайся. Бей, что попадет, а задержка над хорошей целью — максимум до десяти минут, на две-три атаки. На повторные атаки заходы выполняй «ромашкой» или «восьмеркой», посмотришь, что лучше подойдет.

Разворот... И опять под самолеты понеслись забеленные снегом низины и балки, обдутые ветром до черноты макушки холмов и гребни увалов, дороги и перелески, станции и деревеньки. Илы то всплывали в родном для них воздушном океане, то ныряли к самому его дну. Сохатый не видел ни одного солдата, равнодушно созерцающего порхающий полет «горбчатых», известных своей страшной опасностью. Движение на дорогах останавливалось, человечки, одетые

в грязно-зеленую форму, разбегались, падали в придорожные кюветы, лишь наиболее решительные пытались стрелять.

Конвульсии самообороны мгновенно глохли в огне самолетных пушек и пулеметов, в грохоте разрывов и визге осколков, в шумовом обвале штурмовиков, выходящих из атаки на высоте десяти-пятнадцати метров. Всякий раз, как только Сохатый видит направленное в его сторону оружие, а иногда и сверкающий язычок пулеметного огня, он чувствует, как его тело напрягается и отвердевает, готовясь принять возможный удар. И тут же в мозгу встречная вспышка: «Ни хрена ты, фриц, с моей броней не сделаешь, да и не попадешь. А я тебя, как вошь, придавлю!»

В тот же миг левая рука с сектора газа мотора, как бы сама по себе, перебрасывается на ручку управления самолетом, большой палец враз попадает на пулеметную гашетку и слегка утапливает ее. И на это до автоматизма заученное движение два пулемета «шкас» со злобным рыком за полсекунды выплевывают шестьдесят пуль. В это же время правая рука отпускает управление самолетом, молниеносно находит ручку закрытия бронезаслонки воздушного масло-водорадиатора, захлопывает ее и снова берет ручку управления. Только после этого Иван смотрит в прицел и определяет — успеет ли со второй очередью, уже пушечной.

Самолеты прошли половину обратного пути, но по-прежнему несли в себе бомбы, а под крыльями реактивными снарядами.

— Командир, — интонация Сережи вопрошающая и нетерпеливая, — может, пора главным калибром?

— Ты сейчас командир, — Сохатый ухмыльнулся, — тебе и решать. Я — как скажешь! Поднимись повыше, оглядись.

Иван хорошо представил состояние Сереги. Тот не имел права вернуться домой с неизрасходованными боеприпасами. На реплику Сохатого Терпилов не ответил, но самолет ведущего начал уходить вперед. Серега дал обороты мотору, набирал скорость и Сохатый. Примерно еще полминуты Илы брили над снегом, прежде чем Сергей послал машину вверх и затем положил ее в разворот.

«Молодец, — обрадованно отметил Иван, — на восходящей спирали всю округу осмотри». Он перешел на левую сторону от самолета Терпилова, чтобы не мешать ему в правом развороте, да и самому лучше видеть: теперь самолет ведущего и земля были с одной стороны. Заканчивался виток спирали, когда Сохатый увидел на обочине дороги у небольшого лесочка колонну автомобильных тягачей с артиллерийскими орудиями на прицепе. Машин было штук двенадцать. Крикнул удовлетворенно: «Что и требо-

валось! Везет Сереге!.. Наверное, не видит. Скажу сейчас...»

— Командир! Вижу авто и пушки! Атакуем эрэсами!

— Будет сделано, Сережа! Я правую половину колонны, тебе — левую!

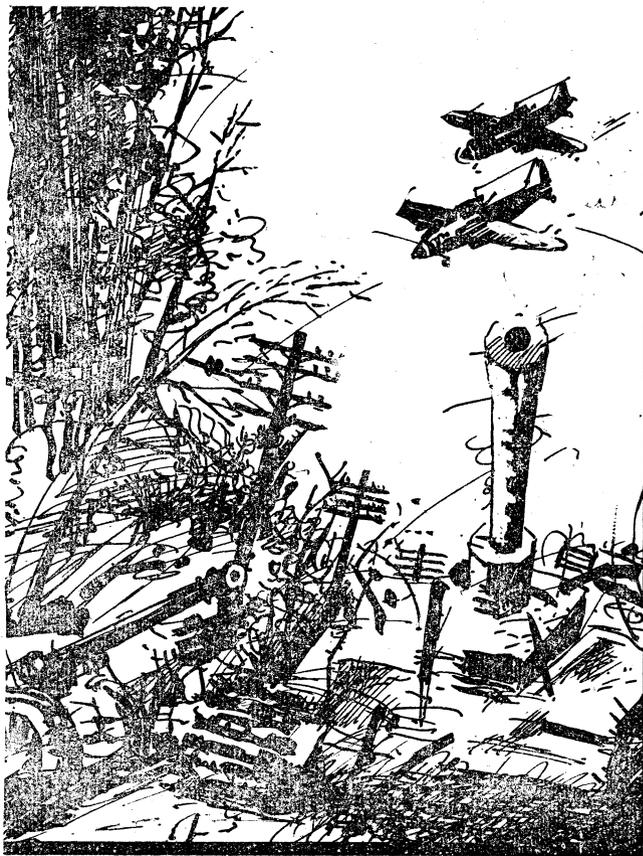
Самолет Терпилова, увеличивая крен, пошел в пикирование. Сохатый, наблюдая за передним Илом и целью, тоже вывел свою машину на прямую атаку. Пикирующий впереди самолет стрельбе не мешал.

Довернул чуть машину, увеличил угол пикирования, и два рядом стоящих тягача начали быстро увеличиваться в прицеле. Подумал: «Пора!» Первая пулеметная очередь — недолет, вторая — ближе... Теперь как раз.

Большой палец правой руки утопил два раза нижнюю большую гашетку на ручке управления, и из-под крыльев его машины в реве пламени унеслись к земле четыре реактивных снаряда — двести с лишком килограммов железа и взрывчатки.

Взгляд от прицела вверх: самолет Сергея уже снова забирался в небо. Иван в наборе высоты догнал самолет лейтенанта.

— Сережа, я на месте. Справа!

— Вижу, командир! Моя левая половина цели! Твоя — правая!

Стрелок Ремизов слушал разговор летчиков и после того, как они замолчали, вступил в разговор с Сохатым:

— Командир, там бомбить уже нечего. Влупили по первое число, на полигонную пятерку.

— На поиски другой цели, Петя, ни времени, ни бензина. Добьем этих и домой. Зенитный огонь был?

— Не видел. Наверное, прошляпили, а сейчас разбежались, которые уцелели.

Новая атака. Терпилов закончил снижение и боковую наводку самолета на цель на высоте пятидесяти метров. Глядя в прицел, ждал, когда тягачи и пушки появятся на нужной ему отметке для сброса бомб. С такой высоты промазать было просто невозможно. Времени было достаточно, и он учел величину рикошета бомб от земли, и длину серии из шести осколочно-фугасных.

На пикировании Сохатый разглядел, что его половина колонны разбита, и решил свои бомбы положить вдоль колонны. Он отвел свой Ил чуть вправо, а потом повернул его на цель. Все машины и орудия после такого маневра легли на осевую черту прицела. Теперь Илы летели на колонну сходящимися курсами, но перспектива пересечения линии пути самолета Терпилова после того, как он уже сбросит бомбы и пройдет цель, не беспокоила Ивана: он видел впереди идущего, а замедление на взрывателях в семь секунд обеспечивало полную безопасность от разрыва бомб.

Самолет ветром чуть уносило с дороги в сторону, и Сохатый повернул его. Прошло несколько секунд, и машина Сохатого вышла на расчетную дальность. Сброс... Нажата кнопка автомата. Бомбы ушли.

Но Сохатый не успел осмыслить итог своих действий: перед носом самолета выросли фонтаны земли, клубы дыма, через рокот мотора прорвался грохот взрывов, Ил подбросило, с металлическим лязгом ударило чем-то, завалило на крыло. Еще, еще и еще!

Первая мысль: «Взорвались боеприпасы в колонне... Нет, бомбы Сережи!»

Вывав машину из ада, Иван почувствовал сладковато-приторный запах сгоревшей взрывчатки, горько-кислую землю на зубах, очки от попавшей в кабину пыли и гари затуманились.

— Петя, как ты?

Молчит. Или убит, или радиотелефон разбит.

— Сережа! Как у тебя?

— Хвост побит. Лететь можно. Сами целы? Как у вас?

— Досталось. Не знаю, как мотор. Лечу пока. Пошли напрямую к линии фронта.

Сохатый подвел свою машину совсем близко к самолету Терпилова:

— У меня стрелок молчит, видишь его?

— Не видно. На вашей машине снизу здорово побиты фюзеляж, крылья и моторная броня. Снизу течет что-то.

— Теперь и я по приборам вижу: падает давление масла и вода закипает. Не дойду.

— Я рядом сяду, заберу.

— Запрещаю. Твой самолет тоже изрядно побит. Набирай метров сто пятьдесят, я под тобой спрячусь. Выберу местечко на отшибе и сяду, пока не заклинило... Надо чтобы сейчас тебя одного видели.

Терпилов поднял машину над землей, а Иван прижался своим Илом к земле.

— Командир, сяду я. Вместе воевать будем на земле, если не улетим.

— Запрещаю. От места, где мы «шумели», ушли километров на семь. Оставшиеся живые нас давно не видят. Новых нет. Место тут спокойное. Ближе к линии фронта опаснее будет. Масла нет. Живы будем — придем. С бомбами разберись. Уходи по прямой, не жди. Привет ребятам!

— Понял, командир! Ни пуха ни пера! Ждать буду!

Сохатый пролетел еще с километр в кильватере за выше идущим самолетом и стал садиться без шасси и закрылок, решив, что такое приземление безопасней, если старые окопы или канавы под снегом. Да и лежащий на фюзеляже самолет хуже видно издалека. Лишь бы момент посадки прошел незаметно.

Ил коснулся поля мягко и, резко затормаживаясь, со скрежетом пополз по промерзшему пахотному бездорожью, в задней кабине звонко ударило каким-то железом о железо. Лопаста пропеллера, сгибаясь от удара, повернулись в последний раз, бросая землю на кабину, и крутыми рогами замерли в неподвижности. Скрипа и ударов, тряски и бросков хватило секунд на пятнадцать, а показались они долгими. Почти неожиданно Сохатого охватила тишина. Посадка закончилась, снежный туман, перемешанный с черноземом и травой, опал. Взору открылся близкий горизонт. «Никого!.. Может, пронесет? Сразу не перехватят, так уйдем. Светлого времени-то чуть больше часа осталось».

Сохатый открыл фонарь кабины, осмотрелся. Тихо позвал:

— Петя?! — не услышав ни ответа, ни движения, спросил громче: — Петя, ты слышишь меня?! — и опять вопрос повис в воздухе.

Сохатый вытащил из летного планшета карту, засунул ее в карман комбинезона, не снимая парашюта, через борт кабины вывалился на крыло и скатился на землю. Теперь можно было

встать и снять парашют. На фоне силуэта машины его издали наверняка было почти не видно. Освободившись от лямок, он заглянул в заднюю кабину и сердце сжалось: с окровавленным лицом стрелок лежал на полу кабины, видимо, без сознания. Сорвавшийся с турели крупнокалиберный пулемет лежал на Ремизове.

«Неужели убило? — подумал Иван. — Уходить нельзя, да и куда убежишь. Хоть и немного снега, а след-то на нем останется». Он нагнулся к парашюту, дернул за вытяжное кольцо, и ранец раскрылся. Иван торопливо растянул белый шелк купола по снегу и, осмотревшись по сторонам, стал быстро натягивать его на хвост, фюзеляж и мотор. Закончив работу, он вновь настороженно огляделся и облегченно вздохнул: безмолвие по-прежнему висело над ним.

Иван нырнул под шелк парашюта, открыл фонарь задней кабины и спустился в нее. Затем поднял пулемет и выложил его на фюзеляж. Посадил, привалив к бронеплите, стрелка.

— Петя, ты слышишь меня? — задал вопрос, хотя был уже уверен, что ничего спрашивать не надо. Открытые глаза, как холодные стекляшки, зеркально отражали свет. Стащил с руки перчатку, поискал пульс, но не нащупал его. Тогда он расстегнул на стрелке привязной ремень, парашютные лямки, молнию комбинезона: под одеждой еще сохранялось тепло жизни. Сунул руку внутрь, туда, где сердце: под одеждой было тепло и мокро. Он вытащил руку — кровь. Стал осматриваться, чтобы понять, чем его убило: правый борт кабины был проломлен в нескольких местах, видимо, осколками бомб, через разрывы которых они пролетали. Сохатый заплакал от предстоящего навек расставания с другом. Страшно, когда только что говоривший с тобой человек падает замертво. Он плакал от горя и от стыда. Так глупо получилось — от собственной бомбы погиб опытный солдат и друг. Стыдно было за себя и подчиненных ему людей, которые плохо выполнили свою работу: вместо взрывателей замедленного действия установили мгновенные. Виноваты оружейники, виноват и Сережа, не проверил. И он, комэск, тоже хорош!

Глотая слезы, давась ими, Иван закрыл погибшему глаза, ощупал карманы его гимнастерки, чтобы лишний раз убедиться, что они пусты. Потом застегнул молнию комбинезона, забрал пистолет и финский нож. Поцеловал в окровавленное лицо.

— Прости, Петя, и прощай. Жив буду — приеду.

Сохатый не торопился уходить. Он теперь был в полной уверенности, что его посадку немцы не видели, а случайным взглядом издали самолет сейчас обнаружить невозможно. Передвигаясь вокруг него на четвереньках, чтобы быть менее

заметным в темном комбинезоне, Иван полностью закрыл самолет шелком, двух парашютов хватило. Обвязал стропами, чтобы не сдуло. Закончив маскировку, устроил перекур, потом смастерил себе балахон из куска парашютного полотна, прорезав в нем дыры для головы и рук, подпоясал его стропой, на голову в черном шлемофоне повязал белый платок, сбросил с унтов тяжеленные и шумные галоши. И когда багровый шар солнца провалился за горизонт, пошел.

Через полчаса ему стало жарко, и он сделал вынужденный привал. Лежал на спине, жевал из карманного запаса сухарь, разглядывал небо. Оно из темно-фиолетового переходило в густосинее. Чем темнее становился небосвод, чем больше высвечивалось вверху звезд, тем глубже и выше казалось Сохатому небо. Он перестал жевать, сунув остаток сухаря в карман, и лежал ни о чем не думая.

Спина стала слышать холод, и Сохатый сел. Закурил, пряча пламя спички и огонек папиросы, стал думать о выходе к своим. Решил идти не торопясь. Спешить не было смысла: до линии фронта километров десять-двенадцать, а впереди у него целая ночь. Он развязал платок, снял с головы шлемофон и ножом вырезал в наушниках сквозные отверстия. После этого вернул экипировку обратно и прислушался — мир ветра и снега ожил, он слышал теперь шелест поземки и колыхание маскхалата.

Хотелось пить, он сунул в рот комок снега, затем уточнил по звездам направление и тронулся в путь.

Иван шел под мерцающим светом безлунного ночного неба, а в душе все еще жило ощущение полета, явственно виделся живой Петр: то на отдыхе, то в работе. Умный и злой. Перед вылетом всегда сосредоточенный. Расчетливый и надежный в боях с «мессершмиттами».

Не стало еще одного друга... Ушел он, успев отправить в мир иной пять летчиков-истребителей врага, убрал с нашей земли не один десяток зениток, автомашин и фашистской солдатни. Это ли не взнос в будущую победу! Не оставил только продолжения жизни, не успел обзавестись семьей.

Сохатый долго шел, опустив голову. Шел сосредоточенно, вроде не думая ни о чем, но оказалось не так.

Как будто с большой высоты Ивану открылись земные дали: Куйбышев, Горький, Сталинград, Москва, Калинин, Великие Луки, Орел, Курск, Белгород, Харьков, Киев, Сарны, Львов, реки и дороги, леса и поля, над которыми они летали в военные годы. Замелькали лица погибших товарищей и друзей. Некоторые города и реки воспроизводились памятью в туманной дав-

ности, и в ней же размывались лица ребят, погибших первыми. Правый фланг шеренги мертвых по законам перспективы терялся в июне сорок первого, а самым левым, самым крупным, окровавленным и еще горячим стоял Петр Резов.

Впереди вспыхнула осветительная ракета. От неожиданности Иван вздрогнул, упал на снег. Привыкшим к темноте глазам свет показался очень близким и ярким. Но выстрела ракетницы он не слышал. Значит, это далеко. Тут могут располагаться артиллерия или батальоны второго эшелона немцев, поэтому возможны часовые и патрули. Пора уже ушки топориком...

Сохатый решил получше оглядеться. В отдалении маячило неясное нагромождение чего-то темного, возможно, это деревня. Топать надо только по целине, по открытому месту. Линии фронта сплошной, наверно, нету, а окопную черноту на голом месте увижу наверняка раньше, нежели меня разглядят. Часовые-то смотрят больше не в тыл, а в другую сторону.

Сидел, отдыхая, грыз сухарь. Заел его снегом и пошел, не пригибаясь, надеясь, что белое на белом издали не видно. Обошел деревню. Обошел, не приближаясь к опушке, лес. Вовремя увидел орудия на огневых позициях. Долго лежал перед какими-то окопами, промерз, пока решил через них перебраться. Двинулся вперед, когда убедился, что они пусты.

Чем ближе становился передний край, тем больше опасностей подстерегали Сохатого, он весь ушел в слух, в зрение и обоняние. Перебегая и переползая в темноте, отлеживаясь и высматривая путь очередного броска под голубоватым мерцанием света ракет, Сохатый все время убеждал себя не торопиться, чтобы не проглядеть какой-нибудь окоп, дзот, охранение или проволоку. Пока ему удавалось быть невидимым и неслышимым. На крайний, совсем уже последний случай в руках нож и пистолет. Если отдавать жизнь, то подороже.

Сохатый уже почти уверовал, что перейдет линию фронта, потому что свой передний край был тих, и немцы поэтому вели себя спокойно. Светили и постреливали наугад, на всякий случай, для собственной бодрости. Сохатый выбрался на уровень стрелков ракетами и убедил себя, что он на переднем крае немцев. Присмотрев чихлый с голыми ветками небольшой кустик, осторожно подполз к нему — все какая ни есть, а тень. В отсвете снега глянул на часы. Время позволяло без спешки присмотреться к жизни в первой траншее врага, к смене часовых, к расположению охранения и секретов, уловить десятки на первый взгляд неприметных мелочей, от которых могла зависеть удача...

Он лежал затаившись, напряженно взгляды-

ваясь в близкую траншею, по которой не торопясь ходил часовой. Иван заметил по часам его маршрут и думал, что, пока немец идет в дальний край, он успеет спрятаться в окопе, в его тупике, куда часовой не заходит. Лишь бы там не оказалось землянки или дзота. Надо было рискнуть: другая смена может выбрать другую ходку.

Немец вернулся на привычное для него место поворота и пошел назад.

Сохатый выполз из-за куста и, быстро забрав руками и отталкиваясь от земли коленками, двинулся вперед. Взлетевшая ракета осветила местность, и он почувствовал себя так, как будто его раздели догола на людной улице. Вжался в снег, следил за немцем-часовым, дождался, пока ракета потухнет, и через несколько секунд осторожно сполз в намеченный им угол траншеи. К его счастью тупик оказался не жилым. «Видимо, повезло: попал на самый фланг взводного или ротного участка обороны».

Послышались шаги, они приближались. Почти не дыша, Иван старался определить расстояние до идущего человека, но тревожный стук сердца мешал: отдавался в ушах.

Шаги замерли совсем рядом. Замер и Сохатый, готовый ко всему. «Поворачивай назад, — мысленно внушал он часовому. — В этом твоя и моя жизнь. Если встретимся, один из нас умрет».

Вновь послышалось движение. В проеме траншеи потемнело, кольхнулся воздух, и он увидел ногу, сделавшую шаг к нему. Сохатый резко выпрямился, выбросил в проем траншеи руку и, почувствовав, что она уперлась во что-то живое, выстрелил. Глянул вверх убитого часового в дальний конец траншеи — ничего и никого не увидел. Тогда он снял с немца автомат, вылез из траншеи в поле, в сторону, где был бруствер.

Отполз метров тридцать и оглянулся: над бруствером никого не было. Прислушался и уловил чуть слышный гомон — вдалеке разговаривала, наверно, новая смена. Захотелось побыстрее отползти как можно дальше, но он сдерживал себя, потому что резкие движения могли замечать.

Ползти было тяжело. Еще тридцать метров. Иван решил, что отполз достаточно и немцы на таком расстоянии его не увидят. Перевернулся на спину и расслабленно разбросил руки в стороны. Наблюдал за стороной врага, отдыхал.

«Наверное, буду скоро у своих, — думал он. — Сколько ползти, сто, двести метров?»

В траншее, из которой он недавно выбрался, вдруг послышался громкий и возбужденный гортанный разговор, автоматные очереди. Одна за другой взлетели в небо ракеты, из дальнего края заработал станковый пулемет, полетели в его сто-

рону две гранаты, но разорвались с большим недолетом.

Иван лежал не шевелясь, понимая, что если он обнаружит себя, живым не уйдет.

Снова взлетели в небо две ракеты, поднялась автоматная стрельба, но пули шли выше его, полетели в другую сторону еще три гранаты, после чего наступила относительная тишина, в которой треск взлетающей ракеты и автоматная очередь воспринимались уже как брехня деревенского кобеля, досматривающего десятый сон на рассвете.

Оглядев еще раз чужую сторону, Иван перевернулся на живот и стал изучать, что ждет его впереди. От охватившего его нетерпения время потекло медленнее, стрелки на часах вроде остановились. Скоро ему уже стало казаться, что лежит он так целую вечность. Впереди было, как и раньше, темно и тихо. Сохатый осторожно пополз.

Наконец Иван почувствовал дым: наносило слева, к запаху горящего дерева примешивался аромат пищи. Какой, он не мог понять, но нутром определил, что пища не немецкая, своя, знакомая ему давно.

«Где-то рядом горячее едят... Разговора не слышно, значит, в землянке или блиндаже, вырытых еще немцами. Своих-то за один-два дня не нароешь... Что же делать? Крикнешь — пристрелит какой-нибудь полусонный солдат с перепугу... Поползу на дым и буду лежать. Ждать надо смену часовых или другой какой случай, чтобы не один человек был. Лучше всего разговор услышать, тогда наверняка и без ошибки.— Иван посмотрел на часы.— Можно и подождать».

Было жарко, а стало холодно. Промерзающее тело начинало знобить. Сверху накрапывало: ледяные иголки попадали временами в лицо, от чего делалось еще холоднее. Хотелось размять одеревеневшие руки и ноги.

«Буду терпеть... Одна ошибка, равная преступлению, уже сделана. За нее заплатили жизнью и самолетом. Вторую делать не буду... Как Терпилов доложил? Если понял, что рвались его собственные бомбы, а не понять этого было нельзя, то обязательно сказал, как было: парень он честный... Кто только из экипажа виноват: летчик или технический состав? Неужели Серега не уточнил вариант взрывателей? Если он прав, то судить оружейников трибуналом могут. Приговор известен заранее — в штрафную, искупить вину кровью. Об искуплении же чаще узнаешь по похоронке. Значит, еще прибавится одна или две жертвы, и без этого не обойтись...»

Невдалеке чуть заметно моргнул свет, мелькнуло что-то более темное, чем ночь. Послышались шаги, разговор:

— Степан, ты еще не замерз?

— Терпимо. Только видно хуже: облака пришли, просом ледяным из них сыплет.

«Свой», — радостно подумал Иван.

— Эй, наблюдатель, — подал он голос. — Кто там в окопе? Кто меня слышит? Отзовись. Русский я, летчик, сбили меня, иду из немецкого тыла.

Прислушался. Тихо. Никто не отозвался.

— Вы что, языки проглотили? Отзовитесь. Боюсь я подниматься, а то еще застрелите.

— Не застрелим. Где ты? Подними руку... Ага, видим. Ползи вперед. Тут чисто.

Пополз... Свалился в окоп. Не успел встать, как услышал:

— Давай поднимайся, ползун.

Сохатый встал, привалился спиной к стенке траншеи. Оглянулся. Подошли с разных сторон по два человека в ватниках и в таких же штанах, на ногах валенки, оружие наизготовку. Пахнуло знакомым — костром и дымом, махоркой и черным хлебом.

— Здравствуй, пехота! Что вы, как сычи, на меня смотрите? Человек с вами здоровается, а вы в молчанку играете.

— Здорово, коли серьезно. А теперь давай твоё оружие и пойдем к начальству. Там разберемся.

Иван отдал автомат, два пистолета — свой и Петра, нагнувшись, вытащил из-за голенищ унтов два финских ножа.

— Все, больше нет ничего.

— Документы?

— Какие могут быть у меня документы? Вы же в разведку с документами не ходите?

— Твоя правда. Звание и должность какие имеешь?

— Старший лейтенант, по-пехотному — командир батальона, а по-нашему — командир эскадрильи.

— Верим, но проверять все равно придется... Я командир роты. Сержант Филимонов, — говоривший повернул голову к рядом стоящему бойцу, — с Петуховым на пару проводите летчика до комбата. Оружие его возьмите с собой, там сдадите. Счастливого пути, старший лейтенант...

Двинулись. Шли ходом сообщения молча, сержант Филимонов — впереди, нес оружие Сохатого, Пастухов — за спиной, с автоматом.

До следующей траншеи и блиндажа оказалось метров четыреста, и Иван в движении немного согрелся, озноб унялся и дышать стало легче.

...Закончив формальности допроса, комбат поднялся:

— А теперь, старший лейтенант, пойдем вечерять. Покормим тебя и ложись спать. Разберутся в твоей биографии и «по этапу» двинешься дальше.

— Не возражаю.

Капитан приподнял край плащ-палатки, отделившей часть блиндажа.

— Проходи и садись за стол. Тут у нас и штаб, и дом, и столовая...

На столе в котелке вареная, целиком обжаренная, румяная, пахнущая салом и дымом картошка. В нос ударил запах рядом стоящей квашеной капусты. Вилки были нарезаны крупными кругляками, как белый хлеб, и полит постным маслом. Рот у Сохатого наполнился слюной, а в голодном животе появилась боль. Взял отрезанный через всю булку кусок черного хлеба, положил на него сверху ломоть капусты и потянулся за картофелиной...

— Подожди чуток, — капитан открутил пробку фляги и налил в солдатскую кружку, — на вот, держи. Согреешься и крепче спать будешь.

Иван взял кружку. Понюхал.

— Ты не нюхай, а пей. Мне нельзя, дежурство, а ты — гость.

Сохатый попробовал налитое, но крепости не почувствовал, запах какой-то необычный и вкус непонятный.

Посмотрел на капитана. Засмеялись оба.

— Пей, пей! Мы раньше пробовали. Ничего.

Выпил и навалился на капусту и картошку. Ел молча. Командир батальона делал вид, что не замечает его торопливости.

По телу Сохатого разливалась горячая волна, голову кружило. Захотелось спать.

...Ему помогли вылезти из-за стола со словами:

— Ложись. Утро вечера мудренее.

Он лег навзничь и сразу провалился в полную тишину, где нет ни ночи, ни дня, нет измерения.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

День был на исходе. Сохатый сидел в палатке один и неторопливо изучал по карте начертанные линии фронта, выбирая наиболее выгодные для групп маршруты полета и направления возможных штурмовых атак, чтобы утром на общей подготовке летчиков к боевым действиям предложить свои рекомендации. Но задумчивую тишину нарушил громкий вопрос:

— Кто видел штурмана полка?

Голос звучал молодо, скорее даже подростково. В нем слышались ломкие переходные нотки. Посыльный, видимо, был из последнего пополнения, неопытный, и поэтому не знал, где искать штурмана.

Иван с неохотой оторвался от карты, но не отозвался.

— Солдат, посмотри в палатке управления

полка, — ответил незнакомый Ивану грубоватый баритон. — Он обычно в ней и отдыхает, и работает.

Входной полог палатки откинулся, и просунулась голова в пилотке, затем мальчишеская фигурка в необмятом обмундировании. Приложив почти по-пионерски руку к пилотке, солдат отработал:

— Посыльный Крекшин. Товарищ майор, вас вызывает командир полка на ке-пе, срочно.

— Хорошо, Крекшин, — Сохатый улыбнулся. — Скажи, что сейчас буду... Сколько тебе годов?

— Восемнадцатый.

— Ну, иди. А я — следом.

Солдат, пятясь, выбрался наружу. Майор остался один. Застегивая ремень, забирая летный планшет с картой, шлемофон и перчатки, он все еще думал о молодом солдате. Худое скуластое лицо, худая шея. И виной тому, наверное, прежде всего голодные тыловые харчи и мужская тяжелая работа.

Иван натужно крякнул, как будто на него накатили телегу с поклажей, как-то наискось покачал головой и вновь повторил не раз уже думанное: «Вот какая она война с изнанки. Призывали таких, как Крекшин, и мужиков, коим за пятьдесят. А серединочка, что между ними, ой как поредела: меньшинство у станков, а большинство — по госпиталям мыкается да в могилах спит вечным сном... На заводах еще мужик задержался, а в деревнях, которая пехота дает? Кем Русь подыматься начнет?..»

Сохатый вышел из палатки и застегнул вход на крючок, закрывал старательно, как будто уходил надолго. Оглядел по-осеннему желто-зеленое летное поле: узкая полоса земли среди дозревающей кукурузы. С двух сторон — ряды деревьев, начинающих сбрасывать листья, под ними, вперемежку с домами, самолеты. Все это очень приближенно могло быть названо аэродромом.

И все же Иван смотрел на настоящую боевую позицию штурмовиков полка — первый аэродром не на своей родной, советской земле. Подняв взгляд выше деревьев, он изучающе окинул вкруговую небо — солнце на трети четверти скатилось с его самой верхней точки и начало отсвечивать вечерней медью, отчего и само небо, и громоздящиеся на юге облака, и воздух стали пропитываться красноватыми оттенками, заполняться дымкой.

Через минуту Иван Сохатый входил на КП полка — в сдвоенную стандартную армейскую палатку.

— Товарищ подполковник, прибыл!

— Хорошо. Иди сюда.

Сохатый подошел к столу, за которым сидели

Ченцов и Зенин — заместитель по политической части. Иван бросил быстрый взгляд на крупномасштабную карту, лежавшую перед ними. Обстановка показалась знакомой, тревожных изменений в ней, кажется, не было.

Командир полка, перехватив его взгляд, усмехнулся.

— Не туда, Сохатый, смотришь, вот сюда гляди,— и ткнул острием карандаша.— Эта железнодорожная станция питает фашистские войска, противостоящие нашим частям на северном и северо-западном участках Сандомирского плацдарма. Днем туда посылались бомбардировщики и штурмовики из другой дивизии. Но задачу они, как надо, не решили. Напоролись на сильнейший зенитный огонь, на барражирующих там истребителей. Мы понесли потери, а станция работает. По докладу воздушной разведки, которой тоже попало, на станции сейчас много эшелонов. По ним надо немедленно ударить.

— Командир, ночь уже наступает... Но если надо, я готов.

— Не в тебе одно дело. Приказали послать эскадрилью. Ты поведешь. Велено удар нанести через пятнадцать-двадцать минут после захода солнца, и этим достичь наибольшей внезапности. Думаю, что в такое время вражеских истребителей вы не встретите, и зенитчики могут оказаться на ужине. Какие вопросы?

— Ночью ни я, ни мои летчики не летали. Приказать им делать то, чему не обучены, наверное, невозможно.

— Строй полк и набирай восемь экипажей добровольцев. Если желающих будет больше, выберешь которые поопытней.

— Понял! Дежурный, звоните в эскадрильи: командирам и летчикам — бегом на КП!

Молчавший до этого Зенин решил вмешаться: — Иван Анисимович, хочешь совет от политработника?

— От доброго совета я никогда не отказывался, Владимир Николаевич.

— Добровольцы — это похвально. Но попытайся взять в основном летчиков из бывшей своей эскадрильи. Они тебя хорошо знают, доверяют и понимают с полуслова.

— Это вы правильно подметили. Спасибо.

— И еще! Мы с командиром не пойдем на построение. Одному тебе будет удобней разговаривать, а летчикам решать.

— Пусть будет по-вашему.

От нахлынувших противоречивых мыслей и чувств майор не мог сразу сосредоточиться на предстоящем полете. Он понял, что ему потребуются на это какое-то время. Сохатый перешел в соседнее помещение, в котором обычно уточнялись задачи на вылет.

Железнодорожную станцию он помнил зри-

тельно, раньше бывал в том районе. Маршрут полета к ней не вызывал никаких сомнений. Главным препятствием становилась надвигающаяся ночь. Сумерки могут, конечно, помочь дерзкому налету. Но как выбираться в темноте?

Иван вытащил из планшета карту. Достал навигационную линейку, карандаши, транспортир и стал прокладывать маршрут, стал думать не о самом полете, а о ночи. Закончив с картой, положил планшет на скамью и лег лицом вверх, закрыл глаза.

Под Сталинградом впервые попытались применить штурмовики для боевых действий ночью, вспоминал Иван, но вынуждены были отказаться. Причины ему были неизвестны, о них можно только догадываться. Ил не очень приспособлен к ночным полетам, и потери оказались чувствительными...

Под Белгородом корпус, в котором служил Сохатый, вновь пытался освоить ночные штурмы. Инженеры даже сделали приспособление на самолетах, уменьшающее ослепление летчика моторным выхлопом, но «ночная война» не прижилась. Не может быть, чтобы ее отменили из-за того, что фашистские летчики блокировали ночной аэродром. Скорее всего и здесь повлияла «сталинградская причина».

Сохатый стал представлять себя и группу по этапам полета в ночном небе... Темнь, слепящие выхлопы впереди кабины, мешающие летчику видеть землю и соседние машины. Блики кабинного освещения и опять же выхлопы, делающие стекла фонарей летчика и стрелка зеркально-непрозрачными. Он попытался «увидеть» пикирование, пламя от стрельбы своего оружия, смертельные лучи прожекторов врага, реальную опасность столкновения самолетов. Дальняя авиация воюет ночами с первого дня войны. Прошли годы, а она все еще выполняет задачи одиночными экипажами. Видимо, неспроста...

Вопросы и сомнения, которым нет конца.

Если никто не оторвется от строя и не потеряется в темноте, если самого не собьют над станцией, то приведу пилотов домой. Но как они будут действовать над аэродромом самостоятельно, не владея приборным полетом, как выполнять посадки в темноте? Опыт нужен! Опыт! А его ни у меня, ни у тех, кто полетит,— нет...

Но задачу выполнить нужно, и Сохатый по крупицам стал выстраивать схему предстоящего вылета. Даже единственный за летную службу ночной полет на У-2 пытался проанализировать, восстанавливал в памяти детали своих действий и ощущений.

— Товарищ майор,— Иван услышал, как дежуривший по КП адъютант эскадрильи подходит

к нему,— собрались уже. Вы что, спите? Ну и нервы!

— Нет, не сплю,— Сохатый сел.— А нервы есть. Как же без них... Планшет оставляю здесь. Выберу летчиков и сразу вернусь обратно. Готовиться тут будем.

Сохатый вышел. Метрах в двадцати от палатки увидел полукругом стоящих летчиков, а за ними, как всегда, в затылок — воздушных стрелков.

Негромкие разговоры враз смолкли. Выжидающе-вопросительные взгляды обратились к нему, и он двинулся им навстречу. Несколько шагов хватило Ивану, чтобы осмотреть строй и убедиться: все в сборе. Совсем не просто сказать: «Кто полетит?» В каждом офицере и солдате тотчас сшибутся мысли о жизни, о смерти, и никто из них сразу не сможет себе ответить: да или нет...

— Товарищи! Приказано в глубоких сумерках, через двадцать минут после захода солнца, нанести удар девятой самолетов по железнодорожной станции. Я — ведущий... Станция прикрыта плотным зенитным огнем. Днем над ней дежурили истребители. Возвращение домой, как вы понимаете, будет ночью со всеми вытекающими из этого сложностями и опасностями... Пойдут только желающие. На обдумывание даю три минуты. С решением не горячитесь.

Он посмотрел на часы и повернулся к инженеру полка:

— Товарищ инженер, с командиром вопрос согласован. Как только определится, кто полетит, на самолеты подвесить по три фугасных и по три зажигательных бомбы. Взрыватели мгновенные. Реактивные снаряды поставить на стрельбу одним залпом. Проверить самым тщательным образом ночное оборудование самолетов и показать летчикам, как им пользоваться. Вылет,— он взглянул на часы,— через сорок минут.

— Иван Анисимович, все будет сделано. Давайте побыстрее самолеты.

Сохатый повернулся к летчикам:

— Ну как, товарищи, обдумали? Кто хочет полететь — два шага вперед!

Майору очень хотелось, чтобы первыми вышли из строя летчики, которыми он раньше командовал. Если не все, то хотя бы старики, пролетавшие с ним вместе целый год. Нужен был пример. За первым летчиком появятся и другие смельчаки.

Прошло три, может быть, пять секунд молчаливого ожидания, и сердце Ивана радостно екнуло: вперед шагнул принявший от него эскадрилью Гудимов, за ним сразу двинулись Терпилов, Безуглый и все остальные прежние его подчиненные. А потом произошло совсем неожиданное — сделала два шага вперед половина лет-

чиков, все, кто имел более или менее приличный боевой опыт. Теперь нужно было сделать верный выбор и не обидеть людей.

— Гвардейцы, спасибо за товарищество и доверие. Но всех на вылет взять не могу. Решим так: пойдет пять экипажей третьей и звено первой эскадрильи. Заместителем в полете назначу Гудимова. Остальных добровольцев определить непосредственным командирам. Тем, кто полетит, быстро в палатку на подготовку, стрелкам — на самолеты.

Сохатый повернулся к строю спиной и пошел, чтобы не мешать комэскам. Был уверен, что те сами выберут людей, способных наиболее успешно решить нелегкую задачу.

Истина — на фронте живет тот дольше, кто чаще в бой летает,— им тоже была хорошо известна.

Сохатый вел группу к Висле. Чем больше тускнел пламень заката, тем тревожней становилось на сердце. Идущим рядом летчикам он доверял: они имели опыт боев, взлетали иногда в предутренних сумерках, из полутемноты уходили к светлomu небу. Теперь условия были другие — все хуже виделась земля и труднее стало выдерживать единый строй машин.

Ночь и облака набирали силу, и он прикидывал, чего можно ожидать в ближайшие полтора часа. Если облака полностью закроют небо, то темнее еще больше стуситесь. Над целью будет меньше возможностей для маневра, а прожекторами станут более опасными.

Сохатый не полетел через плацдарм: обе воюющие стороны вели себя там активно, а он не хотел усложнять и без того сложную обстановку. Обойдя плацдарм восточнее, майор развернул эскадрилью на запад и прошел в фашистский тыл без помех. Огнем артиллерии и прожекторами враг себя демаскировать не захотел.

— Летчикам в строю держаться пошире, занять боевой порядок. Чтобы видеть друг друга лучше, включить всем верхние навигационные огни, а в кабине свет убавить. Повторяю — верхний, чтобы не перепутали. Идем над чужой территорией. До цели пятьдесят километров. Оружие приготовить,— приказал Сохатый.

И убавил, сколько мог, освещение приборов. Из темной кабины лучше просматривалась земля. Нужно не проморгать железную и шоссейную дороги, идущие рядом с севера на юг. Они самые важные ориентиры для выхода на узловую станцию.

О чем пилоты сейчас думают? Какое настроение у них? Наверное, больше всех волнуется Терпилов. Только свадьбу сыграл, а тут — необычное задание... Перед свадьбой Сережа при-

шел к Ивану вместе с Екатериной Сенько посоветоваться: жениться или нет? А что он мог сказать, если они любят друг друга. Екатерина — оружейница, как и Люба... Эта девушка — Иван чувствовал — равнодушна к нему. Да и ему Люба нравилась, хотя между ними и словечка не было еще сказано. Остерегался Сохатый осторожного шага. Война жестока. Никто не знает, сколько жить отпущено. И счастье мгновенно, в любой день может стать трагедией.

Вот и сейчас: никто в группе и на аэродроме не знает, чем закончится сегодняшний полет, останется ли для улетевших утро. Конечно, больше всех сейчас волнуется на земле Катя. А может быть, и Люба...

— Командир, тебя совсем плохо видно, — Сохатый по голосу узнал Безуглого. — У меня мотор на выхлопе очень искрит, на стеклах огненные черти пляшут.

— Погоняй мотор на разных оборотах, может, лучше будет.

Иван, прикинув все «за» и «против», решил провести эксперимент, который обычно днем категорически запрещался:

— Группа, внимание! Разрешаю откатить фонари назад, только обязательно поставьте их на стопор. Если будет видно лучше, дальше пойдём с открытыми.

Открыл свой фонарь, осмотрелся по сторонам: самолеты стало наблюдать проще, да и землю лучше. Правда, опасней становились прожекторы и огонь врага, но решил, что слепота страшней.

— Я пойду с открытой кабиной. Вы решайте сами. Не настаиваю.

Через некоторое время вновь осмотрел идущие с ним самолеты — пилоты летели с открытыми фонарями.

Наконец он увидел нужные ему дороги: до цели осталось всего семь километров, станцию просмотреть теперь было невозможно.

Подождав, пока шоссе, видневшееся с двух тысяч метров лучше железной дороги, окажется за крылом, он скомандовал:

— Разворот на цель. После разворота пойдём с небольшим снижением. Обороты мотора не меняю.

Железная и шоссейная дороги после разворота виднелись теперь у него слева, и он постепенно вновь приближался к ним, зная, что через пять километров, через минуту полета, они выведут его к цели. Курс полета — из немецкого тыла к фронту. Если он правильно выбрал маршрут, то противовоздушная оборона немцев о нем оповещения не дала. На станции их вполне могут принять за своих, а пока разберутся, поздно будет.

Сохатый вел свой самолет все время так,

чтобы станция появилась сбоку, под углом градусов в сорок, и не было бы помех глазу от лобового стекла. В этом случае он мог раньше увидеть цель и точнее определить момент доворота на нее.

Чем ближе к цели подводил Сохатый группу, тем больше думал о прожекторах. Плохо придется тому, кого схватит даже один прожектор. На пикировании кабины полностью откроются свету, их не заслонит ни мотор, ни крыло, ни бронеплиты фонаря. Прожектор сейчас опасней пушек и пулеметов. Даже трудно представить, что будет в таком случае.

Он вспомнил летнюю ночь сорок второго года. Стоял он в окопе рядом с какими-то вагонами и наблюдал, как организован был гитлеровскими летчиками налет на станцию и как его отражали зенитно-прожекторные комплексы и пулеметчики. Тогда в одну ночь прожектористы без помощи зенитной артиллерии вогнали в землю два «юнкерса».

Показалась станция, и майор убедился, что его расчеты правильны.

— Цель вижу! Приготовились! Дать в cabinaх полный свет, но в кабины не смотреть! Наблюдать только за своим ведущим! Реактивные снаряды и бомбы — по моей команде. Кто попадет в прожектор и потеряет соседа, — сразу вверх и управлять машиной по приборам. Одиночки уходят от цели курсом на юго-восток, на плацдарм, группа — по моему решению.

С высоты тысячу пятьсот метров Сохатый уже довольно сносно различал общие контуры станции, когда с ее северной и южной сторон начали зажигаться прожекторы, а впереди самолетов засверкали звездочки разрывов снарядов. Фашисты искали самолеты и ставили заградительный огонь намного выше девятки Илов, никак не предполагая, что на станцию идут штурмовики на своей обычной высоте.

— Пошли в доворот и пикирование. Нас не видят. Не стрелять! — и тут же обращение по внутренней связи к стрелку. — Пискунов, как идут?

— В норме, командир.

Все круче наклоняя машину к земле, Сохатый старался рассмотреть станцию: не постройки, а пути и железнодорожные составы на них. Составы — главное. Увидев в отсвете прожекторов расходящиеся веером серебряные ниточки рельсов, майор понял, что пикируют в районе входных стрелок. Взглянул в лобовое стекло, но через него и дневной прицел станцию не увидел. Тогда он приподнял нос самолета чуть выше и, когда, по его мнению, дистанция сократилась до нужной, скомандовал:

— Приготовили снаряды! Залп!

Его окутало пламенем, ослепило, и он на

короткое время потерял землю совсем. Через мгновение он осознал, что неожиданность залпа испугала врага: прожекторы потухли и огонь зениток прекратился. Секунды растерянности немцев определили успех Сохатого: он вывел группу из пикирования в горизонтальный полет, довернул ее вдоль станционных путей, в разных местах замазанных темными колбасками эшелонов, и с высоты в пятьсот — четыреста метров приготовился к сбросу бомб.

— Гвардия, бомбы! — нажал на кнопку сброса. — Командирам звеньев — пушки! Стрелкам, огонь по земле!

Серию сбрасывал автомат. И Сохатый слышал, что автомат работает. Чуть позже ударные волны разрывов догнали его машину и подбросили несколько раз. Иван вел Ил в горизонтальном полете и, «играя» большим пальцем правой руки поочередно пушечной и пулеметной гашетками, прокладывая себе дорогу для выхода из атаки. Группа решала сейчас вторую задачу — создавала панику, заставляла врага прятаться, нервничать и ошибаться.

Разрывы бомб, огонь вкруговую вторично потушил и прожекторы и заставил замолчать фашистские зенитки. Правда, ненадолго. Но каждые десять секунд их молчания для летчиков и стрелков Сохатого равнялись километру жизни, а через тридцать секунд огонь врага стал не страшен — боевой вылет завершился.

— Пискунов, все целы?

— Все рядом, а целы ли — не знаю!

— Ты смотри, чтобы к нам десятый не пристроился. Вдруг ночники-истребители где-нибудь рядом и успели взлететь. — И обратился с вопросом к летчикам: — Доложить, кому попало над целью! — отпустив кнопку передатчика, подождал с минуту, давая людям время осмотреться. Строй молчал. — Молодцы! Будем выбираться домой. Маршрут прежний. Лишний свет в кабинах убрать.

Эскадрилью окружала ночь. Темнота облачного неба объединилась с чернотой земли. Но до Вислы разглядывать что-либо не требовалось. Группа перешла полностью на приборный полет.

Высота в триста метров гарантировала от столкновения с препятствиями и одновременно глушила шум от их полета, не позволяя врагам загода услышать и найти их в небе.

— Летчики, по сторонам не глядеть. Смотреть каждому за своим командиром и машину свою держать по его самолету. Фонари не закрывать.

Командир дивизии генерал Аганов не успел приехать на подготовку группы Сохатого, увидел взлет уже последней тройки самолетов. Ченцов

называл ему фамилии улетевших летчиков. На душе у генерала было беспокойно, но он скрывал тревогу. И вдруг, неожиданно для самого себя, спросил командира полка:

— Ты в людях уверен?

— Уверен, товарищ генерал.

Александр Филиппович не поехал в штаб, решил дожидаться возвращения группы, ему хотелось лично поблагодарить за мужество экипажи штурмовиков.

Темнота сгушалась и Агановым все больше овладевало беспокойство. Закапал дождь. Крупные и редкие пока капли падали Александру Филипповичу на лицо. В уши назойливо лезли звуки от ударов капель по брезенту палатки — такой барабанный гул. Генерал позвонил начальнику штаба дивизии:

— Семен Федорович, что слышно с линии фронта?

— Товарищ генерал, группа через район КП командира корпуса на линии фронта ни туда, ни обратно не проходила. Связи не держала, — слова в трубке звучали округло-плавно, без интонаций, как будто считывались с бумаги. — Сохатому это не вменялось в обязанность. От постов ВНОС¹ с плацдарма информации также нет.

— Я поехал на летное поле. Новости сообщите дежурному!

Не дожидаясь ответа, Аганов положил трубку на аппарат и быстро вышел из палатки.

Дождь усиливался. Неожиданно вспыхнувшая молния заставила генерала зажмуриться. Только открыл глаза, а небо, как будто специально ждало этого момента, опять плеснуло огнем.

«Не было печали...» Забравшись в машину, он поехал искать командира полка, который готовил освещение для посадки. Вспышки неба и фары «эмки» выхватывали из темноты группы людей, которые, не обращая внимания на дождь, стояли невдалеке от посадочной полосы. «Волнуются все, — подумал он, — ни у кого сейчас нет уверенности в успехе...» На аэродроме остро пахло бензином. Запах преследовал его всюду, и Аганов догадался, что им замочен всякий хлам, из которого подготовлены костры.

Поговорив с Ченцовым, генерал пошел вдоль полосы. Хотелось побыть одному, подумать и одновременно своим присутствием не связывать инициативу командира полка. Дождь продолжался, то усиливаясь, то чуть ослабевая. За спиной, со старта стреляли залпом из ракетниц. И вслед за выстрелами к облакам с шипением, расплескивая белый, зеленый и красный цвета, поднимались развесистым тюльпаном три раке-

¹ ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение, связь.

ты. Догорали взлетевшие, и их путь в небе через пятнадцать-двадцать секунд повторяли новые. Они подсвечивали своим трепещущим светом низкие черные облака.

«Согласился я на ночной вылет вопреки здравому смыслу,— выговаривал генерал сам себе.— А почему? Не смог убедить командира корпуса перенести данный вылет на утро. Днем могли бы послать не эскадрилью, а целый полк, обеспечив его крепким истребительным прикрытием...»

С другой стороны, железнодорожная станция врага — крепкий орешек. В светлое время неизбежны были бы большие потери, сомнителен результат удара... Ведь пробовали уже... Нет, согласился Аганов с корпусным начальством не из-за своего малодушия. Генерал прикинул, что неожиданный штурм станции малыми силами мог надолго вывести ее из строя и обойтись для наших летчиков бескровно... Ни дождя, ни грозы никто не предполагал. Даже метеослужба.

Генерал пошел обратно и стал представлять, что бы он сейчас делал на месте Сохатого. Время быть над домом, а дома нет. Но если я жив и не могу найти аэродром, то я бы шумел, обозначая себя ракетами, фарами, по радио просил бы помощи...

Как бы в ответ на его мысли на аэродроме начали зажигать костры — один, другой, третий, и вскоре по бокам летного поля протянулась огненная дорога.

Как добрый знак, это обрадовало Аганова. Слегка запыхавшись, он подошел к автомобилям, но штурмовиков в небе не было слышно.

— Через сколько будут?

— Не знаю, товарищ генерал,— Ченцов отвечал тусклым, прокуренным голосом.— Расчетное время вышло. На мой вызов ответа не получил, но полосу зажег. Думаю, может, они где-то рядом, а связь нарушилась из-за грозы.

— Будем ждать. Костры поддерживать. Ракет не жалеть. Каждую минуту вызывать на связь!

Аганов пошел к своей машине, снимая на ходу намокшую, задубевшую от воды накидку. Бросив ее спереди, отряхнул фуражку и влез в «эмку» на заднее сиденье. Захлопнул дверцу, опустил стекло и с жадностью закурил. Он почему-то не стал думать, прилетят — не прилетят, а стал прикидывать, как утром лучше организовать розыск группы. Поймав себя на этой мысли, Александр Филиппович понял, что он, отдавая себе отчета, уже признал возможность если не гибели всех штурмовиков, то, по крайней мере, вынужденной их посадки. Но где?.. А метеорологи за ошибку сполна ответят...

В глубокой задумчивости Аганов не заметил подошедшего командира полка и вздрогнул от его близкого и громкого голоса:

— Товарищ генерал,— сказал Ченцов,— не прилетят они. Уже тридцать минут, как бензин кончился. Сели где-нибудь у линии фронта.

— Ладно, тушите костры. Утром рапорт об экипажах и погоде. Новости сообщайте немедленно.

Когда летчиков эскадрильи вызвали на командный пункт, Люба Рысева сидела у самолета на штабеле бомб, упакованных в деревянные решетчатые ящики, и читала.

«Неужели задание? — Люба посмотрела на часы, потом взглянула на солнышко.— Нет, лететь уже поздно». Такой вывод успокоил ее. Она вновь занялась книжкой, но скоро поняла, что смысл фраз от нее ускользает.

Летчики задерживались. Закрыв книжку, Люба решила пойти к самолету Екатерины Сенько. Катя в последние дни стала для нее ближе других. Особенно после свадьбы: тогда Иван Сохатый удивительно хорошо говорил о Сереже и радовался счастью друзей.

Сколько Люба помнила, Терпилов всегда летал на задания ведомым Сохатого. Это постоянство без слов характеризовало их отношения. Бо-

еое содружество Ивана Анисимовича с Терпиловым порождало в ней к Сереже благодарные чувства. Свет влюбленности, отражаясь от Сохатого, падал теперь и на Сережу, и на его жену.

Увидеть Катю Люба не успела, помешала появившаяся на стоянке эскадрильи автомашина с прицепом. На подножке «ЗИСа» стоял инженер полка и командовал распределением бомб. Сгрузили бомбы у самолета Безуглого, и Люба услышала короткое распоряжение технику:

— Срочно подвесить! Взрыватели мгновенные. Готовь машину к ночному вылету! На все работы — двадцать минут.

...Время тянулось мучительно медленно. И чем дольше Сохатый находился в полете, чем темнее становилось, тем тревожней чувствовала себя Люба. Когда же пошел дождь, а потом и засверкало над головой, она совсем струхнула.

Ей очень хотелось побежать к командиру полка, узнать, где Сохатый и когда прилетит, но она сдерживала себя, понимая, что этого нельзя делать: волнуются все, но ждут терпеливо.

За два года, проведенных на аэродроме, когда вокруг нее непрерывно велись разговоры о погоде, о видимости и туманах, о дожде и снеге, облаках и грозе, Люба многое поняла. Она сейчас хорошо представляла, что летчикам неизменно трудно. При ней еще ни разу не было ночных вылетов.

Ее самолет не улетел, но она не пошла ужинать — не могла уйти, не увидев хотя бы издали Сохатого. Соорудив под самолетом из пустых ящиков сиденье и завернувшись в плащ-накидку, она решила ждать. Обычно одиночество располагает человека к размышлениям. Но тревога, все больше овладевавшая Любой, не давала ей сосредоточиться на чем-то определенном.

С тех пор, как Люба оказалась на войне, она определяла возраст людей не по прожитым годам, а временем, проведенным на фронте. Хотя и представляла, что не все в действующей армии постоянно подвергаются опасности, что есть и на фронте тыл. Летчикам же к их фронтовым дням она прибавляла еще более сложные величины — боевые вылеты.

Люба так и не смирилась с потерями. А их было много. Очень много. Она всегда хотела продлить гордую отрешенность эскадрильевой траурной минуты молчания между вылетами и ненавидела скорый уход горя в прошлое. Считала, что окружающие ее люди, может быть, и не черствые душой, но как-то все же поверхностно, только разумом, а не глубиной своих чувств воспринимают происходящее здесь. Люба знала, что делает недозволенное, но хранила у себя в левом кармане гимнастерки, вместе с комсомольским билетом, маленький блокнотик в клеенчатом чехольчике, в который она мелким калли-

графическим почерком вписывала всех погибших, так как боялась, что время может быть безжалостным, а ей хотелось сохранить их имена, память о них навсегда. И ничего не могла поделать с собой — постоянно тревожилась за жизнь Ивана Анисимовича.

...Зажглись костры. Они оживили ночь, у Любы появилась надежда, что совсем скоро возвратятся самолеты, что неопределенность кончится и все обойдется.

Она стала прислушиваться к небу. Чтобы сосредоточиться на звуках, она закрыла глаза и, задерживая дыхание, стала вслушиваться в ночь.

— Люба, это ты?

Она не услышала, когда к ней подошли, вздрогнула от неожиданности.

— Кто это?

— Это я, Катя!.. Волнуешься?

— Конечно.

Девушки уселись рядом и замолчали. Раскаты далекого грома, как эхо артиллерийской канонады, по-прежнему нагнетали у подруг тревогу. Но ракеты и костры вселяли надежду. Они ждали...

Сосредоточенность на приборном пилотировании как бы высвободила для Сохатого время, и он стал подсчитывать свои возможности. Топлива оставалось на сорок минут. Один круг секундной стрелки по циферблату отсчитывал пять километров пути, а до аэродрома посадки — девяносто. «Не богато. Последнему на посадку можно сделать три попытки, если с первого захода не получится...»

— Летчики, я — Сохатый, — он решил не пользоваться позывными, чтобы проще было управлять, — у меня топлива на сорок минут. Общий резерв пятнадцать минут. Если у кого бензина меньше, доложить!

Докладов не последовало, и это успокоило его. Нужно было готовиться к перелету линии фронта.

— Пискунов, через две минуты Висла. Приготовь сигнал «Я свой самолет».

— Готов, командир.

— Видел, как бомбы легли?

— Нет. По прожекторам стрелял.

— То, что они в площади станции, я не сомневаюсь. Но интересен результат...

Он оборвал разговор. Завихрения воздуха затянули в кабину брызги воды, и Сохатый бросил тревожный взгляд на приборы, контролируемые температурный режим мотора по маслу и воде, проверил заслонки радиатора. Показания оказались нормальными, а брызги продолжали бить по лицу. Тогда он поднял взгляд на лобо-

вой фонарь: блики света на нем размазались, края цветастых зайчиков шевелились.

«Дождь! Плохи наши дела...»

— Летчики, работать поспокойнее и пообраннее. Дождь начался. Фонари не закрывать. Придется принимать вечерний душ. Дистанцию в строю сократить, чтобы командирская машина проектировалась под сорок-сорок пять градусов, находилась левее или правее лобового стекла. Так удобнее смотреть... Проходим линию фронта.

Сохатый переключил абонентский аппарат на внутреннюю связь:

— Григорий, подать сигнал «Я свой», — и снова разговор по радио: — Всем включить нижние огни, чтобы нас хорошо видели.

Показалось, что в задней кабине хлопнул выстрел, за ним второй. И в это время Ивана ударило по глазам ярким светом. В наушниках шлемофона завизжало, завывало, зашипело. Молния!

Сохатый — полуоглушенный и полуслепой — на какой-то миг растерялся. Не видя приборов и земли, он замер, стараясь не сдвинуть ручку управления самолетом с прежнего положения. Через несколько длинных секунд слепота прошла, и он увидел машины группы и свою кабину. Все шли на своих местах.

Сохатый повернул Ил на новый курс и повел группу на юго-восток. Дождь становился гуще, заливал кабину, и Сохатый быстро вымок, но закрывать фонарь нельзя: тогда летчик понастоящему станет слепым.

Вспышки молний все чаще ударяли по глазам и нервам, мешали думать. А нужно было срочно принимать решение, и непременно правильное.

«До аэродрома семьдесят километров, а погода все хуже. Значит, идем навстречу дождю, плохой погоде, — рассуждал Иван. — Командир полка на связь не выходит. Кроме атмосферных разрядов в наушниках ничего не слышно».

— Гудимов, может, ты что поймал? Как мой передатчик настроен?

— Командир, передатчик твой настроен хорошо. Подстраивай приемник. Раз, два, три, четыре, пять...

— Все в порядке. Это гроза мешает... Ладно. Слушать всем внимательно. Идем на север. Там погода должна быть лучше. Если за пятнадцать-двадцать минут не найдем аэродром, выхожу на Вислу и садимся с южным курсом, вдоль восточного берега, на воду. Порядок посадки расскажу по дороге.

На его распоряжение никто из летчиков не ответил. Молчание подчиненных Сохатый воспринял как согласие, и это прибавило ему уверенности.

— Слушать указание! Начали обозначать себя ракетами. Порядок стрельбы с правого фланга к левому. Догорает первая ракета, стреляет следующий. Включаем фары поочередно: сначала все правые ведомые в звеньях и через минуту выключают. Затем — ведущие звеньев, тоже на минуту. Таким же образом обозначают себя левые ведомые. После них — все сначала. Начали!

В ответ молчание. Сохатый посмотрел вправо и назад: из темноты вырвалась ракета и пропала за спиной. Потом зажглись на трех самолетах фары. В их свете засверкали хрустальными полосами струи воды. Взлетела вторая ракета.

— Земля, я — штурмовик Сохатый, кто меня слышит, ответьте! Нуждаюсь в срочной помощи. Земля, кто слышит?..

Иван включил свою фару. В ее свете дождь казался не падающим сверху вниз, а летящим горизонтально. Вода летела плотно, как с водосброса плотины.

И вдруг дождь пошел на убыль. Вскоре самолеты вышли почти в «сухое» небо. С глаз Сохатого будто повязка слетела — исчезла черная непроглядность ночи. С высоты в двести метров стала просматриваться земля, и он смутно, больше догадываясь, видел на ней дороги и деревеньки, а позже начал отличать и лес от поля.

— Обозначаем себя по-прежнему. Еще летим на север пять-семь минут.

— Командир, впереди слева ракета!

Говорил Гудимов, в голосе его Сохатый услышал радость.

— Пока не узрел. Всем включить фары. Ракет не жалеть.

Через двадцать секунд и он испытал радость — увидел впереди зеленую ракету. Довернул группу на нее. Посмотрел на стрелку бензиномера: «Еще пролетим немного. Наверное, километра три, ну, пять до нее...» Ракета гасла. Вместе с ней стала гаснуть надежда. Он усомнился в диком везении. Что, если кто-то просто балуется? Бывало же, видел, как пуляла по луке из пистолетов и ракетниц.

— Фары не выключать!

Как бы в ответ на его тревожные мысли, в небо вновь поднялась зеленая ракета, а вслед за ней белая.

— Снижаемся до ста пятидесяти метров! Ниже меня никому не лететь!

Сохатый говорил по радио, а сам был весь внимание, боялся пропустить сигнал. Впереди вновь поднялись в небо вначале зеленая, а за ней белая ракеты. Были они уже близко, и Сохатый видел даже огненные брызги от них.

— Ищу аэродром. Слушать команду на размыкание, не прозевать.

Он сконцентрировал внимание на земле, боясь пропустить поле или поляну в лесу, где могли быть самолеты. Через несколько секунд Сохатый увидел, что очередная ракета не взлетает в небо, а гигантскими скачками прыгает по земле, показывая ему направление посадки. По-другому понять ее полет было невозможно. В ответе ее пламени Иван явственно видел не лес, а поле, окруженное деревьями.

— На посадку разомкнись. Я сажусь первым.

Внизу вновь выстрелили. И опять не вверх, а в сторону. И только теперь Сохатый вздохнул глубоко, полной грудью, и нашел время вытереть солоноватый пот с лица.

Впереди мотора затрепетал красноватый светлячок костра, вдаль запрыгала тушканчиком зеленая ракета, и Сохатый довернул самолет в указываемом направлении. В свете фары промелькнули пограничные деревья.

Не жалея тормозов, майор остановил Ил, быстро развернул его и на большой скорости погнал к месту приземления. Навстречу ему, чуть левее, планировала первая после него машина. И опять на земле запрыгала ракета, и ее прыжки у Ивана вызвали столько благодарных чувств, что горло перехватило.

— Мой самолет принимать за посадочное «Т», — Сохатый корректировал по радиации приземление товарищей. — Полоса правее. Скорость на планировании не разгонять. После посадки — в конец аэродрома, а там направо или налево, смотря по обстановке.

Первый сел благополучно...

Сохатый добавил мотору обороты, чтобы не разряжать передатчиком аккумулятор, и стал помогать в посадке следующим.

«Выше», «ниже», «добавить обороты», «прибери обороты», «чуть вправо», «довернись влево», «придержи», «дай снизиться», «не нервничай», «проверь скорость» — лексикон не широкий, но очень нужный. Эти простые команды, отданные вовремя, спокойным голосом окупались сторицей: сели все.

Через поле аэродрома, от того места, где остались севшие машины, к самолету Сохатого с полным светом двигался автомобиль. Иван выключил мотор. Вылез из кабины и пошел к человеку, присевшему к догорающему костру, чтобы прикурить.

— Кто вы, ангел-спаситель? Как вы тут оказались и догадались, что люди в беде?

Человек в военной одежде встал:

— Сержант Лапшин Михаил Анатольевич. Финишер.

— Вы — орел, Лапшин, вы герой, Михаил Анатольевич. Дайте я вас обниму, — Сохатый обнял растерянно замолчавшего сержанта, трое-

кратно поцеловал. — Я — майор Сохатый, штурман гвардейского штурмового полка. У себя сесть не смогли. Не пробилась на аэродром из-за дождя и грозы... Как же вы тут оказались?

Сохатый жадно затянулся. Моршанская махорка, предложенная сержантом, показалась ему душистой и вкусной.

Подошел «газик», и Сохатый понял, что приехал, видимо, командир полка.

— Товарищ командир, майор...

— Не надо докладывать. Пока группа садилась, я все разузнал у ваших летчиков. Поздравляю вас, майор, со счастливым окончанием полета. Просто не верится, что так может быть... Вы знаете, что находитесь не на Первом Украинском, а на Первом Белорусском фронте?

— Нет! И какой аэродром, еще не успел узнать.

— Поедете на командный пункт. Там все и выясните. А самолет кто-нибудь из ваших уберет.

— Товарищ командир, пусть сержант Лапшин ответит на вопрос, как он тут оказался и сообразил о нашей беде?

— Пожалуйста. Доложи, Лапшин!

— Уже солнце село, когда наши истребители с задания пришли. Я все имущество оставил на старте и подался ужинать. В очереди за кашей оказались наблюдатели с метеостанции. Ребята они смысленные, говорят между собой, что ночью с юга дождь придет, а утром, может, и туман. Я поел и обратно: решил убрать полотнища посадочных знаков и ракеты, чтобы за ночь не намокли. Их же потом в ракетницу не всунешь... Пришел, все сделал, уже уходить собирался, а тут в небе — чудо, ни разу такого не видел. Ракеты, фары, сначала даже не поверил, а потом сообразил, что худо летчикам, наверное, заблудились и помощи просят. Их далеко было видно. Ну и начал отвечать своими ракетами...

— Спасибо, сержант! Вот, возьми нож на память. Всю войну с ним летал... Дай я тебя еще раз обниму... Михаил Анатольевич, низко тебе кланяюсь от имени восемнадцати человек и девяти самолетов. Спас ты нас. Спасибо! А перед командиром твоим и своим начальством буду ходатайствовать о награждении тебя орденом.

Иван сел на заднее сиденье «газика». Автомобиль резко рванулся с места и повез Ивана в темноту.

— Товарищ командир, сейчас самый главный вопрос — это сообщить к нам домой, хотя бы в армию, что мы целы.

— По нашей цепочке передадим обязательно. А всем вам перво-наперво надо хорошенько отдохнуть...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Ивану Сохатому снилось жаркое мирное утро, Люба и большое поле ромашек. Люба взяла его руку, осторожно прижалась к его плечу и что-то тихо сказала. Но тут загрохотало в небе, дрогнула под ногами земля.

Сохатый проснулся. Он действительно услышал за стеною дома нарастающий грохот. Вскочил, подхватил стоящий у изголовья автомат, не зажигая света, подошел к окну и осторожно из-за косяка выглянул на улицу. Мимо дома на большой скорости шли танки.

«Вот черти полуночные. Сами не спят и другим не дают. Чьи только?..»

Быстро подошел к полевому телефону, сердито крутанул ручку вызова. С командного пункта полка ответили сразу:

— Товарищ майор, у нас все нормально. Идут наши танки. Передислокация. Так что спите.

— Уснешь тут, когда они в трех метрах от окна гремят. Пришлите «козла», к вам поеду. Может, на аэродроме потише.

Одеваясь, злился, что не выпался, сопоставляя факты. Рановато, видать, тосты подняли и праздничные танцы устроили. Капитуляция Берлина и соединение с американскими войсками, оказывается, еще не победа. Видимо, воевать еще придется за Дрезден, за горы, за Чехословакию. А где война, там все может быть.

Он с нежностью стал вспоминать вечер, доверчивую ласковость Любы, похвалил себя за сдержанность. И тут же нахмурился: в памяти всплыли не раз виденные им попытки новеньких юнцов ухаживать за Любой и мерзкий слушок, пущенный кем-то о его отношениях с ней.

Хотя вспоминать недавний инцидент было неприятно, но поступил он правильно и время удачное выбрал: летчики все были.

После окончания разбора дневных полетов он попросил тогда у командира слова.

— Товарищи летчики,— сказал он,— запомните и передайте другим: ухаживать за Любой Рысевой я вам запретить не могу, но кто ее обидит или всякую грязь будет языком трепать, берегитесь. Имейте в виду — побить могу. Говорю это в присутствии командира и замполита.

Летчики, переглядываясь, молчали, пытались понять, кому адресована угроза. Вырúчил и разрядил обстановку Зенин. Владимир Иванович весело засмеялся:

— А что, командир? По-мужски и по-честному. Только ты, Иван Анисимович, кулаками зря собираешься махать: люди у нас в обиду никого не дадут. Ежели кто и ошибся — поправится!..

Захватив автомат, Сохатый вышел на улицу,

но автомобиль еще не подъехал и он от нечего делать стал считать идущие мимо «тридцатьчетверки»...

— Товарищи летчики, линия фронта нанесена на карте, которая вывешана перед вами. Потом на своих ее уточните,— подполковник Ченцов замолчал, неторопливо оглядел офицеров, собравшихся на командном пункте.— Довожу обстановку. О смысле перегруппировки наших войск объяснять, видимо, не надо. Слепой и то бы за эти дни понял, что лавина танков и артиллерии идет мимо нас не для прогулки. В Чехии восстание. В Праге на баррикадах идут бои. Славяне просят срочной помощи. В Чехословакии находится фашистская группа армий «Центр», что-то около семидесяти дивизий и до тысячи самолетов. Помимо врага перед нами еще высятся Рудные горы. Вдоль хребта, особенно на перевалах,— мощная полоса бетонированных укреплений. Старичкам рассказать молодежи о том, с какими трудностями встречался полк при ведении боевых действий в Карпатах. Подготовить карты. Район предстоящих боев изучайте. Прошу обратить внимание, что через горы на юг идет примерно двадцать дорог.— Ченцов замолчал, повернулся к Зенину,— Владимир Николаевич, у вас по политической части есть что-нибудь?

— Есть, Семен Кириллович,— майор подошел к столу, повернулся к офицерам.— Товарищи! Надо будет провести в эскадрильях открытые партийные собрания. Не забыть ни одного человека, внимание к каждому сейчас, как никогда, важно по двум причинам. Первая — люди устали от войны. С падением Берлина ждали мира, а его нет. Вторая — близость окончательной победы может породить самоуверенность и, как следствие, ошибки и ненужные жертвы. Их надо избежать во что бы то ни стало. И очень важно, чтобы мы все помнили: война переносится на территорию дружественной нам страны. Еще в прошлом году рядом с нашим полком сражался чехословацкий корпус и его летчики. Не забывайте это. Мы идем на помощь своим братьям... При боевых операциях, если есть хоть малейшая возможность не разрушать город, деревню, дом, то не разрушать...

Как только командир сказал про горы, мысли Сохатого вернули его к событиям почти годичной давности, к боям в период оказания помощи Словацкому восстанию. Восстанавливая в памяти вылеты тех дней и результаты наступательных действий войск фронта, он с горьким сожалением пришел к выводу, что понесенные

полком потери не очень-то соответствовали достигнутым результатам...

Слушая майора Зенина и соглашаясь с ним, он пытался представить Судеты и Рудные горы, их многокилометровые подъемы — тягуны, на которых будут рваться танковые сцепления, трещать у машин коробки скоростей, перегреваться моторы. Он помнил по Дукле очумевших от бессонницы механиков-водителей танков и шоферов, засыпающих за рулем. Тогда на глазах у него погибли идущие на скорости «студебеккеры» с боеприпасами: один шофер проворонил поворот горной дороги, и машина улетела в пропасть, за ней еще три, и только пятый сумел развернуть свой ковчег правильно... Он мысленным взором увидел медленно взбирающиеся на подъем танки, услышал натужный вой их моторов и представил, как по ним сверху начнут бить из пушек.

...Подполковник Ченцов, нахохлившись как мокрый грач, сидел на КП полка в окружении командиров эскадрилий. Он зло, словно на заклятого врага, посматривал на оперативного дежурного, на его телефоны и курил одну папиросу за другой. Особенно ненавистны сейчас подполковнику были телефоны. Требовались боевые вылеты, а погода была явно не пригодна для групповых полетов, да и в одиночку посильна не каждому. Несоответствие потребностей и возможностей выматывало душу командира полка. Он злился на дождь, зарядивший с утра, на старших начальников, начинающих наступление в нелетную погоду, а теперь требующих от него и летчиков невозможного.

Ожил дивизионный телефон, и Ченцов, не дожидаясь приглашения, встал. Желтым от табачного дыма пальцем раздал в плоской консервной банке окурков и подошел к дежурному. Не спрашивая ничего, забрал у него из рук трубку:

— Подполковник Ченцов, слушаю! — замолчал надолго, переминаясь с ноги на ногу, продолжая прижимать телефонную трубку к уху. — Я понимаю, товарищ генерал, что надо. Рад бы, но нет погоды... Могу я или майор Сохатый. Опытнее у нас нет... Лучше сам полечу. — Через несколько секунд ответил недовольным голосом: — Есть, послать заместителя. Гарантии нет, но попытается... Сейчас погляжу на карту, — взял ее у дежурного. — Так, так... Понятно... Вылетит через двадцать минут.

Положил трубку и повернулся к настороженно молчавшим командирам:

— Все на час свободны. Иван Анисимович, тебе лететь. Иди сюда.

Сохатый, выдернув из планшета полетную карту, подал ее Ченцову.

— Задание такое: просмотреть дороги от ли-

нии фронта в тыл, общее направление на Теплице. Это уже Чехословакия. Начнешь чуть западнее Эльбы... Ширина полосы разведки — километров пятнадцать, глубина — до пятидесяти. Смотри за бензином, лети осторожно, за горы не зацепись. Командир корпуса на переднем крае. С ним связь держи.

Командир полка красным карандашом нарисовал на двухкилометровой полетной карте прямоугольник и отдал ее Сохатому.

— Площадь разведки тебе обозначили. Другие тоже будут пытаться работать, но в твоей зоне их не будет. Твой район главный.

Ил Сохатого летел на юг. Обыкновенный на земле средний дождь в полете виделся Сохатому ливнем. Потоки его бесшумно неслись параллельно движению, неистово бились в фонарь кабины. Лобовое стекло от водяной пленки приобрело сине-стальной цвет и потеряло всякую прозрачность. Но это не очень беспокоило Ивана, так как до линии фронта местность поднималась незначительно, и высота полета гарантировала его от столкновения с каким-либо препятствием. Самолет шел вдоль прямого, как стрела, шоссе, которое дальше на юг рассекало район разведки почти на две равные части. Все внимание майора было сосредоточено на пометках, сделанных им на карте, поиске закономерности подъема гор, и он, как ему показалось, уже высмотрел ее: от линии фронта горюшки повышались уступами и на юге постепенно забирались выше его аэродрома на семьсот метров. Карандашной линией Иван соединил примерно равные цифры высот, и у него на карте образовалась лесенка. Удовлетворенно хмыкнув, он посчитал подготовку к разведке законченной и позвал стрелка:

— Пискунов, как дела?

— В порядке, командир. Прицел и пулемет готовы. Резервный боекомплект выложил на полу.

— За воздухом поглядывай, а то неровен час... Впереди я ничего не вижу, водой заливают, поэтому разведку будем вести боковым обзором, курс полета — с запада на восток и наоборот. Если будет очень плохо, то придется открывать фонарь.

— Понятно, товарищ майор.

— Будь внимателен... Перехожу на работу с командным пунктом. «Гора», я — «двести двенадцатый», подхожу к вам, вызываю на связь! — Сохатый шевельнул ручку настройки приемника влево, потом вправо и услышал женский и чистый, давно знакомый по радио женский голос:

— Я — «Гора», я — «Гора», «двести двенадцатого» приняла! Как меня слышно?

— Хорошо слышу. Район разведки имею. Жду указаний.

— Сохатый,— говорил командир корпуса. Он не имел привычки пользоваться позывными, и в этом были свои плюсы и минусы: упрощался разговор, но зато служба радиоперехвата врага знала всех ведущих групп корпуса и могла вести не только учет их боевых действий, но и потерь.— Посмотри, что там они делают. Главное, состояние дорог, что и кто на них, куда едут и идут. Доложи метеобстановку!

— Задание принял. Погода — от самого аэродрома дождь. Высота нижнего края облаков двести-триста метров, видимости впереди никакой, в стороны — до двух километров. Группами летать, прицельно бомбить и стрелять невозможно.

— Принял погоду, работай!

...Каждый новый разворот все дальше уводил Сохатого в глубь обороны врага. Он видел плохо, но и зенитчикам трудно было его найти. Поняв, что враги его не ждут, а, увидев, стрелять не успевают, Сохатый откатил сдвижную часть фонаря. Одна минута на юг, три минуты полета на восток и одна на юг. И опять все сначала... Иван ворчал на дождь. Вымок... С каждым новым «шагом» к югу облака все ниже и ниже прижимали его Ил к всхолмленной, поросшей перелесками, изрезанной глубокими оврагами и долинами местности. В глазах рябили дороги, от непрерывного бокового наблюдения кружило голову как на карусели. Самолет шел низко.

— Командир,— стрелок не выдержал напряжения,— я жду, когда вы треснете меня затылком о землю. Страшно смотреть, как всякая всячина из-под хвоста выскакивает.

— Разницы нет — лбом или затылком, хоть так, хоть эдак... Досмотрим отрезок до конца и полетим на север... Не мешай.

Минут через семь Сохатый вызвал командный пункт командира корпуса:

— Докладываю: дороги заняты примерно батальонными колоннами, есть гражданские толпы. Движение от линии фронта в тыл. На бегство не похоже. Конкретно по карте доложу через двадцать минут. Мосты, что видел, пока целы. Просмотрел район на глубину до тридцати километров. Южнее не могу, облачность до земли. Дождь непрерывный. Возможны одиночные полеты.

Улетая на свой аэродром, Сохатый запомнил необычно довольный голос комкора и думал: видимо, в радиодокладе тот услышал что-то новое, для него очень важное. Обычно не хвалит, часто высказывает недовольство. А тут ни слова упрека.

Иван не знал, что своей разведкой никакой неожиданности не внес, он лишь подтвердил добытые ранее пехотой сведения, что фашистские войска кое-где начинают отвод частей. Но све-

дения, разведанные Сохатым, отличались от сообщений командиров батальонов и полков, проводивших разведку боем, своей масштабностью. Он видел не частности, не обстановку на участке фронта в километр-полтора, а сразу на огромной площади, и это давало возможность командованию фронта достовернее проникнуть в тайны оперативного замысла генерал-фельдмаршала Шернера. Донесение Сохатого именно этим было качественно новым и поистине ценным.

Для того чтобы предотвратить планомерный отход сил врага, исключить его закрепление на выгодных оборонных рубежах, разгромить его по частям и захватить горные перевалы, войска фронта на сутки раньше намеченного срока перешли в наступление.

Прага ждала помощи!

Погода вняла мольбам и проклятьям. Следующее утро выдалось ясное и тихое, и длинный весенний день обещал быть хорошим. Особенно радовались молодые летчики.

Аэродромы штурмовиков, истребителей и бомбардировщиков ожили: рев моторов на земле и напряженный гул их в воздухе; грохот пушек и трескотня пулеметов, пробуемых перед вылетами; шумная суতোлка взлетов и посадок; торопливые рейсы бензозаправщиков, автомашин, развозящих боеприпасы и летчиков. Сотни самолетов, находящихся в воздухе от рассвета до темноты, в огне и дыму войны,— воздушная армия всей своей силой поддерживала наступление. Не давала двигаться немецкой пехоте, жгла танки врага, его самоходки, автомашины. Создавала пробки на дорогах. Но оберегала мосты, которые необходимы будут своим войскам.

...Сохатый вел эскадрилью штурмовиков вдоль наиболее удобной для движения тяжелой техники дороги к горным перевалам на границе Чехословакии. По сложившимся уже традициям с ним шли Яки сопровождения. Они обязаны были не только оберегать его от возможных атак вражеских истребителей, но и уничтожать зенитные средства врага, которые могли оказаться на маршруте эскадрильи.

Перевалы были определены как самый дальний рубеж полета, если не будет целей ближе. Поиск врага в обширном районе, а также самостоятельный выбор цели предоставляли Ивану полную инициативу, и он решил вести свою группу как можно дальше, чтобы найти и ударить по какой-нибудь колонне врага перед самым перевалом и, если представится возможность,— в неудобном для объезда месте.

Достоверных сведений о линии фронта утром не оказалось: никто толком не знал, была ли она

сплошной, где находятся передовые части, и поэтому Иван летел низко, чтобы сразу видеть не только войска, но и определять — чьи они?

...На глаза попало первое немецкое подразделение: колонна автотягачей с пушками на прицепах. Сохатый догадался, что немцы увидели его самолеты, потому что машины остановились, а солдаты, попрыгав на землю и беспорядочно стреляя вверх из автоматов, стали разбегаться.

— Внимание, группа, я — «двести двенадцатый», под нами немцы, пройдем влево, потом — вправо, поищем своих.

Развернулся и увидел на соседней дороге, километрах в пяти от первой, своих. Решил пройти до следующей — и там свои войска. Сделал пометки на карте и развернул эскадрилью обратно. Опять нашел артиллерийскую колонну фашистов, а потом севернее узнал свои танки вместе с автомобилями. Отмечая их место на карте, подумал: и наши, и фашисты на юг торопятся — настоящее соревнование в скорости устроили: кто на перевалах первым окажется, тот и господин. Жаль только, что наши танки еще никак свою пехоту не обгонят, остерегаются, выдать, артиллерийских засад у дорог и фаустпатронщиков.

— «Триста пятнадцатый», я — «двести двенадцатый», оставь пару Яков над артиллерией, чтоб не рыпались! Мы — дальше, а этих танкисты сделают. Я передам — их сориентируют.

— Понял, Ваня! «Триста сороковой», останешься. Стопори их, но смотри за бензином.

Эскадрилья летела на юг: под ней росли горы, их вершины становились ближе, отчетливее и острее, долины сменялись ущельями, дороги и речушки, проваливаясь в них, виделись хуже. Чем ближе летел Сохатый к перевалам, тем плотнее кудрявились над горами облака, раскрашивая синими тенями землю, и в этой пестроте хуже отыскивались деревни и войска, труднее просматривались мосты и дороги.

Сохатый все чаще сверялся с картой, чтобы не пропустить момент выхода эскадрильи на чехословацко-германскую границу тридцать девятого года, но не ожидал, что природа отметит ее так приметно. На этой границе горы крутым откосом покатались вниз, а облака кончились. Небо сразу распахнулось над эскадрильей широко и вольно, без единого облачка. Его бирюза была столь чиста, что Иван невольно глубоко вздохнул, как человек, вышедший из подземелья на свежий воздух. К югу от границы, насколько видел глаз, раскинулась ярко-зеленая с полугими грядами холмов низина, от которой пахло на Сохатого обманчивой тишиной и спокойствием. Восставшая Прага просила помощи, и по этой яркой от вешних красок славянской зем-

ле через несколько часов загрохочут танки. Фашизм должен быть сметен навсегда.

Майор включил радиопередатчик:

— Ребята, посмотрите и запомните: идем вдоль границы. Разведку и прогулку закончили. Теперь — работать.

Майор Сохатый петлял над шоссе и рядом идущими дорогами еще минут двадцать. Мучил своих ведомых маневрами вверх и вниз, вправо и влево до тех пор, пока не нашел нужную ему цель — немецкие танки, артиллерию и пехоту, двигавшихся одной колонной.

Сделав по фашистским танкам, тягачам, пушкам и автомобилям атаки, Иван израсходовал все боеприпасы. Он уходил от переставшей существовать цели со сложным, двойственным ощущением удовлетворения и горечи. Оценивая работу группы на четверку, Сохатый был глубоко опечален, потрясен трагедией, случившейся во второй атаке. Редкий, внезапно появляющийся и тут же пропадающий огонь эрликоновских пушек сделал свое черное дело: самолет старшего лейтенанта Терпилова не вышел из пикирования и врезался в лесную чащу невдалеке от дороги. Не стало Сережи и его стрелка. Не стало у двух матерей сыновей, появилась еще одна вдова, которая осталась одна, не успев родить так ожидаемого Сережей ребенка. Иван подумал о Кате, о неизбежном трудном разговоре...

Надо же такому случиться. Погиб, может быть, последний в этой войне экипаж. Погиб в их полку и в его любимой эскадрилье, которую он, наверное, последний раз водил в бой. И погиб не кто-нибудь, а друг и товарищ, с которым пролетал полвойны крыло в крыло... Знать, судьба не захотела, чтобы вышел Иван из великого испытания умиротворенным, а уготовила неспокойствие на всю остальную жизнь.

...Эскадрилья Сохатого летела к себе на аэродром, чтобы наполнить самолеты бензином, бомбами, снарядами и патронами для нового вылета, а навстречу ей в ясном небе одна за другой все шли и шли новые группы Ил-2 и Ил-10, Пе-2 и Ту-2, Яки и Лавочкины. Летели красиво, спокойно, без шума и гама по радио, ощущая свою неодолимую силу и обреченность врага.

Густо идущие на юг самолеты, только что виденные им наземные войска, скоростью и огнем прокладывая себе дорогу к окончательной победе, вдруг представились ему огромной океанской волной, которая чем ближе к перевалам, тем все больше поднимает себя вверх, чтобы через какое-то мгновение, достигнув этой перевальной высоты, обрушиться с гор. Разбить последнее, что осталось от третьего рейха.

Показался аэродром, и Сохатый стал отдавать по радио необходимые распоряжения летчикам, определяющие порядок и последователь-

ность посадки. Но смотрел на происходящее как бы издали и свои обязанности выполнял чисто механически.

Дневные беды гибелью экипажа Сергея не окончились. Эскадрилья, которую утром Сохатый водил в бой, после очередного вылета на боевое задание на базу не вернулась. Телефонные розыски ее по аэродромам воздушной армии ничего не дали. Эскадрилья, как капля в море, канула бесследно. Подполковник Ченцов, враз похудев и потемнев лицом, пытался убедить генерала Аганова, что ничего страшного, наверное, не произошло и эскадрилья капитана Гудимова найдется. Пытаясь спасти честь полка, Ченцов просил у него разрешения эскадрильями боевую работу оставшимися эскадрильями. Но командир дивизии был неумолим: боевые вылеты полку запретил до выяснения обстоятельств гибели целой эскадрильи.

Семен Кириллович знал крутой нрав и командира корпуса, растерялся и не мог ничего дельного придумать.

— Зенин, подскажи хоть ты что-нибудь!

— Командир, я не верю, что все погибли. Сели где-нибудь. Заблудились и сели. Все группы докладывают, что пошла густая дымка, видимость в районах боев стала плохой. Представь: в этом «молоке» сотни самолетов сейчас ищут цели. Удивительно, как только не сталкиваются друг с другом.

— Ну что ты меня просвещаешь! Ты не картинку рисуй, что и как. Предлагай, что будем делать. Ведь голову нам с тобой оторвут, если столько людей погибло.

— Хочешь предложение, слушай! Лети сам и пошли еще Сохатого на поиски. Надо пройти маршрутом Гудимова. Возможно, не хватило горючего и сели на каком-нибудь поле все вместе.

Ченцов ожил, на щеках появился лихорадочный румянец. Он понимал, что надежда на быстрый успех сомнительна, но все же это было лучше, чем томительное ожидание.

Разрешение было получено. Подполковник и майор улетели искать потерявшуюся эскадрилью. Над аэродромом повисла непривычная тишина, которая давила на людей. Майор Зенин, проводив командира с заместителем в полет, занялся похоронными делами: надо было привезти останки экипажа Терпилова на аэродром и с почестями похоронить погибших.

Пока Зенин собирал, инструктировал и отправлял поисковую группу к месту гибели самолета Терпилова, Ченцов и Сохатый успели вернуться домой. Их старания оказались безрезультатными. Пришлось это неутешительное известие докладывать генералу. Ченцов доложил и долго еще слушал указания Аганова. Сохатый же смот-

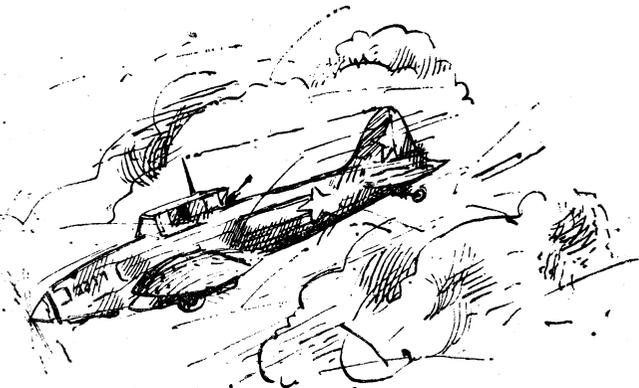
рел на поведение подполковника у телефона и думал, что слова, скорее всего, были очень неприятными, так как Семен Кириллович то принимался пальцами свободной от трубки руки расчесывать волосы, то ерзал с возмущенным видом на табуретке. Наконец со словами: «Есть, товарищ генерал!» — встал и отдал трубку дежурному.

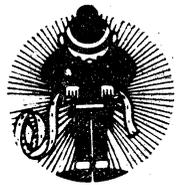
— Уф! Вам бы, заместители мои боевые, так хоть раз один «отрегулировали зазоры». Вы бы тогда поняли, как непосредственно генералам подчиняться... Распушил до мелких перьев. Сказал напоследок следующее. Ни он, ни командир корпуса командующему воздушной армией и во фронт о пропаже Гудимова не докладывали. Бережем, говорит, вашу и нашу гвардейскую честь. Ищи хоть с лучиной, хоть мертвых, но найди. Не найдешь — тогда на нас не обижайся.

— О гибели старшего лейтенанта Терпилова и его стрелка генерал говорил что-нибудь? — спросил Зенин.

— Очень сожалеет о случившемся. Ничей вины в этом не видит. Относит потерю к случайности, а гибель людей — к честной солдатской доле. Приказал экипаж представить к орденам Отечественной войны второй степени, двоих — посмертно. И механика. Пусть, говорит, хоть один за троих орден поносит. Помнить этот день будет всю жизнь, детям и внукам расскажет, какая она, война-злодейка.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

ВСПОМНИМ ВСЕХ

● Следопытами Ново-Даниловской школы под Костромой установлены имена парашютистов, выброшенных для выполнения задания в ночь с 16 на 17 апреля 1943 года и погибших спустя несколько дней под Ново-Даниловкой. В состав разведывательно-диверсионного отряда входили Хрустальков Александр Владимирович, Юдинцева Елена Ивановна, Гузанов Иван Васильевич, Жукова Анастасия Гавриловна и Губарева Евдокия Ивановна. Ребята завязывают переписку с родственниками парашютистов, погибших от рук фашистов и полицейев.

● У здания Одицовской средней школы № 9 установлена 76-миллиметровая пушка. Музей, существующий в школе, рассказывает о мужестве и героизме солдат и офицеров 4-го артиллерийского Берлинского Краснознаменного корпуса прорыва Резерва Верховного Главнокомандующего, прошедшего путь от Подмосковья до Берлина.

● Тесно стоят папки-скоросшиватели в музее боевой славы школы № 15 Пролетарского района Москвы: 1200 имен... Ребята ведут поиск бойцов партизанских частей. Они считают, что не должно быть ни одной неизвестной фамилии, ни одной потерявшейся судьбы.

● Плацдармом Игоря Графова называют в Нарве пядь земли на берегу реки Наровы, где погиб взвод пулеметчиков лейтенанта Графова, отбивший двенадцать атак противника. Командир, оставшийся в живых последний, продолжал сдерживать врага. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Следопыты местной школы № 10 приступили к созданию музея боевой славы.

Не убит под Сталинградом!..

«Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут...» — любил шутить лейтенант Габуния, вместе с которым Федор Горовенко попал на Сталинградский фронт. Имя Г. Л. Габунии высечено в плотном ряду других имен на символической плите-знамени мемориального комплекса Мамаев курган. В этом же ряду, чуть выше, значится: «мл. лейтенант Горовенко Ф. Л.».

...Взвод Горовенко наскоро сформировали в батальоне из прибывшего пополнения морской пехоты — боевые парни, но все молоденькие, как и сам комвзвода. Им, горстке бойцов, еще не успевшим узнать, что такое война, был дан приказ — стоять насмерть.

На них шли танки. Бойцы швыряли в них бутылки с зажигательной смесью. Земля сыпалась в окоп, душила пыль, лязгали гусеницы... Последний танк добрался до них: он ворочался на одном месте, млял и крушил окоп, где только что были люди...

В тот день взвод был занесен в списки потерь. Кто мог уцелеть?! Родным и близким пошли похоронки, только на командира взвода бумагу отправлять не стали. — оставили в штабе дивизии: хутор Горовенко был оккупирован.

Через много лет, когда скульпторы стали заносить на знамена имена павших, им дали и список взвода Горовенко.

Но был другой документ, он хранился в архиве Главного военно-медицинского управления. «Горовенко Федор Лукич, мл. лейтенант, 1921 года рождения. На фронте с сентября 1942 года. В октябре в бою получил множественные осколочные ранения лица, правой кисти, левого бедра и правой голени, контузию головного мозга. Был без сознания десять дней. Со 2 ноября 1942 года находился в госпитале № 1589. 5 мая 1943 года выбыл по месту назначения.

Госпитальную справку случайно обнаружили сотрудники мемориала на Мамаевом кургане, когда по просьбе следопытов-школьников из Волгограда перепроверили имена павших...

Войну Федор Горовенко закончил в звании капитана. Окончились бои, прозвучали салюты, и солдат вернулся в освобожденный уже хутор, где его считали погибшим: похоронка все-таки дошла... После войны Федор Горовенко работал шахтером.

Живет он в городе Белая Церковь Киевской области. Живой среди павших своих товарищей, чьи имена достойно увековечены на Мамаевом кургане. Чудом живой, и до сих пор не находящий себе покоя: кто заслонил его своим телом, какая санитарка вытащила его из небытия?..

Человек-легенда

Имя генерала Карбышева носят многие школы, дружины и поисковые клубы нашей страны; собираются слеты карбышевцев. Кажется, мы знаем все, что касается Дмитрия Михайловича Карбышева — этого прекрасного и мужественного человека, чье имя стало легендой, символом героизма, патриотизма и несгибаемости. И все-таки каждый новый факт из его биографии и военной судьбы, каждая мелочь нам дороги.

Один из новых друзей 149-й новосибирской школы имени Д. М. Карбышева — ветеран Отечественной войны, защитник Брестской крепости Александр Степанович Санин. Тяжело контуженный, он попал в плен и томился в концлагере вместе с Карбышевым.

В офицерском лагере Хаммельбург многие заключенные лично знали Дмитрия Михайловича. Его пример, воля и уверенность в конечной нашей победе укрепляли веру пленных. Стоил ему сказать: «Поверьте, никогда немцам не взять Москву, Ленинград, Сталинград!» — как его слова моментально облетали весь лагерь, подпольщики начинали действовать смелее, побег следовал за побегом...

— Я был санитаром, — рассказывает А. С. Санин, — когда в конце октября 1942 года мы решили отметить 62-летие Дмитрия Михайловича. Он тогда был в лазарете, каждое утро двое эсэсовцев уводили его на допрос в комендатуру, выглядел он измученным... Мы запасли немного картошки, сэкономили несколько паек хлеба, пригласили Дмитрия Михайловича. Пришел он подтянутым, чисто выбритым...

Второй раз А. С. Санин встретился с Карбышевым в лагере под Нюрнбергом... На всю жизнь А. С. Санину запомнился этот человек — коммунист, патриот, солдат, которого не могли сломить ни жестокие условия, ни посулы, ни пытки.

ПОИМЕННО

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Дружба, освященная памятью

Иркутское профессионально-техническое училище № 2 тесно связано давней дружбой с местным авиационным заводом. Со времен войны училище поставляло предприятию хорошо подготовленные кадры, и в самом училище тогда делали военную продукцию — бортсумки, части стрелкового и минометного оружия.

В музее училища — не только макеты самолетов. Здесь множество экспонатов, рассказывающих о заводчанах, участниках войны. О Герое Советского Союза Александре Евстигнееве, выпускнике школы ФЗО... Свой подвиг младший сержант совершил при форсировании реки Западный Буг. Командир отделения Евстигнеев привязал себе на спину оружие раненых и не умеющих плавать бойцов и, подталкивая вперед бревно, помог им добраться до берега, а затем повел в атаку... О солдатах и командирах 116-й Краснознаменной ордена Кутузова Харьковской стрелковой дивизии, сформированной в основном из иркутян под Читой.

Ежегодно, накануне Дня Победы, работникам завода, ветеранам войны вручается трудовой рапорт училища и звучат слова клятвы: «Всем! Мы, молодая смена, клянемся вам, ветеранам, что будем с честью и мужеством защищать мир, что не посрамим славы героев Великой Отечественной войны!»

Лейтенант Володя — кто он?

В Ужанских лесах, в глухих урочищах Замойщины действовало несколько партизанских отрядов: отряды Феди (Федора Ковалева), Казика-грузина (Чиговани), Мишки-татарина (Михаила Атаманова). Польские военные историки называют еще один — отряд Володи, о командире которого стало известно лишь в последнее время. Отряд Володи, начавший действовать на Замойщине, насчитывал сначала семь, двенадцать бойцов, позже — 37. Снабженный с помощью польских крестьян оружием, он оставил по себе добрую память в тех местах; до сих пор в Польше ходят о нем легенды.

...Темной июньской ночью 1942 года из польского городка Хелм вышел длинный состав с пленными. Из пересыльного лагеря № 319 состав направлялся в стационарный фашистский лагерь под Собибором. Дождь и гроза заглушали звуки. Пользуясь этим, лейтенант Василий Володин яростно вгонял в щели пола костыль, подобранный во время погрузки в эшелон. На повороте поезд сбавил ход, и Василий вывалился вниз, в темноту. Рассек до кости щеку, потерял сознание, но лишь на секунды. Когда состав прогрохотал мимо, Володин встал и побрел. Он вышел на лесной хутор. Пожилая полька накормила его, одела в мужнину одежду и направила в обход вражеских заслонов, на Замойщину...

...Письма партизан, погибших в Польше, собирают следопыты из музея советско-польской дружбы рязанской школы № 44. Они же установили, что лейтенант Володя —

их земляк, рязанец Василий Матвеевич Володин. Два володинских альбома собрали ребята, в них — фотографии, копия наградного удостоверения к ордену «Виртути Милитари», который тоже хранится в музее, документы о действиях советских солдат и офицеров в польском партизанском краю, письма Володина жене, в которых он и рассказал, как бежал из плена...

«Погиб при исполнении служебных обязанностей...»

Три пуговицы, клочки куртки и черная пластмассовая расческа — вот все, что имели следопыты поискового клуба при молодежной газете «Красноярский рабочий», взявшись за работу. Эти предметы были найдены и переданы им лесничим Потаевым, он обнаружил их в глухой тайге, рядом с останками боевого самолета.

Боевой самолет — и сибирская тайга?! Впрочем, так ли уж надо удивляться. Если машины делались в Сибири, то наверняка и проверялись на надежность там же, да и на фронт летали своим ходом...

Была изучена воздушная трасса, которая в годы войны пролегла через Сибирь. Более 5000 километров на этом маршруте занимала тундра, горные хребты и непроходимая тайга. Привычных ориентиров — городов, шоссе — не было. Зимой мешало обледенение, летом — туманы, низкая облачность.

Нелегко приходилось на такой трассе молодым летчикам. До 1943 года на истребителях отсутствовали радиоконпасы, на аэродромах не было приводных станций.

В адрес поисковой группы, в редакцию газеты «Красноярский комсомолец» пошли письма. И вот что стало известно.

На участке Киренск — Красноярск весной 1944 года пропали в один день летчики-истребители 5-го перегонного авиаполка Юрий Самарцев и Василий Мошкой. Осенью того же года самолет Самарцева был обнаружен у деревни Глубокий Ручей. Второй самолет найти так и не удалось, и Василий Мошкой был занесен в списки пропавших без вести.

После подтверждения, пришедшего на запрос следопытов из Центрального архива Министерства гражданской авиации, стало ясно, что найден истребитель, перегонявшийся на фронт, но попавший в катастрофу, а пилот его Василий Мошкой не пропал без вести, а погиб при исполнении служебных обязанностей.

Юрий Самарцев — ленинградец, Василий Мошкой — из Витебска.

ПИСЬМА КОРЗУХИНА

Георгий ЗАЙЦЕВ

На вкладке слайды В. Холостых

150 лет назад в маленьком доме, что и ныне стоит в Свердловске по улице Гастелло, 42, в семье горнозаводского мастера Ивана Сергеева Корзухина родился сын. Метрическая запись Уктусского завода Преображенской церкви за 1835 год лаконично гласит: «Ивана Корзухина сын Алексей марта 11».

Конечно, никто тогда не мог предположить, что худенький и тихий белоголовый мальчик Алешка Корзухин станет академиком живописи, создателем таких известных жанровых картин, как «Поминки на кладбище», «Перед исповедью», «Отъезд из монастырской гостиницы», «У краюшки хлеба», вошедших в золотой фонд русского реалистического искусства.

Сейчас о художнике Алексее Ивановиче Корзухине (1835—1894) известно очень много. Найдены документы о его жизни на Уктусском заводе, в подробный каталог всех произведений художника внесено более тысячи живописных полотен, этюдов, учебных штудий, карандашных рисунков. Путь его, казалось бы, прослежен с достаточной степенью детальности. Однако поиски документов, сведений и художественных работ все время продолжают в архивных хранилищах, в фондовых подвалах музеев, в частных собраниях. И нет-нет да и блеснет что-то новое, ранее не известное и чрезвычайно интересное для тех, кого интересует творчество этого самобытного художника.

Сам Корзухин не оставил ни воспоминаний, ни дневников. Очень мало упоминают о нем и те, кто его окружал. Не сохранилась большая часть писем, записок и фотографий. Исчезли бесследно многие его произведения, которые мы сейчас знаем лишь по названиям.

Родители художника были безграмотными и с Урала не выезжали. От жены художника, Амалии Андреевны, осталось лишь несколько прошений о пенсии и пара фотографий. Трое детей художника (два сына и дочь), известные нам по двум портретам да по фотографиям из семейного альбома, тоже никаких рукописей не оставили. Внуки художника уже не застали деда живым...

В фондах научно-библиографического архива Академии художеств

СССР сохранился уникальный документ — стенограмма устного воспоминания младшего сына художника Федора Алексеевича, умершего в 1942 году в блокадном Ленинграде.

Когда скончался отец, Ф. А. Корзухину было 19 лет и, следовательно, он хорошо помнил отца и знал много интересных деталей его жизни.

7 мая 1936 года в Ленинграде в залах Академии художеств была открыта выставка работ А. И. Корзухина, и на вечере, посвященном памяти художника, выступил его младший сын — архитектор. Это выступление было застенографировано. К сожалению, в стенограмме много пропусков и опечаток, утерян первый лист, очень много повторов и даже посторонних рассуждений. Поэтому прежде чем наиболее интересные фрагменты этого документа увидели свет, текст рукописи прошел тщательную корректуру, подвергся многочисленным уточнениям. Восстановленные пропуски помещены в круглые скобки, а пропущенные места отмечаются трехточием. В квадратных скобках воспроизведен текст оригинала, как это отражено в документе.

Стенограмма выступления Ф. А. Корзухина 7 мая 1936 года в Ленинграде публикуется (в сокращении) впервые.

...Неизвестно, какая участь постигла бы А. И., если бы, несмотря на его тягу к искусству, не случилось одного благоприятного, счастливого обстоятельства — встречи с заведующим горным заводом Глинкой. Дело в том, что этот Глинка оказался человеком очень доброжелательным и, заметив, что есть такой мальчик, который проявляет такие способности, он очень внимательно занялся его судьбой. Он поместил его в горное училище и давал кое-какие заказы, чтобы тот мог существовать. Часть этих денег давалась А. И. на руки и шла кроме жизненных потребностей на то, чтобы получить образование и оплатить учителей, на материалы, которые нужны были для работы и т. д. Другая половина этих денег неукоснительно откладывалась Глинкой и не давалась на руки. Это делалось для того, чтобы впослед-

ствии дать возможность А. И. поехать в (Петербург)... для продолжения своего образования.

В 61 году, когда была написана картина «Возвращение пьяного отца», она стала конкурсной работой в Академии... Ученики выходили на конкурс и должны были получить сначала малую, а потом большую золотую медаль. Эта картина прошла на конкурсе и за нее была присуждена малая золотая медаль. Эта картина имела и вообще довольно широкий успех.

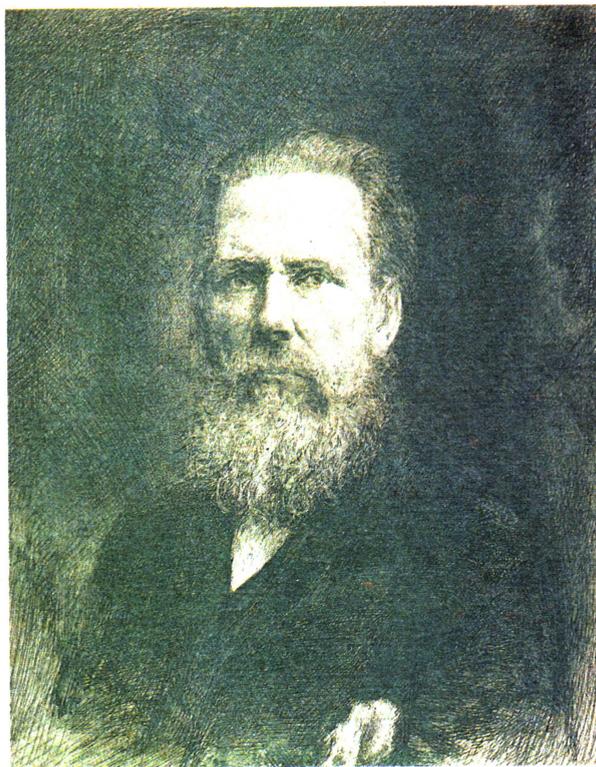
Тут интересен один маленький бытовой эпизод. Глинка, который следил за развитием А. И., страшно обрадовался этому успеху. Когда А. И. к нему зашел после выставки этой картины, то Глинка — сановник того времени — первый встал ему навстречу, протянул руку, поздравил его и пригласил к себе пить чай...

78 г. играет большую роль в работе Ал. Ив. Случайно в этом году он попал в Елец Орловской губ. И вот, будучи там, он узнал, что ежегодно летом, в какой-то день [я не помню] в г. Задонске празднуется праздник Тихона Задонского. На этот праздник стекались десятки богомольцев, из которых многие чаяли исцеления.

Много туда шло всяких калек и больных. Можно было представить, насколько заинтересовался Ал. Ив. этой толпой, т. к. в первую голову он был бытовик. Это не могло его не захватить. Им было предпринято из Елецка путешествие на лошадях. И там у него зародилась мысль написать сложную картину — она должна была изображать трапезу этих богомольцев за монастырский счет. В то же лето было им написано много этюдов отдельных фигур всяких калек-перехожих.

Результатом этой поездки была картина «Монастырская гостиница», где изображено, как архимандрит «обрабатывает» богатую купчиху, очевидно, цель была получить солидный вклад. Купчиха красивая по-купечески, но ограниченная, и само собой разумеется, что умный архимандрит сумеет на нее повлиять, и вклад будет сделан.

Трапеза же осталась неосуществленной. До конца жизни ему хотелось приняться за эту картину и так и не удалось.

**АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
КОРЗУХИН.**
Гравюра В. В. Матэ
[публикуется впервые].
Свердловская
картинная галерея

**В МОНАСТЫРСКОЙ
ГОСТИНИЦЕ.**
Государственная
Третьяковская галерея

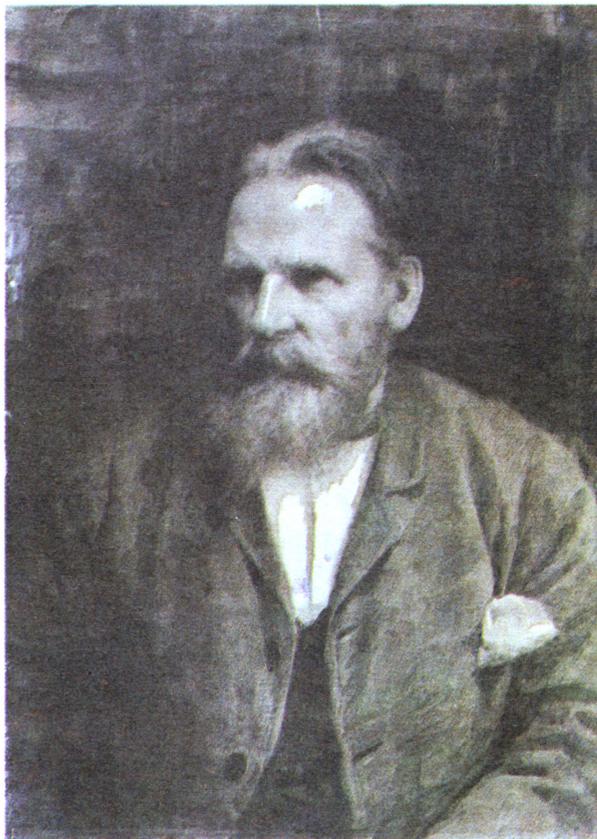
**ПОРТРЕТ А. А. КОРЗУХИНОЙ —
жены художника
(публикуется впервые).
Свердловская
картинная галерея**

**ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА ОТ
АРТИЛЛЕРИИ В. А. ГЛИНКИ.
Свердловская
картинная галерея**

**ПОРТРЕТ
Е. И. ИКОННИКОВОЙ.
Свердловская
картинная галерея**

**ПОРТРЕТ А. И. КОРЗУХИНА
КИСТИ ЕГО УЧЕНИКА
А. П. БЛАЗНОВА
(публикуется впервые).
Свердловская картинная
галерея**

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ.
(публикуется впервые)
Свердловская
картинная галерея

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ.
Государственная
Третьяковская галерея

В 90-х гг. Ал. Ив. случилось поехать в Херсонес в Крыму. Там у него была ответственная работа в храме Владимира и он там провел некоторое время. На обратном пути ему захотелось познакомиться поближе с бытом переселенцев. На Волге есть такое село Батраки, через которое в то время масса переселенцев направлялась в восточные области страны. Туда-то он и направился. Перед ним опять рисовалась большая задача — бытовая картина, но уже с драматическим оттенком: здесь можно было видеть, сколько неизбывного горя и мучений. Там он сделал целый ряд набросков в альбоме.

Но большому замыслу, к сожалению, не суждено было осуществиться. Стала развиваться болезнь почек, и когда он из Батраков вернулся в (Петербург)... то было заметно, что он совершенно надломлен в своем здоровье. Ему и не удалось оправиться. В 94 г. он скончался. Его смерть была довольно преждевременной.

Приведу несколько черточек, которые характеризуют свободолюбие Ал. Ив. Во-первых, он ни одного дня не «прослужил». Это ему казалось совершенно несоместимым со свободой художника.

Случалось, что ему предлагали частные уроки рисования, они часто хорошо оплачивались, но он или с самого начала отказывался или очень быстро отставал... от этих уроков. Ему казалось совершенно невозможным, мешающим его работе — быть обязанным в определенный день и час куда-то идти.

Он был принципиальным противником собственности, вернее, недвижности — она тоже связывала.

Ему предложили приобрести дачу в Сестрорецке, где он жил и где была его мастерская. Случай был выгодный, возможность материальная была, но он принципиально отказался приобрести, потому что считал, что всякая недвижность связывает человека.

Не приходится говорить, что к самодержавию он относился резко отрицательно.

Что касается его личных свойств, то он, с одной стороны, был совершенно свободен от всякого честолюбия, карьеризма и искания славы, но в то же время свою исключительную скромность сочетал с очень сильным самолюбием. Особенно он был чувствителен к недостатку уважения к искусству. Был однажды такой случай: А. И. попросил одного из своих знакомых попозировать для картины. Фигура эта должна была сидеть за столом с другой фигурой. Этим другим лицом был один известный артист. И вот первый сказал, что ему, как дворянину, не пристало сидеть за

одним столом с... артистом. Негодованию Ал. Ив. не было предела. Он в этом усмотрел не грубость, а непонимание искусства и недопустимое к нему отношение.

Смелся Ал. Ив. редко и внешней ласковости, может быть, было немного. Но все-таки всех покоряло его доброжелательство, прямота и искренность. Он, между прочим, к молодежи относился совершенно с особой любовью. Но отношение было лишено всякой сентиментальности и приторности. Он был даже в иных случаях на словах суров, но тем не менее был проникнут таким доброжелательством, что это перевешивало все. И у него часто-часто можно было видеть молодых людей...

Очевидно, это доброжелательство молодежь чувствовала хорошо и поэтому всегда тянулася к Ал. Ив. Приходили и по делу; и в гости. Собирались Крыжицкий, Новоскольцев, Селезнев. Бывали Блазнов, Галина, Малавин, бывал Шварцев — вернейший друг Ал. Ив. до конца жизни. С Крейтаном встречался. С Журавлевым и Крамским отношения разладились. Великим другом был Еф. Гавр. Судковский, маринист известный, чрезвычайно милая личность, но он был страшно впечатлительный и мнительный и погиб рано — 35 лет. Старым другом был Фед. Ив. Иордан — гравер, ему было 80 лет, а он в то время все еще работал, гравировал, любил острить...

Был В. П. Верещагин, постоянным другом была Кочетова. Она была одна из первых женщин художниц и если и не была наделена талантом, то все-таки высоко держала знамя художника. Был Кошелев, Дм. Кавказский, между прочим с него написал Ал. Ив. архимандрита «Монастырской гостиницы»...

Ежегодным посетителем был П. М. Третьяков.

Ал. Ив. был очень радушным хозяином. Его поддерживала жена, и у них друзья и знакомые чувствовали себя чрезвычайно свободно. В центре всего были музыка и пение.

Душой этих вечеров был артист Марининской сцены Корякин, обаятельнейшая личность. На этих вечерах карты и вино были совершенно исключены.

Мастерская Ал. Ив. находилась в доме Енисеева, выходила на Малую Невку. Ал. Ив. вошел в соглашение с Енисеевым, и была устроена мастерская — три комнаты соединили в одну и в средней части был устроен верхний свет. Эта мастерская была очень удобна для живописца.

Рядом с стеной находилась мастерская Крамского. К сожалению, после смерти Ив. Ник. она не была сохранена, а была надстроена мастерская Куинджи.

В этом же доме жили Клодт, Волков. С 79 по 94 г. там Ал. Ив. и работал, а летом он работал в Сестрорецке [с 83—94 гг.]. Он ездил туда каждый год, там был построен домик, где была устроена его мастерская с большим окном. Кроме этой мастерской он устроил в парке будочку, которая могла вращаться на среднем стержне, чтобы по мере продвижения солнца могло сохраниться то же освещение.

Главные его две мечты так и остались неосуществленными. Его тянуло к эпопее народной, которую он сначала хотел изобразить в «Трапезе», а потом в «Переселенцах».

Если бы ему эти картины написать, то он, по-видимому, считал бы свою миссию законченной, а так он ушел в могилу раньше, чем успел сделать все, что предполагал...

Публикуемые ниже письма касаются двух самых значительных работ А. И. Корзухина — «Перед исповедью» и «Отъезд из монастырской гостиницы». Переписка художника с П. М. Третьяковым относительно продажи этих работ была продолжительной и мучительной. Продолжительной — потому что долго не могли сговориться относительно цены. Мучительной — потому что художник с болью, как любимого ребенка, отрывал от себя эти картины.

Относительно продажи «Перед исповедью» сохранилось лишь три письма А. И. Корзухина, которые он адресовал П. М. Третьякову. Письма П. М. Третьякова пока не найдены, а возможно, они не сохранились, однако по содержанию писем художника можно догадаться, о чем идет речь и что мог писать известный владелец картинной галереи.

Вторая группа писем связана с продажей картины «Отъезд из монастырской гостиницы». Приводятся четыре письма П. М. Третьякова и четыре письма-ответа А. И. Корзухина.

Все письма публикуются впервые.

21 марта 1878 года
Многоуважаемый Павел Михайлович.

Я получил Ваше любезное письмо от 18 марта и был приятно поражен искренностью содержания его и только в одном нашел неискренность — это насчет цены.

Если Вы говорите, что цена дорога, то я полагаю, что Вы составили себе понятие, какая не дорога, но цены Вашей в письме нет. Надеюсь, что все это при личных переговорах выяснится, если только Вы сделаете мне честь вашим визитом.

Вы пишете в Вашем уважаемом письме, что выжидаете время конца

выставки, полагая, что не ошиблись ли в достоинстве вероятно картины; и что еще выставка доказала Вам — те же все достоинства картины, какие были и в мастерской у меня. Но что картина не куплена еще, как заметили в письме, это доказывает только равнодушие нашего общества к изящным искусствам и я заранее знал это, да и всякий это знает. Однако же я несмотря на это руководился только одной любовью к искусству, и всеобщая симпатия к моей картине служит мне вознаграждением за мой труд, для других же служит мерилом достоинств ее и оценкой в материальном вознаграждении.

В заключение я позволю себе повторить еще раз, что я душевно желаю уступить ее в Вашу превосходную галерею, составившую себе и теперь уже громадную славу и уважение к Вашей высокой деятельности.

С чувством глубокого уважения и преданности имею честь быть Вашим покорной слугой.

А. Корзухин

Р. С. В скором времени — на фаминой неделе или даже в IX числах апреля я должен буду ехать через Москву, тогда, если позволите мне, я зайду к Вам для переговоров.

18 сентября (1878)

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Любезное Ваше письмо от 24 июля я получил и только теперь имею возможность отвечать Вам потому, что все время был в отлучке. Благодарю Вас за внимание и глубоко ценю его, но принять Ваших условий я не могу, хотя я и согласен с Вами в том, что место в Вашей галерее несравненно выгоднее для меня, чем у частного покупателя. Не знаю, что Вам говорил А. А. Риццоли, но что я говорил с ним, то и теперь повторяю: я ему сказал, правда, что я отступил бы от своей вторичной цены, и которая Вам известна, но ниже никак не могу, тем более, что в этом нет никакой надобности.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть Ваш покорнейший слуга.

А. Корзухин

Р. С. Проездом через Москву я действительно был у Вас, но не один, а с некоторыми любителями искусства, но, к сожалению, галереи Вашей не нашел, Вас же в тот час не было дома.

30 января (1879)

Уважаемый Павел Михайлович.

Картина моя еще здесь, хотя давно уже приготовлена и передана в Академию в ящике, но по неисповедимым судьбам не попала еще на

очередь быть отправленной к Вам и не знаю, почему так долго. Кстати замечу, что я строго осматривал свою картину и нашел еще маленькую язвину, вероятно от гвоздей, что и сделал тщательно. — Вы ее увидите сзади легко, она также, к счастью, не имеет ничего серьезного, как и тот прыщик, который был на картине. Следовательно, картина в порядке и я буду очень рад, когда она наконец попадет на Ваше деликатное обращение с художественными произведениями вообще.

О том, что моя картина «Девочки в лесу» попала к Вам, — я слышал в Академии и жду ее, чтобы передать владельцу, который ждет ее нетерпеливо.

Примите уверения в неперменном уважении к Вам.

Ваш покорный слуга

А. Корзухин

Р. С. Не думаю, чтобы она еще не была послана в Москву на этих днях, так как мне обещали на прошлой, еще неделе отправить. Если Вы будете у меня на Масленице, то я буду очень благодарен за доставленные деньги.

Милостивый Государь Алексей Иванович!

Я через Михаила Петровича Боткина делал Вам предложение насчет Вашей картины «Отъезд из монастыря», но ответа никакого не получил. Теперь выставка кончилась, картина Ваша не продалась, и я еще раз возобновляю свое предложение, чтобы понапрасну не делать ненужной перевозки и чтобы не быть впоследствии в неправильном положении, если бы Вы вздумали позже согласиться.

С глубоким почтением остаюсь Вашим покорнейшим слугой

П. Третьяков

3 Ок(тября) 82

7 октября (1882)

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Если Вы не желаете прибавить цену на мою картину, то я не могу уступить за Вашу. Я так много слышал хорошего со всех сторон об моей картине, и надеюсь, что Вы знаете насколько она хороша. Поэтому надо же и ценой отличить ее против других. Ведь если Вы платите 1000 рублей за хороший этюд головы, то во сколько раз сложнее и достойнее моя картина против оной. Вы как собиратель, и при том достойный — должны такие сравнения картин оттенять правильно, ведь я не столько беден, чтобы мог уступить за цену, какую угодно назначить покупателю. М. П. Боткин писал мне еще, будто бы он упросил Вас прибавить 500 р., ну это

уж для меня не нужная милость, я этого не желаю.

Из всего сказанного видно, что Вы цените мою картину ниже, чем она достойна, а потому прошу извинить меня.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть

А. Корзухин

Р. С. Из уважения к Вам и по старинной нашей дружбе я только Вам еще уступаю 1000, т. е. за 4000, менее ни копейки.

Многоуважаемый Алексей Иванович.

Неужели мы после стольких лет близкого и приятного знакомства совершенно разоидемся. Мне как-то просто не верится; положим, Вы позже продадите дороже, но ведь и время деньги; чтобы с своей стороны пойти навстречу Вам, я готов разделить разницу пополам с доставкой на Ваш счет. Это мое окончательное предложение. Ответом поспешите, так как на днях выезжаю. Продав эту картину, Вы имеете больше шансов на продажу исторической картины, так как будущему покупателю на выбор одной картины менее. Я переступаю свое слово только ради желания поместить картину в свое собрание, дело за Вами теперь, чтобы и Вы возимели такое желание.

Глубоко уважающий Вас

П. Третьяков

15 дек(абря) 82

17 декабря 1882 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович.

Как бы я ни был убежден и как бы я ни желал остаться при своей цене на мою картину, но иногда сила доказательств берет перевес над личным взглядом. Вы были в своем письме очень искренни, и я поддался ему. Возьмите мою сироту [под сим я разумею мою картину Монастырскую гостиницу] за 3500 рублей и я буду рад хоть тем, что она будет при всей своей скромности даже и в цене уподобляться некоторым своим товарищам, что не все то может гордиться, что блистает дорогой ценой.

Итак, после сего акта я не считаю себя больше хозяином этой картины. Дай бог только, чтоб я еще явился с такими же картинами на свет. Надеюсь на скорый ответ по сему случаю и прошу принять уверения в преданности и уважении.

А. Корзухин

Р. С. Об одном упомяну Вам еще как бы ничтожном препятствии. При отправке через транспортную контору я привык отсылать свои картины без уплаты за провоз, т. е. следовательно на счет покупателя.

Упаковку же я беру на свой счет.

Многоуважаемый Алексей Иванович.

Очень рад, что картина будет в моем собрании. Осмотрите, пожалуйста, в целости ли картина, я ее видал в Академии валявшуюся на полу, так что она может быть поцарапана, также раму, если она попорчена, исправить, чтобы можно было тотчас по получении поставить на место, также и за укупоркой нужно наблюдати. Провоз разумеется ж/д...

Я имею на память от всех почти художников рисунки, Вашего же пока нет; нельзя ли и Ваши приобщить? Очень бы был Вам благодарен, если бы Вы прислали мне вместе с картиной какой-нибудь эскизик с сенией или карандашом, какой имеется. Желаю Вам всего доброго.

Искренне преданный

П. Третьяков

20 дек(абря) 82

24 декабря (1882)

Уважаемый Павел Михайлович.

Вчера отправил Вам мою картину во всей исправности. А насчет рисунка Ваше желание не могу удовлетворить, но постараюсь в непродолжительном времени приготовить его и Вам выслать. Желаю Вам всего хорошего и веселых праздников, с которыми поздравляю Вас и прошу верить в чувствах уважения.

Ваш покорный слуга

А. Корзухин

В получении картины Вы, конечно, сообразовали уведомить.

Многоуважаемый Алексей Иванович.

Только сегодня имею возможность послать Вам три тысячи [в переводе на Петербург. Отд. Варшавского Банка; Банк этот находится на Невском проспекте и заплатит Вам немедленно] следуемые Вам за картину. Возвратились мы 5 числа, но 6 и 7 были праздники. Картина была получена исправно и стояла распакотанная у меня в кабинете; теперь она уже на месте в галерее.

Желаю Вам всего лучшего, остаюсь преданнейшим слугой

П. Третьяков

8 янв(аря) 83

Москва.

4 февраля (1883)

Уважаемый Павел Михайлович.

Деньги Ваши 3000 рублей я получил в свое время, о чем уведомляю с удовольствием Вам. Только прошу покорнейше извинить, что я до сих пор молчал об этом, и буду надвяться на снисхождение ко мне за такое невежество.

Приношу уверения в преданности. Преданный Вам

А. Корзухин

НАХОДКА В АРХИВЕ

Виктор БЕРДИНСКИХ

Первый и почти единственный исследователь творчества русского поэта XVIII века Ермила Кострова жаловался: «Нет ни строки из бумаг Кострова, ни одного его автографа, печатный материал крайне скуден». (П. Морозов. «Костров, его жизнь и литературная деятельность», Воронеж, 1876 г.)

Но... рукописи не горят. В XX веке в архиве поэта Д. Хвостова в Ленинграде был найден автограф Кострова; опубликованы еще два его письма. Но все же пальцев на одной руке хватит, чтобы перечест имеющиеся на сегодня автографы известного поэта и переводчика Ермила Ивановича Кострова, по-прежнему он остается для исследователей фигурой загадочной, почти легендарной, большинство известий о его жизни анекдотичны.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства мне удалось обнаружить еще один автограф поэта — письмо, написанное его рукой. Оно до сих пор не было опубликовано и исследователям не известно. Это небольшая четвертушка бумаги, на которой крупным, уверенным почерком Ермила Ивановича написана записка:

«Милостивый Государь, Григорий Матвеевич! Зделайте одолжение, уведомите меня, поедете ли вы к Николаю Ивановичу. Чем много одолжите преданного вам покорного слугу Кострова».

А далее приписка:

«Аз есмь и буду навсегда доколе не изыду ко господу. Почитающий ваши дарования Костров».

Подпись свою он снабдил добрым десятком завитушек.

В уголке письма стоит осторожная карандашная пометка на немецком языке — «Чрезвычайная редкость». Видимо, до революции письмо находилось в коллекции редкостей какого-то богатого собирателя, который прекрасно осознавал его ценность и сделал эту пометку.

Письмо драгоценно для нас и тем, что, судя по всему, говорит о близком знакомстве Кострова с выдающимся русским просветителем Николаем Ивановичем Новиковым.

М. Херасков, известный русский поэт, друг и покровитель Кострова, став во главе Московского университета, предложил университетскую типографию в аренду Николаю Новикову вместе с книжной лавкой и изданием «Московских ведомостей». Весной 1779 года Новиков переехал из Петербурга в Москву и стал жить в доме университетской типографии у Воскресенских ворот. Частым гостем станет здесь прекрасный знаток латыни, греческого и французского языков 24-летний Ермил Костров, бакалавр Московского университета.

Костров быстро входит в круг новиковских переводчиков. В 1779 году выходят в свет переведенные Костровым произведения французского писателя-сентименталиста Арно «Эльвирь» и «Зенотемис». Перевел он небольшую поэму Вольтера «Тактика», «Золотого осла» Апулея (с латинского). «Золотой осел» был опубликован Новиковым в двух томах в 1780 и 1781 гг. Книга стала очень популярна в стране.

Еще Пушкин, вспоминая свои лицейские годы, писал: «В те дни, когда в садах Липея я безмятежно расцветал, читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...» Перевод Кострова был ясен, логически отчетлив и точен; читался он очень легко. Он оставался единственным русским переводом «Золотого осла» до начала XX века.

Очевидно, именно к этому времени (конец 70 — начало 80 гг. XVIII века) относится найденное письмо. Часто бывает Костров в то время на обедах у Новикова. По душе ему простая русская кухня в доме старшего друга: щи, поросята с кашей, уха из ершей...

Рисунок В. Ганзина

ПОЛИМОН

Олег НИКОНОВ

Если бы только и было суждено
в жизни телом остановить нулю, ле-
тящую в сторону Родины, то и для
этого стоило родиться на свет.

Леонид ЛЕОНОВ

Точно филин в ночном лесу, заухал вдруг динамик. Одновременно под потолком казармы вспыхнула сигнальная лампа.

— Рота-а! Тревога!

И началось. Загрохотали сапоги, зашкрякали, раздвигаясь, створки оружейной пирамиды. Автоматы, противогазы, вещмешки, лопаты, магазины — все это замелькало в солдатских руках.

Такие тревоги любил сержант Николай Хозашев. Не те, когда роту поднимают ночью лишь для того, чтобы пробежать десяток километров до стрельбища, устроенного в заброшенном гранитном карьере, а вот именно такие, когда, урча, выползают из автопарка машины с зачехленными ракетами, когда на каждом перекрестке — регулировщики в белых касках, а среди грузовиков и бронемашин — командирские «газики»...

Рассвело по-летнему быстро. Машины шли и шли одна за другой, тяжелая рыжая пыль высоко клубилась над дорогой.

— Ну что, гвардейцы, затихли? — спросил громко Хозашев. — Лучше бы отрабатывать взаимодействие щетки с подушкой?

— Не отказались бы, товарищ сержант!

Это, конечно, рядовой Лазаренко. Смотрит на Николая с иронией. Ленив парень, даже в строю умудряется досматривать сны.

— Но могу повеселить рассказом, как завелся у нас однажды изобретательный сачок...

Лазаренко вспыхнул, понимая, что речь пойдет о нем. Накануне он не вышел на зарядку. Хозашев проверил бытовку, сушилку, в туалет заглянул — нет как нет. Даже в медпункт справлялся: может, стряслось что? Никто нигде солдата не видел. Хозашев присел возле вешалки на табурет и задумался: куда человек ростом под метр семьдесят может спрятаться? И вдруг заметил, что на вешалке одна из шинелей чуть-чуть выпирает и... «дышит».

Вот о чем, собственно, мог бы рассказать Николай, но, поймав просящий взгляд солдата, сказал:

— История была веселая, да ладно. До лучшего случая.

Машину резко качнуло, она остановилась в полу-метре от борта впереди идущего бронетранспортера. Улыбки с лиц сдуло мигом.

За неделю до полевого выхода командир роты заметил, что в пути могут быть неожиданности.

— Во-о-здух!

— Поверх бортов к бою! — приказал Хозашев, ловко выбросив вперед автомат и щелкнув предохранителем.

Кузов моментально оцетинился черными стволами, будто еж иголками. Со стороны это выглядело весьма внушительно.

Фронтвики помнят, каким бедствием бывали в первые годы войны подобные сигналы о появлении вражеских самолетов. Причем вред причиняли не столько сами машины, из которых стреляли не прицельно, второпях, сколько паника. Скоро, правда, преодолели «самолетобоязнь», научились встречать врага всеми видами оружия, стеной огня, и противник быстро растерял преимущество в атаке с воздуха...

Но теперь-то, скажут, другие самолеты, другие скорости. Верно. Но верно и то, что и солдатское оружие стало иным. Ныне воин-мотострелок может сбить и скоростной самолет.

Сверху пошел басовитый звук самолета, но тут же отскочил в сторону, пропал. Самолета так никто и не увидел. Последовал сигнал отбоя.

— Сдрейфид, — подытожил Лазаренко, усаживаясь на место.

Игорь Солодянкин рассчитывал отсидеться в радиостанции на крутящемся, как у пианиста, стульчике. А тут: «Откомандирован в распоряжение командира мотострелкового взвода на место выбывшего в бою телефониста».

— Выходит, я убит! — обрадованно воскликнул рослый узкоплечий ефрейтор, нахально уставившись на Игоря. — Нормальный ход!

И быстро, не раздумывая, сбросил к его ногам свое снаряжение.

— Нитку протянешь сам или показать? — спросил скорее для порядка. — Впрочем, дело не новое — для всех пустяковое. Но ты лучше держись вон того сержанта, он по части связи — ой-ей.

А сержант сидел на пенечке, что-то писал в тетрадь. Услышав, что речь о нем, покачал головой.

— Что, Аржанников, опять шлангуешь? Когда ж тебя дело найдет?

Приказ оборудовать взводный опорный пункт поступил после сигнального взрыва, пробудившего, кажется, все живое окрест. Так подыгрывающая группа обозначила присутствие «противника», готового к наступлению.

Спешившись, солдаты взялись за работу.

Стояла полуденная жара. Казалось, солнце нацелилось именно на этот пятачок земли, испытывая первоходов на жаростойкость. Оказалось, зарываться в землю — не такое простое дело. Это только говорится, что мотострелковые войска воюют преимущественно на колесах. На самом деле приставка «мото» ничуть не изменила пешей сути «царицы полей».

Игорь заметил: орудуя ребята лопатами лихо, да от суетливости немного проку — земля сверху ссохлась, штык не идет. Может, дальше легче будет?

Пока размышлял, Аржанников переговорил с командиром взвода и ушел не прощаясь, в подыгрывающую группу.

— Помогите водителю бронетранспортера закончить окоп,— приказал лейтенант.— Это сейчас задача номер один. А связь займетесь позже.

Рядовой Буряк, рыжеватый крепыш, окоп уже заканчивал. Игорь прикинул на глазок, что дел не много, и принялся с настроением: по части физических работ мог спокойно с кем угодно посостязаться.

— Поспешай, земля! Копай глубже, кидай дальше, чтоб служба медом не казалась.— Буряк, было видно, бодрился. Он устал, выдохся, расстегнул куртку до пояса, закатал рукава, но это не помогало.

Еще полчаса работали. Молчали, только слышно было, как на каждый выдох отзывалась выброшенная земля. Наконец Буряк остановился, отер пот с лица:

— Думал все, помру. Гляжу, а ты прещ як бульдозер, аж завидно стало... Последний окоп, через месяц — домой. А тебя от лопаты увольняю. Остается только замаскировать машину, но цэ не твоя забота. Спасибо за пидмогу.

Яркая стезжка сигнальной ракеты затрепетала над головами. Свет еще не рассеялся, а на дороге уже не было ни души — взвод по команде Хозашева свернул в редкий еловый подлесок, а затем вытянулся вдоль линии электропередачи. Здесь волной шевелились травы — зеленые, белесые, почти до колен. Дышалось легко.

— Движение по азимуту,— напомнил Николай.— Ориентироваться всеми известными способами. Шахрайчук, Колесник, Пименов определяют азимут по часам, остальные — как учили. Не забыли?

Белоус молча поднял руку с растопыренными пальцами.

— Правильно. Углы направлений можно измерить с помощью пальцев. А что скажет Лазаренко? — Хозашев заметил, что Лазаренко увлекся земляникой.

Услышав свою фамилию, тот выпрямился:

— Я весь внимание!

— Отставить, Лазаренко! Хватит паясничать. Еще раз спрашиваю: как без компаса будете определять направление движения?

— Могу при помощи обыкновенной линейки с сантиметровыми делениями. Если держать ее перед собой в вытянутой руке, то одному сантиметру на линейке будет соответствовать на местности один градус.

— Так-то лучше! — сказал Хозашев.— Если вольности повторятся, накажу по всей строгости. А теперь всем определить магнитный азимут и свериться друг с другом. Даю на это пять минут...

Двинулись по болотам. Через несколько сот метров под ногами уже всюю зачавкала топь.

— По-моему, здесь еще не ступала нога человека,— грустно пошутил Белоус.

Путь перерезал овраг. По дну его текла черная, липкая, холодная вода. Переправа — старое скользкое бревно. Стоило ступить на него, как оно начинало крутиться. Когда очередь дошла до Сидоркина, тот, переправившись на другой берег, попросил:

— Товарищ сержант, разрешите?... И еще дважды пробухал сапогами по скользящему бревну.

— Сидоркин, ты ли это? — не удержался Лазаренко. У всех на памяти был недавний случай, как солдат наотрез отказался прыгать через глубокую яму.

— Куй железо, пока горячо! Хотите, я еще разок?

— Не стоит,— отозвался Хозашев.— Дорога не близкая.

Все притихли, ожидая, пока сержант уточнит азимут.

Вот и нашлось Игорю Солодянкину дело по специальности. Даже по двум — по гражданской и военной.

— За химика-разведчика сработать можете? — спросил командир взвода.

Игорь опешил: за кого?!

То, что он химик-технолог,— это, конечно, факт, но идти в очаг поражения... Работать с приборами, устройство которых знает только теоретически... Да и специализация у него здесь не та, вот что-нибудь по радиной части...

Лейтенант не ожидал такой реакции. Солодянкина характеризовали иначе: деловой, энергичен. «Может, боится подвести?.. Тогда кто?»

Но Игорь, решив для себя, что это, быть может, и есть главное испытание, опередил вопрос взводного:

— Согласен, товарищ лейтенант.

...«Тю-уф» — разрезала тишину сигнальная ракета. Специально оборудованная машина рванулась в исходный пункт, хорошо различимый на фоне изумрудной зелени леса. Густой дым, поднявшись на высоту человеческого роста, вдруг остановился, будто раздумывая, ожидать противника здесь или идти навстречу.

Водитель давал обороты, рискуя в любой момент застрять в груде бетонных обломков, имитирующих завалы после прохождения здесь атомного смерча.

И вот — «очаг поражения». Справа — обвал, груда развороченных железок бетонных балок, слева — стена горящего здания, прямо — вереница глубоких воронок. Воздух раскалился, кажется, докрасна, а резина шлем-маски сжимает лицо как тисками...

Лейтенант взмахом руки приказывает остановиться: — Рядовой Солодянкин, к машине!

Выпрыгивая, тот сделал неловкое движение и грудью прижал гофрированную трубку противогаса к кромке люка. Грудь судорожно приподнялась. Рука Игоря неловно рванулась к шлем-маске, но офицер успел перехватить ее. Солодянкин посмотрел на него умоляюще: радиации, отравляющих веществ, мол, в действительности нет... Но тут же опустил глаза — так жестко глянул командир.

Ситуация просто опасная: вон полыхают кирпичи, на глазах превращаясь в прах. Видимость дальше — нулевая. Черный тягучий дым заволакивает приборы. Пожар взмывает к небу снопы тяжелых искр. Пролетев немного, те падают на землю, вновь вздымаются.

Выплыли в голове строчки: «И глотать в жаркий полдень ледяную струю...» Ле-дя-ну-ю. Что за ерунда? Нельзя расслабляться,— приказывает он себе. Фильтр прекрасно прокачивает воздух: отравляющие вещества, если они есть в атмосфере, дадут фильтрам окраску. Он берет пробу грунта, делает это не торопясь, заставляя себя каждое движение выполнить точно, расчетливо,— ни в чем ошибиться нельзя.

— Водитель, вперед! — командует лейтенант, выслушав отчет Солодянкина о результатах замеров.

— Можем застрять, товарищ лейтенант...

— Вперед! Выжать из машины все.

И водитель выжал. Не успела корма вездехода подняться из одной воронки, как передняя часть опустилась в следующую. Под днищем заскрежетали куски бетонной арматуры.

— Обороты! — коротко и властно бросает лейтенант.

И здесь, преодолевая лежащий поперек дороги бетонный столб почти полуметрового диаметра, водитель показал, на что способен. Вездеход легко взобрался на этот крутобокий «валик», чуть качнулся на его гребне и снова опустился на грунт. Лейтенант не удержался от похвалы:

— Ну, молодец!

Собразив, что водитель не слышит — занят дорогой, просто сжал ему локоть.

— Взвод, смирно! Слушай боевой приказ.— Хозашев оглядел строй. При этой команде, независимо от того, где находился — в шеренге ли, командиром ли, испытывал особое чувство: ему нравилась власть этих слов, от которых внутри все напряжилось.

— Слушай... Боевой... Приказ! — повторил он, отрубая слова.— «Противник» перешел к обороне на рубеже: роща Богдановская — отдельное строение — скаты высоты. Задача взвода: во взаимодействии с соседом справа огнем и атакой с ходу уничтожить огневые средства «противника» в районе ориентира третьего.

И неожиданно для себя, как он потом признался, добавил:

— Кто хочет перед боем написать домой, — торопитесь. Бумага у меня найдется...

Некоторые опешили: такой нелепой показалась им шутка сержанта. Но Хозашев не шутил. Он открыл свою полевую сумку, достал ученическую тетрадь и стал ее расшивать.

— А что, идея! — восторженно отозвался Лазаренко и потянулся за листом.— Черкну пару строк своим корешам, как мы тут бьем-громим супостата, вот позавидуют! А старикам писать не советую. Чего доброго...

— Закрой фонтан! — сердито оборвал его Белоус.— Выбирай место для шутки. И время... Товарищ сержант, а когда почта уйдет? Ведь в казарму попадем дня через два?

— В соседней деревне сдадим, если, конечно, победа будет за нами, — улыбнулся Николай.

Пока разобрали бумагу и, пристроившись кто где, торопливо писали, Хозашев обошел позицию, откуда им предстояло идти в атаку. Час назад они с успехом вместе с соседями отразили натиск «противника», за которого очень изобретательно старались воины подыгрывающей группы.

В полосе своей обороны соседи уничтожили до восьмидесяти процентов наиболее «важных целей». И у нас не хуже... Хозашев шел по траншее и мысленно представлял, как его отметит на общем построении командир полка. Ведь если у соседей отличились только рядовые Солодянкин, Буряк, Пышкин, Дарманкулов, у него этот перечень вдвое длиннее. По окнам уже прошли рукописные листовки с фамилиями его подчиненных. «Ох, не подвели бы только Климов и Сидоркин», — вздохнул озабоченно.

У Климова и Сидоркина не оказалось ручек, да и не очень, видно, хотелось писать, а сейчас от нечего делать клацали затворами автоматов.

— Ну что вы, как пацаны, играетесь! — напустился на них Хозашев.— Почему не снаряжены магазины?

— Все готово, товарищ сержант, ждем атаки, — ответил Сидоркин, щурясь на солнце, и хлопнул в подтверждение ладонью по тугому подсумку.

— К бою, Сидоркин. Через несколько минут будет поздно...

И точно. Одновременно с хлопком красной ракеты вдалеке показались цели, — будто выросли из-за кустарника. Такое впечатление, что они бегут навстречу мотострелкам.

— Вздо-од! Приготовиться к атаке! — протяжно крикнул Хозашев и, перебросив автомат в правую руку, нырнул в окоп. Затем, приподнявшись, оценив обстановку, командовал:

— Гранатометчику, по танку вправо тридцать, дальше сто — огонь! Пулеметчику...

Одновременно с ударом гранатомета резко — очередь. За ней вторая, третья... Вступили в бой и автоматчики. И вот, перекрывая этот треск и грохот: «В ата-а-ку, вперед!»

Ребята рванули за Хозашевым, словно спринтеры.

Как будто впереди их, по меньшей мере, олимпийские медали дождаются.

— Взвод, гранатой, а-гонь!

Один за другим громыкнули взрывы, и солдаты вновь бросились вперед, огнивая рваную нить старых, осыпавшихся уже ходов сообщения.

«А почему остановился Лазаренко?»

Одновременно с недоумением мелькнула догадка: «Не успел бросить гранату!» Он впился глазами в уже отведенную для броска руку Лазаренко. Озираясь по сторонам, не владея лицом, тот нервно улыбался.

«Ах ты, тридцать три несчастья!» — Николай одним махом преодолел отделяющее его от солдата расстояние, и в тот момент, когда пальцы его на гранате могли разжаться, стиснул их.

— Чеку вырвал или забыл?

— Коне-е-чно вырвал.

— «Коне-е-чно...» — передразнил Хозашев.— Рука-то не занемела? Если услышишь щелчок механизма, от себя не бросай — товарищи кругом. Прикроем эту штуку под собой. Понял?

— Угу, — прогудел Лазаренко, не в силах раскрыть рта. Как ток смертельного напряжения, все его мышцы сковал страх.

— Да ты не дрожи, как заяц в капкане. Сейчас развернемся на сто восемьдесят и тихо пойдем, чтоб не привлекать к себе внимания.

— Я все понял, товарищ сержант, — чуть слышно проговорил Лазаренко.

Когда подошли к оврагу и остановились, Хозашев сантиметр за сантиметром освободил корпус и спусковой рычаг гранаты из жестких пальцев солдата. Теперь она оказалась в руке у Хозашева.

— Советую обо всем, что случилось, честно написать своим корешам, — сухо произнес Николай.— Пусть готовятся к армии не в подворотнях.

Он размахнулся и швырнул гранату.

Первый день полевого выхода подходил к концу. Солнце быстро скатилось по вечернему небу за горизонт, и сразу же тяжелой шрапнелью сыпанул дождь. Поле быстро раскисло, земля стала вязкой. С северной стороны пахнуло холодом.

Игорь Солодянкин шел в строю замыкающим, еле волоча пудовые от налипшей грязи сапоги, мокрое обмундирование холодным компрессом лило к телу, он так предлог, что зуб на зуб не попадал. Сейчас бы пробежаться для сугрева или закурить...

Он оглянулся на звук чьих-то шагов и увидел нагонявших его соседей — те шли быстро, накрывшись плащ-палатками. Во впереди идущем узнал замком взвода Хозашева.

— Хорошо ли повсевали, братцы? — сверкнул тот белозубой улыбкой.

Игорь промолчал. Какой тут к черту разговор, к костру бы сейчас...

— Да ты что, застыл никак? — спросил Николай.

— Если бы не дрожал, то совсем бы замерз.

Хозашев ловким движением дернул пинурок у себя под подбородком, и не успел Игорь запротестовать, как оказалась накрытым сержантской плащ-палаткой.

— Не трепыхайся, дружок. Так ведь лучше, — Хозашев обнял его поверх плащ-палатки и прижал к себе.— Впереди еще ночевка без костра, палаток, ужин из сухого пайка. Паек-то есть?

— Приглашаю, товарищ сержант! — глаза Игоря блеснули.— Мне будет приятно...

— Вот и хорошо, договорились.— Хозашев подтолкнул Игоря чуть вперед и, прощаясь, напомнил: —мотри, кипятком разживись. Чай я принесу.

Александр ЧУМАНОВ

РОЗОВОЕ ОБЛАКО

Утром мальчику исполнилось семь лет. Были именины, дети пили чай с тортом, а потом стали играть.

— Я буду мамой,— сказала соседская девочка.

— А я буду розовым облаком,— сказал мальчик.

Девочка стала укладывать кукол спать, а мальчик превратился в розовое облако и выскользнул в открытое окно. Он поднялся выше красных и голубых крыш, паря в восходящих потоках воздуха, и люди стояли внизу, удивленно задрав головы, и говорили, что розовых облаков не бывает, а если и бывает, то только на заре, и потому то, что они сейчас видят, вовсе не облако, а обман зрения.

А мать рассердилась: Она сказала, что ее сын пошел в отца и, значит, ничего путного из него не получится.

— Спускайся сейчас же,— кричала мать сыну,— иначе я перестану тебя любить!

И розовое облако послушно опустилось во двор, и повисло над землей, и опять стало мальчиком, которому сегодня исполнилось семь лет. Мальчик как будто выпал из розового клочка тумана, видно, не рассчитав чего-то, и испачкал в пыли новую рубашку. Мать сердито вздохнула, а отец виновато промолчал, и мальчику стало грустно, потому что все так нескладно получилось.

...Первый раз ему исполнилось семь лет еще при татаро-монгольском иге. Предпоследний — в поезде, когда они с матерью ехали в эвакуацию и попали под бомбежку. По ночам мальчику снился усатый, пахнущий конем и пылью веселый татарин со смоляным факелом, поджигающий солому на крыше избушки; самолет, с ревом падающий вниз; тифозный барак еще из какой-то эпохи. И всегда по небу плыли розовые облака...

Когда розовое облако снова стало мальчиком, которому исполнилось семь лет, все гости уже разошлись. В доме стало скучно и пусто.

Наступил вечер. С неба упали первые обломки старых звезд. Отец, как всегда, взял мешок и пошел их подбирать, чтобы сделать из них новые звезды и к утру развесить по небу. А мать, проворчав ему вслед: «Я верчусь, как белка в колесе, а в доме гвоздя некому прибить!» — принялась мыть чистый пол.

Тогда мальчик стал морем. Он решил помочь матери, чтобы она не сердилась за испачканную рубашку. Он стал морем, которое плескалось где-то далеко-далеко, за много тысяч километров от их маленького поселка, в котором за водой приходилось ходить на колонку в соседний переулочек. Он подкатил свои волны к самому дому, и когда мать вышла на крыльцо с ведром, море плескалось у самых ее ног, и одна волна замочила ей тапочек, совсем нечаянно. Тогда мать пнула волну, и тапочек полетел и исчез в пучине, так что его и после, когда море исчезло, не смогли найти. И все-таки она зачерпнула воды, потому что устала за день и ей не хотелось идти на колонку в соседний переулочек.

Рисунки О. Шапкина

Большой белый теплоход загудел под окном. Мать откинула со лба влажную прядь, вышла на крыльцо с тряпкой в руках и сказала, что хозяина нет дома. Теплоход молча попятился, свалил килем плетень в огороде, который и сам упал бы не сегодня, так завтра, и скрылся за горизонтом.

— Быстро за стол и спать! — сказала мать, и море исчезло. Оно схлынуло, оставив лужи, пучки водорослей, ракушки. Обитатели поселка, надев болотные сапоги, бродили по раскисшим улицам, ловили в лужах рыбу, не успевшую уйти в глубину, и ругали непутевых соседей. Они обещали пожаловаться в милицию, в поселковый Совет, на производство, сетуя на то, что везде живут люди как люди, а у них в поселке что ни день, то чудеса, от которых один вред, и что отец с сыном совсем обнаглели. А между тем на ужин во всех домах была свежая рыба, которую в магазинах днем с огнем не сыскать, а некоторые даже потом торговали вяленой рыбой в городе у пивного бара, и была она нарасхват, потому что все любят закусывать пиво вяленой рыбой. И только в одном доме на ужин была жареная картошка, потому что отец ушел собирать осколки старых звезд, чтобы сделать из них новые звезды и развесить по небу, а мать мыла чистый пол, а сын был морем и не мог ловить рыбу в самом себе.

Отец пришел поздно усталый и голодный, у него болели обожженные звездами руки. Мать сонным голосом крикнула: «Картошка на столе, разогрей и ешь!» — и повернулась на другой бок. Мальчику приснилось, что ему исполнилось в первый раз в жизни восемь лет, и он улыбнулся во сне. Отец тихонько разделся и лег. Он долго ворочался, несколько раз вставал курить. Ему не давала покоя мысль: «Вселенная расширяется, надо срочно что-то делать...»

УДАЧА

«Нет, с этим хобби для идиотов пора кончать!» — думает привычно Кузеванов. Он всегда так думает. Куча всяких дел скапливается дома, он все откладывает на выходные, но в пятницу вечером приходят безлошадные друзья, они щедро насыпают в берестяную коробочку мотыля, наделяют мормышем, и все дела снова откладываются на неопределенный срок. Друзья не знают, что Кузеванов решил больше не ездить на рыбалку, а ему не хватает мужества отказать неплохим людям.

Рано-рано, когда еще не видно конца долгой

зимней ночи, он уже в гараже крутит отполированную до блеска ручку старого «Москвича». Машина заводится с трудом, глохнет, и нелегкую операцию приходится повторять вновь и вновь. Дело усугубляет многокилограммовая рыбацкая амуниция...

Потом он трясется по скользкой разбитой дороге сотню с лишним километров. Стекла затягивает изморозь, слабый свет фар отражается от блестящей дороги, уходит невидимым в морозный космос. Друзья тихо, чтобы не отвлекать водителя, сидят сзади, они подремывают, уткнувшись носами в свои рыбацкие ящики, и дорога не кажется им такой долгой.

Рассвет еще за горизонтом, когда они приезжают на озеро. Машина осторожно спускается на лед, Кузеванов на всякий случай будит попутчиков. Хотя зима уже в разгаре и лед на озере толстый, случиться может всякое, надо быть наготове. Еще семь-восемь километров по льду — и они на месте. Кузеванов укрывает капот машины старым стеганым одеялом, друзья расходятся в понравившиеся стороны, а сам он сверлит лунки неподалеку от машины.

Медленно светает. Небо над озером почти всегда закрыто тучами, серый рассвет незаметно переходит в серый вечер, и кажется, что день здесь не наступает вообще.

Тело еще наполнено домашним теплом. Кузеванов сбрасывает шубенки, азартно сверлит лунки, потом в каждую опускает кормушку с сухарями. Неторопливо закуривает. Садится на ящик, разматывает удочку... Все получается быстро и ловко. Даже не верится, что через какие-нибудь час-полтора эти же самые руки будут с трудом ловить в коробке маленького красного червячка, который и не думает убежать.

Руки вроде бы и не очень мерзнут в меховых рукавичках — они, скорее, как-то дичают на морозе, теряя способность делать самые простые движения.

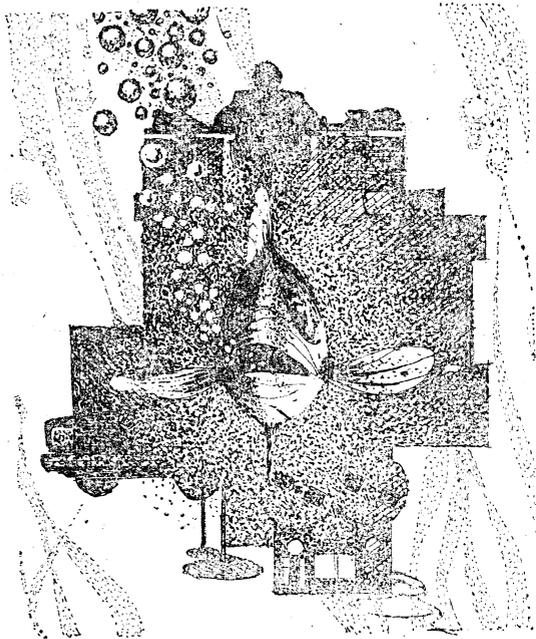
Размотав леску до дна, Кузеванов, сматывая на рукавичку, вытаскивает ее обратно, надевает на крючок мотыля и снова опускает снасть в лунку. Потом прицепляет пенопластовый поплавок, регулирует его так, чтобы он плавал чуть ниже поверхности. И начинается рыбалка. Кузеванов удобно сидит на ящике, ему тепло, душа полна самых радужных предчувствий, мерещится даже легкое подрагивание поплавок, который и в самом деле подрагивает, но только не от того, что какая-то глупая рыбка позарилась на невзрачного червячка, а из-за ветра, дергающего леску. Кузеванову хорошо, но он ясно понимает, что так будет продолжаться недолго, что часа через два этого бесполезного сидения захочется навалиться затекшей спиной на несущее-

ствующую спинку несуществующего стула или хотя бы лечь возле лунки прямо на лед. Он знает, что скоро начнут мерзнуть в валенках ноги, леска начнет обмерзать, а чтобы убрать лед, есть лишь один надежный способ — подержать леску во рту... Он знает, что к концу дня замерзнет так сильно, что даже в носу появятся маленькие льдинки и долгожданная операция сматывания удочек станет мучительной.

Кузеванов не очень удачлив в рыбалке, как, впрочем, и во всем остальном. Однако он упорно не хочет этому верить и проводит на рыбалке больше половины выходных — что зимой, что летом. Он верит, что терпенье и труд все перетрут. Если и вы так считаете, попробуйте выиграть в лотерею «Жигули»...

Уже давно рассвело. Кузеванов с отвращением съедает кусок насквозь промерзшей колбасы, отчего становится еще холодней. А поплавок так и торчит в лунке неподвижно. Кузеванов трусцой бежит к машине. В радиаторе налита вода, требуется время от времени прогревать двигатель. Заодно удастся немного согреться и самому... Погазовав несколько минут, Кузеванов возвращается к лунке. Он расковыривает успешный появиться тонкий лед, обсаживает поплавок, леску и вновь усаживается, скорчившись, на ящике. И привычно думает: «Нет, с этим хобби для идиотов пора кончать!»

А поплавок неожиданно всплывает. Каждый рыбак знает: как ни ждешь клева, начинается он всегда внезапно. Особенно когда ждешь долго.

Куда сразу деваются скука и разочарование! Руки трясутся, но только уже не от холода, путается леска, выпадывает из-за пазухи коробка с насадкой, вываливая содержимое...

Кузеванов судорожно подсекает, стряхнув шубенки с рук, начинает выбирать леску. Та идет почти свободно, и это означает только одно — рыбина маленькая, скорее всего какой-нибудь случайный окунишка или ершик...

— Рыбка престижа, — вслух говорит Кузеванов улыбаясь. — Будет чем отчитаться дома!

Он вытаскивает добычу на лед и смотрит на нее изумленно. Такую ему еще не доводилось ловить... Рыбешка отчаянно крутится на льду, она вся растопорщилась колючками и беззвучно хлопает огромным ртом.

— Ротан, — разочарованно догадывается Кузеванов. — Вот и у нас эта тварь появилась. Ладно, хоть мужикам покажу.

Он снова опускает снасть и вдруг слышит голос, который, кажется, звучит прямо в голове:

— Отпустите меня, пожалуйста, я задыхаюсь! — в голове, пустой от мороза, голос раздается гулко и отчетливо. — Отпустите меня!

Кузеванов испуганно оглядывается. Вокруг никого нет, только маленькая рыбка все слабее и слабее бьется на льду, замерзая. Незнакомое до сих пор чувство жалости к рыбе поднимает Кузеванова. Носком валенка он торопливо спихивает рыбу в лунку. Слабо шевеля плавниками, она исчезает в глубине. Кузеванов ошарашен.

— От холода померещилось, — наконец догадывается он и вдруг чувствует, что совсем не ощущает холода, и видит, что поплавок снова плывет на поверхности. Он инстинктивно дергает — и вскоре на льду уже ворочается крупный подлещик. И никакого голоса не слышать...

Через час Кузеванову уже жарко. Он не успевает выбрасывать на лед крупную рыбу. Клев прекращается только в сумерках, когда уже невозможно разглядеть поплавок. Не веря удаче, Кузеванов укладывает рыбу. Ящик полон, а на льду остается еще порядочная куча.

В потемках подходят промерзшие до костей сотоварищи.

— Ну что, Кузеванов, наворочал? — смеясь, спрашивают рыбаки и изумленно застывают.

— Вот это да! — приходит, наконец, в себя один.

— Повезло дураку! — говорит другой, не сдержав досады.

Такой пакости от Кузеванова они явно не ожидали. Но на радостях он не способен обижаться. Он и раньше-то терпел насмешки, ни разу не напомним, кто на чьей машине ездит на рыбалку, а теперь и подавно.

Уже в полной темноте они идут к машине. Бывалые рыбаки единодушны: при таком на-

правлении ветра, таком давлении, такой облачности ни в каком другом месте рыба ловиться и не могла. Они несут в ящиках по десятку превратившихся в ледышку ершиков и вздыхают...

Кузеванов останавливается, как вкопанный. Машины на месте нет. Вернее, машина-то есть, да не его. Новенький «Жигуль» самой лучшей модели стоит в аккурат там, где был его родной кузевановский «Москвичишка».

— А где машина? — говорит он упавшим голосом.

— Ты, Кузеванов, совсем офонарел от радости, что ли? Разуй глаза-то! — отвечают друзья с подозрением в голосе.

Кузеванов как в тумане. Он пробует открыть дверцу машины — дверца открывается. Вставляет ключ в замок зажигания — ключ подходит. И тогда его осеняет. Включив плафон, он достает из внутреннего кармана техпаспорт. Так и есть: там написано, что автомобиль «Жигули» — номер двигателя, номер шасси, номер кузова — принадлежит гражданину Кузеванову Валентину Георгиевичу...

Кузеванов заводит двигатель, плавно трогается с места. Друзья на заднем сиденьи продолжают обсуждать рыбалку, открывают поллитровку, булькают. Им никогда не приходит в голову оставить полстакана водителю, чтобы он потом в гараже немного разогрел кровь...

— Валентин Георгиевич, вам оставить? Дернете потом с устатку, — непривычно вежливо спрашивают они.

— Да нет, пейте, мужики, у меня дома найдется! — отвечает застенчиво Кузеванов.

Похоже, друзья совершенно не замечают подмены машины, скоро они уже весело похрапывают, разомлев в современном автокомфорте.

«Здорово все продумано, — удовлетворенно размышляет Кузеванов. — Кроме меня, никто ничего не замечает! И что же это за рыбка такая была? Может, волшебная? Да нет, ерунда, никакого волшебства не бывает. Может, она того, инопланетная? Или у них там в озере тоже своя высокоразвитая цивилизация имеется?»

Ни на один из вопросов ответа не находится. И Кузеванов думает, что черт с ней, с рыбкой, время покажет, рыбалка, слава богу, не последняя, да и машинешка теперь — хоть на край света на ней...

Подрулив к гаражу, Кузеванов уже несколько не удивляется, что у того новые ворота, а стены внутри оштукатурены и красиво покрашены. Все это он собирался сделать уже много лет и никак не собрался... Он хочет слить воду из двигателя, но вовремя вспоминает, что у «Жигулей» в системе охлаждения должен быть ан-

тифриз. На всякий случай снимает пробку с радиатора, нюхает. Так и есть.

Кузеванов открывает квартиру своим ключом, и ноги невольно поворачивают обратно. Усилием воли он заставляет себя войти. И не узнает квартиру. Незнакомые дорогие шубы висят на вешалке. Под нею — не виданная доселе не наша обувь. В кухне — кухонный гарнитур, в спальне — спальня. Тоже не наши. Телевизор цветной...

С тех пор и пошло. Кузеванов приходит на работу — и видит приказ о повышении. Его выбирают в президиумы, посылают на симпозиумы, коллоквиумы, форумы.

Кузевановские дети поступают в музыкальные, математические, английские школы. Кто куда.

Жена, наконец, научается варить суп...

Кузеванов терпеть не может неудачников и любит говорить, что человек сам кузнец своего счастья. Он не кривит душой, он твердо верит в это.

Дома, когда кто-нибудь провинится в чем-нибудь, Кузеванов громко кричит:

— Я недоедал, недосыпал, я своим горбом, своими мозолистыми руками ковал для вас благосостояние!

Недавно Кузеванова назначили директором большого металлургического комбината, который стоит на берегу того самого озера, куда Кузеванов когда-то ездил на рыбалку.

Комбинату выделили три миллиона на строительство очистных сооружений, но директор не торопится. Он говорит про государственный план, про стратегические интересы экономики, про демографический взрыв и вытекающую из него нехватку рабочих рук. И все это правда.

А где-то в глубине души Кузеванов думает, что еще от силы год, два — и эта проклятая рыбка наверняка подохнет. И вот тогда он станет беречь природу — потому что любит ее, как и все нормальные люди...

СОЗИДАТЕЛЬ КУДРЯВЦЕВ

Перетекая сквозь «черную дыру», когда впереди рождается, а позади гаснет целая вселенная, Кудрявцев в который раз пережил восторг от этого ни с чем не сравнимого зрелища.

Кудрявцев бы ни за что никому не сознался, что он, опытейший Созидатель, может, как школьник, восторгаться этой, говоря его же словами, «лубочной картинкой мироздания».

И тем не менее каждый раз, погружаясь в

непроглядную, стремительную накатывающуюся тьму, он с волнением и трепетом ждал, когда эта тьма вокруг взорвется мириадами веселых звезд новой вселенной. Ждал этого момента так, словно могло быть по-другому, и когда звезды открывались перед ним, чувствовал могучий прилив радости и необъяснимой гордости, будто эту молодую улыбающуюся вселенную он только что родил лично.

Черный пузырь тьмы лопнул, и на многие световые годы вокруг вспыхнул битком набитый звездами родной и уютный космос. Кудрявцев, сжавшийся перед прохождением «черной дыры» до размеров нейтрино, вольготно растекаясь по пространству, обдуваемый легким световым ветерком миллиардов солнц. Спустя один оборот вселенной вокруг ее оси, Кудрявцев почувствовал себя вполне отдохнувшим и готовым к работе, ради которой забрался так далеко.

Уже несколько тысячелетий люди мечтали встретить себе подобных в других мирах. Сотни раз им казалось, что эта так долго не сбывающаяся мечта вот-вот сбудется. И каждый раз наступало разочарование. Сперва, овладев расточительной химической энергией, люди пытались найти братьев по разуму или хотя бы их следы на ближайших планетах. Как выяснилось, то была наивная детская надежда. Атомная энергия дала возможность ценой жизни нескольких поколений добраться до ближайших звезд. Там тоже не оказалось никого. Энергия антивещества и искривление пространства заста-

вили убедиться в том, что земная цивилизация — явление скорее невозможное, чем заурядное.

— А вообще-то для чего вам братья по разуму? — задай кто-нибудь посторонний людям такой вопрос, те вряд ли бы на него ответили.

Собственно, один партнер у людей уже был.

Искусственный разум был создан легко, но он оказался закомплексованным своей искусственностью, отказывался от самостоятельности и был, вообще говоря, грустным. «Люди из пробырки» старались любым путем раствориться среди обычных людей. И это им легко удавалось, поскольку ни один закон не мог запретить им так поступать. Благодаря этому, а также другим достижениям науки, человечество продолжало оставаться в своей массе однородным и потому, пожалуй, малоинтересным для самого себя.

Кровосмешением с искусственным интеллектом дело не ограничилось. Обновленное человечество, заполучив в свой актив быстродействие и неуязвимость машины, в буквальном смысле потеряло человеческий облик. Со временем забылось даже то, как выглядел человек разумный когда-то. Дальнейшая разработка теорий пространства, гравитации и других бесчисленных идей привела к тому, что человек смог сколь угодно долгое время существовать в виде волны, элементарной частицы. В общем, в виде чего угодно материального — но, увы, не в изначальном своем облике.

В те времена и появилось повальное увлечение так называемой Первичной Формой — той схемой, что определяла человека на заре времен.

Кудрявцева, отыскивая Первичную Форму, создал когда-то старый чудака Эльчен.

— Кем же он мне приходится? — думал время от времени Кудрявцев. — Отцом или матерью? Что за странное допотопное имя он мне выкопал?

Ответы на эти вопросы все было недосуг разыскать в Древнейшей Истории...

Кудрявцев настроил органы чувств на голос вселенной. Радиоактивный фон был обычным, но, воспринимая его и привычно разделяя на потоки и отдельные частицы, Созидатель явственно различал эхо многочисленных катаклизмов, происходящих в далеких мирах, отчетливо слышал термоядерные взрывы звезд, видел медленную смерть «красных гигантов», рождение сверхновых, ощущал колебания гравитационных волн двойных систем. Его разум был как бы растворен по всей необъятной вселенной, и поэтому информация, которую осмысливал Кудрявцев, не зависела от скорости света и давала истинную картину происходящего.

И в этот момент Кудрявцев явственно услы-

шал то, о чем тайно мечтал всю жизнь, о чем с давних пор мечтало человечество. Он уловил слабую волну разума, пришедшую с самой окраины мироздания. Волна была такой слабой, что только тренированный супермозг опытного Созидателя смог отделить ее от посторонней космической шелухи и заставил звучать более или менее отчетливо.

Кудрявцев моментально сконцентрировался в нескольких парсеках от источника волн разума. При этом освободилась уйма энергии, которую Созидатель, чтобы добро не пропадало и не засоряло пространство, использовал для оживления нескольких умирающих светил, успев предупредительно прикинуть, не повлияет ли это отрицательно на стабильность звездных систем.

Разум обнаружился на небольшой, чуть меньше Земли, планете, вращавшейся вокруг желтого карлика. «Почти как у нас», — тепло подумал Кудрявцев. Он давным-давно не бывал на Земле, повидаль в пространстве немало планетных систем, похожих на Солнечную, но еще ни одна из них не казалась Созидателю такой родной.

— Наши знания всегда будут представлять собой только частный случай истины, когда много, ну, по крайней мере, несколько величин равны нулю, — вспомнились Кудрявцеву слова одного из учителей. И действительно, за свою долгую жизнь Созидатель встречал множество самых причудливых форм существования материй. Часто эта материя была живой. Но разумной она оказалась в первый раз! И притом — похожей на земную. Существовавшие теории не давали Земле права на какой бы то ни было абсолют, но, вероятно, это было все же так — несмотря на всеобщую относительность.

Энергия, которой обладал Созидатель, могла многократно испарить планету, и ее пришлось рассеять в пространстве, прежде чем войти в атмосферу. И тем не менее прибытие Кудрявцева сопровождалось небывалыми сполохами на полюсах, а вокруг его шарообразного тела дико ветвились мегавольтные молнии.

Малочисленное племя ютилось в небольшой пещере. Других источников волн разума не прослушивалось. И Кудрявцев понял, что, опоздай он на несколько часов, все его скитания по вселенным были бы напрасны.

Молодая планета пучилась бесчисленными вулканами, которые непрерывно извергались. Огромный, цвета входящего в атмосферу метеорита, раздвоенный язык лавы медленно сползал со склона, охватывая пещеру с трех сторон. С четвертой стороны плескалось море, и было видно, что освоить эту стихию дикари пока не удосужились.

Заплесневелый постулат о невмешательстве был моментально забыт.

Кудрявцев заткнул горло вулкана, срезав несколько окрестных поросших лесом вершин, подлатал слабые участки по склонам, чтобы лава не прорвалась в каком другом месте, укрепил силовым полем растрескавшийся свод пещеры, а другое, более мощное поле поставил заслоном перед потоком неостывшей лавы.

Почва сотрясалась все сильнее, огромные глыбы, срываясь, катились с грохотом, сокрушая на пути вековые деревья. Люди, сбившись в кучу в углу пещеры, покорно ждали смерти.

Наконец, лава затвердела, стало возможным снять поле.

Вид убитого стихией зверя, упавшего прямо возле пещеры, заставил голодных людей покинуть свое укрытие, и свод тотчас рухнул, едва Кудрявцев перестал поддерживать его.

Однако колебания почвы не стихли, а продолжали усиливаться. Энергии у Кудрявцева оставалось в обрез для того, чтобы можно было покинуть планету и отойти на достаточное расстояние для восполнения запасов. И тут страшной силы взрыв потряс окрестности. Раскаленный базальт нашел себе выход далеко в море. Вал воды, закрывающий само солнце, стремительно приближался к истерзанной земле. Люди стояли к нему лицом.

«Я тоже не бог», — отрешенно подумал Кудрявцев и весь превратился в силовое поле. Егохватило лишь на то, чтобы окружить людей тесным прозрачным колпаком. Толща зеленой воды прошла у них над головами, смывая леса, почву, холмы.

Таких волн было несколько.

В какой-то момент люди почувствовали, что стало легче дышать, что больше ничто не заставляет их стоять, тесно прижавшись друг к другу. Море отступило, забрав с собой все, что было можно забрать, и успокоилось. Ярко светило солнце, легкий соленый ветерок нес по небу белые облака.

...Неподалеку от дикарей на берегу, среди водорослей и гальки, лежал непохожий на них человек. Редкие волосы на его голове слиплись в сосульки, кожа была белой, мышцы слабыми. Человек был еще жив, он пытался подняться и никак не мог.

Вождь племени, никогда не расстававшийся с тяжелым копьем, пугливо отделился от толпы. Оглядываясь, готовый в любое мгновение броситься наутек, он мелкими шагами приблизился к чужеземцу, чутко прислушался к его прерывистому дыханию. И сноровисто воткнул копьё в тощую, покрытую веснушками грудь.

И ликующий победный крик разнесся над окрестностями...

МЫ из Игарки

ПО СЛЕДАМ АВТОРОВ И ГЕРОЕВ КНИГИ

Оксана БУЛГАКОВА

Книгу эту я помню с детства. Знала ее чуть ли не наизусть. Любила и по-своему представляла смоляной полярный город, где жили мои друзья — две с половиной тысячи игарчат, что придумали такую интересную книжку. Запивая морковным чаем жесткую лепешку, которую бабушка сочиняла из картофельной кожуры, я заставляла себя не хныкать, ибо считала, что такой, ноющей, меня никогда не примут в свое братство мои северные друзья. А мне очень хотелось вместе с Веней Вдовиным полететь на самолете, который пилотировал бы сам Молоков, знаменитый полярный летчик, один из первых Героев страны, или с Колей Малютиным высадиться на топком берегу протоки в отряде первых строителей, или отправиться с Петей Поэтовым и Юрой Жилиным охотиться на куропаток.

И невдомек было мне тогда, что друзья мои уже подросли, повзрослели и ушли защищать Родину. Ведь книжка появилась в 1938 году, а был 1942-й, и не числился уже среди живых Юра Крылатов, и навстречу своей смерти шли солдатскими дорогами Коля Дардаев, Вася Астафьев и Шура Баженов. Для меня они оставались в том времени — радостном времени детства.

Через много лет, бродя по уральскому городу Троицку, обратила внимание на мемориальную доску памяти А. М. Климова. Мне пояснили: составитель и организатор книги «Мы из Игарки».

Оказалось, в этом городе он жил и похоронен. Я не единожды приезжала в Троицк и раньше. Ходила улицей Климова, знала, что Дом пионеров носит то же имя, но мне и в голову не приходило связать этого Климова с тем — из давнего детства.

Захотелось вспомнить книгу, своих забытых знакомых друзей, попытаться найти кого-нибудь из них. Но годы! Прошло столько лет, и каких лет!

ПО ЗАМЫСЛУ ГОРЬКОГО

Мир удивила эта книга в 1939 году на международной выставке в Нью-Йорке, где она экспонировалась среди лучших изданий нашей страны. И как не удивить: дети рассказывали о том, что для всего западного мира продолжало оставаться непонятным феноменом русских, об образе жизни первого в мире социалистического государства, о радости труда, о братстве народов.

Датой зарождения книги можно считать декабрь 1935 года, когда ребята Игарки написали А. М. Горькому в Крым письмо. Они рассказали о своем необыкновенном городе, что в шести тысячах километров от Москвы на вечной мерзлоте построили их родители, и попросили у великого писателя совета: как лучше об этом поведать в книге.

«Мы — ученики пяти школ — вместе со всем городом живем весело, бодро, хорошо.

Наши дни заполнены учебой, кружковой работой, катанием на коньках и лыжах.

В нашем городе выходит раз в пять дней детская газета «Пионер Заполярья». Недавно в ней были напечатаны наши письма: «Кем мы хотим быть?»

Двести пионеров и школьников на этот вопрос ответили:

— Докторами, танкистами, машинистами, токарями, трактористами, водителями комбайнов, летчиками, артистами, изобретателями, педагогами, писателями, поэтами, математиками.

И к этому мы стремимся — овладеваем основами наук, готовимся быть полноценными гражданами нашей прекрасной Родины».

И большой, очень занятой человек немедленно ответил ребятам. 13 января он послал им набросок плана книги и большое письмо:

«Сердечный привет вам, будущие доктора, инженеры, танкисты, поэты, летчики, педагоги, артисты, изобретатели, геологи!

Хорошее письмо прислали вы. Богато светятся в простых и ясных словах его ваша бодрость и ясность сознания ваших путей к высочайшей цели жизни, путей к цели, которую поставили перед вами и перед всем трудовым народом мира ваши отцы и деды. Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живете, едва ли где-нибудь возможны дети такие, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли столь же гордыми смельчаками.

...Большие, изумительные радости ждут вас, ребята! Через несколько лет, когда, воспитанные суровой природой, вы, железные комсомольцы, пойдете на работу строительства и на дальнейшую учебу, перед вами развернутся разнообразнейшие красоты великой нашей страны.

Много прекрасного в стране Союза Советских Социалистических Республик, и она все растет. Все это — ваше хозяйство. И разумеется, для того чтобы умело владеть им, чтобы развивать его все шире, — необходимо, ребята, учиться много, серьезно, честно. Всякая работа в нашей стране — работа всех для каждого и каждого для всех, а кроме этого — работа в пример всему трудовому народу Земли».

Но замысел мог бы и остаться замыслом, не будь у игарских пионеров еще двух больших и умных друзей. Теперь, почти через полвека, знакомясь в Красноярском партийном архиве с документами, я чем дальше, тем больше укреплялась в мысли, что книга «Мы из Игарки» — детище Валентины Петровны Остроумовой и Анатолия Матвеевича Климова. Думаю, что мысль о ее создании подсказала ребятам Валентина Петровна. Хорошо знавшая лично многих выдающихся людей своего времени, она, вполне естественно, могла быть знакома и с Горьким. В Игарке Остроумова совмещала в те годы два больших поста: начальника Игарского политотдела главного управления Севморпути и первого секретаря горкома партии. Эта маленькая, сгоравшая от туберкулеза женщина поражала современников неженской работоспособностью, смелостью в решении любых

вопросов. А в Игарке их было колоссальное множество — ведь такой город-порт на вечной мерзлоте родился впервые.

Человек удивительной судьбы, она в первые годы революции имела счастье работать непосредственно с В. И. Лениным, десять раз стенографировала его выступления, в том числе на историческом заседании II съезда Советов в октябре 1917 года, была секретарем комиссии по похоронам и увековечению памяти В. И. Ленина; на Гегуазской и Лондонской конференциях работала с Л. Б. Красиным, Т. В. Чичериным, В. В. Воронским; большая дружба связывала Валентину Петровну с семьей М. И. Калининна.

Письмо А. М. Горького игарчатам было зачитано на бюро горкома партии, а затем, по предложению Остроумовой, начало путь во все семьи Игарки. Напечатали его листовкой, обсуждали на предприятиях, в учреждениях, школах. Совместным постановлением горкома ВКП(б) и политотдела Главсевморпути на подготовку книги выделили 3 тысячи рублей.

Валентину Петровну знали все пионеры Игарки. Через пятьдесят лет расскажут о ее энергии, о мальчишеской стрижке, о том, что, научившись управлять самолетом, она самостоятельно летала на дальние фабрики и остров Диксон.

Ее жизнь давно просилась в книжку, и несколько лет назад такая книжка появилась. Автор ее, большой друг Советского Союза, ветеран Компартии Великобритании, президент мемориальной библиотеки имени К. Маркса в Англии, историк и публицист, А. Ротштейн знал Остроумову в разные годы, следил за ее деятельностью. В книге «Вдохновенная революцией» он писал: «Для меня, как и для других молодых тогда коммунистов из капиталистических стран, где после первой мировой войны развилось коммунистическое движение, образ Остроумовой незабываем».

Составитель и организатор книги «Мы из Игарки», как значится на титуле, Анатолий Матвеевич Климов — тоже человек неординарный. Да иного и не приняли бы ребята, не доверили свои мысли, не распахнули души. Ко времени работы над книгой он успел уже многое, хотя и было ему 25 лет. Дома, на Урале, журналистом троичской окружной газеты, он не раз всерьез сталкивался с кулачеством, участвовал в организации колхозов, писал о рождении Магнитостроя. На Севере, куда по призыву ЦК ВЛКСМ Климов приехал в 1930 году, в числе первых 100 комсомольцев, он работал в путинных, рыбацких газетах — первых в истории Заполярья. Писал повесть, очерки, рассказы о покорении Арктики, в том числе и о строителях Игарки. Естественно, что Остроумова заметила его и предложила стать детским поводырем. Он и остался им до конца жизни, организовывал еще две книги, написанные с его помощью детьми Урала и Партизанского края — «Урал — земля золотая» и «Слушай нас, Родина». На Урале, в Челябинске, Климова помнят и как автора текста Наказа, которым рабочий край провозглашал на фронт своих добровольцев-танкистов.

Вот какие друзья вдохновляли игарчат, когда взяли они за свою книгу. Но умер Горький, и работа притормозилась. И вот тогда из Швейцарии своим «милым белым медвежатам» написал Ромен Роллан: «Работайте хорошенько и никогда не падайте духом перед трудностями. Трудности созданы для того, чтобы их преодолеть и чтобы, преодолевая их, стать более сильными». Пришли письма от пионеров Москвы, Наро-Фоминска, Оренбургской области, Одессы, Свердловска — со всех концов страны.

И книга состоялась. Посвятили ее ребята памяти А. М. Горького и начали словами прощания, написанными 15-летним Стеной Переваловым: «О, смелый Сокол, ты над Землею, дыша борьбою, парил высоко. Из битв жестоких ты вынес сердце, любовью полно... Мы будем

помнить и славить вечно твои заветы и будем сильны, как ты, любимый...»

Редактором книги был Самуил Яковлевич Маршак.

Такие удачи случаются не каждый день.

С Верой Ивановной Горбунцовою, директором Троицкого филиала госархива Челябинской области, три дня подряд перебираем папки с документами. Они принадлежали Анатолию Матвеевичу Климову, переданы в архив его сыном Анатолием Анатольевичем.

Блокноты с записями писателя, его рисунки, рукописи рассказов и очерков, рыбацкие газеты. И, наконец, письма! От Климова — академику Ферсману, писателю Герберту Уэллсу, английским детям, черновики писем Ромену Роллану, Мартину Андерсену Нексе. А вот и их ответы — подлинны! — на немецком из Дании от М. А. Нексе, на французском из Швейцарии от Романа Роллана, его письмо игарским школьникам. И вдруг — папка за папкой — листочки и целые тетрадки в косые и прямые линии, странички из школьных дневников, исписанные чернилами, карандашами, разрисованные акварельными красками. К некоторым приложены планы сочинений, написанные рукой Климова. Да это же рассказы игарчат в книгу! Оригиналы!

Цели? Цели! Ну а авторы-игарчата? Неужели их не найти? Куда разбросала их по белу свету жизнь?

И начался поиск.

ПЕРЕПРАВЫ ФЕДОРА ДЗЮБЫ

На войну мальчишки шагнули прямо с книжных страниц. И не удивительно, что книга ушла на фронт с ними вместе — в солдатских рюкзаках. Младший лейтенант Дзюба тоже уложил книжку в свой вещмешок рядом с номерами «Пионера Заполярья», «Пионерской правды» и аттестатом зрелости. Вылечь до жестокого февраля 1944 года таскал свой «архив» Федя Дзюба от переправы к переправе, что для него значило из боя в бой.

Когда показывал однополчанам книжку, обязательно слышал в ответ:

— Ты, оказывается, давно выбрал профессию понтона. Ишь, какая у тебя тренировка была.

Рассказ Ф. Дзюбы в книге «Мы из Игарки» был и вправду посвящен переправе через тундровое озеро: ребята, потеряв шест-весло, соорудили из своих пальто парус и добрались до берега.

Всего через три года в составе полка понтонеров прибыл Федя Дзюба на первую фронтную переправу. И с тех пор помнится ему война сплошными кипящими от солдатских тел, паромов, понтонов, взрывов и воронок огненными реками. Сколько их было на его пути: в России, Белоруссии, Польше, Германии, Чехословакии. Казалось, что все переправы его.

На выставке московских художников-ветеранов войны каждый обязательно обращал внимание на полотно, на которых переправы, переправы... Боевой путь Федора Федоровича Дзюбы: «Под Воронежом», «Прорыв обороны немцев на Среднем Дону», «На Днепре под Киевом», «Конец. Под Корсунь-Шевченским», «На Висле под Сандомир»...

Еще до личного знакомства с Дзюбой я читала в его письме об операции на Днепре, где он командовал 30-тонным паромом: «Переправа... Песчаные косы и отмели, сильное и коварное течение... На пладарме — бой. В воздухе ревет и грохочет. Один за другим пикируют «лапотники» — Ю-87. Один из них, клянувшись на левое крыло, покато падает на паром... Ну, братцы, держись! Это наша! Пламя и грохот взрыва. Паром приподняло,

в лицо плеснуло тугим воздухом и окатило водой. Паром накренился, танк начал с настила сползать в воду... Из расчета никого не вижу — всех сбilo ударной волной. К счастью, двигатель заработал, и паром, минуя фонтаны взрывов, направился к пристани. Опять посыпался над нами град бомб, но мы были уже у берега. Т-34 «прыгнул» на пристань и скрылся под обрывом... На третьи сутки нас, понтонеров двух паромов, валившихся с ног от усталости и изнеможения, сменили. За эти бессонные дни и ночи наши расчеты переправили около сотни танков Т-34 и самоходных установок».

Должны были пройти десятилетия, чтобы зарубки на памяти молодого офицера ожили в картинах опытного живописца. В тридцать седьмом году игарские мальчишки, юные художники Федя Дзюба, Толя Мосин и Миша Шелонников везли в Москву на Всесоюзную выставку детского творчества свои работы. Правда, до Москвы они тогда так и не добрались, зато почетными посетителями их выставки в Красноярске были полярные летчики-герои, покорители Северного полюса.

А выставки в Москве у Ф. Дзюбы и А. Мосина все-таки состоялись. Да только непросто и долги были к ним дороги.

А. Г. Мосин, заслуженный художник РСФСР, один из иллюстраторов «Тихого Дона» и «Поднятой целины», участвовал на своем веку во многих всесоюзных и международных выставках. В Бородинском военно-историческом музее-заповеднике постоянно экспонируется картина Ф. Дзюбы «Минута молчания»: на исходе войны, в маленьком горящем городке Бунцлау в передышке между боями остановились, солдаты перед гранитным обелиском и обнажили головы — чужими буквами была выписана на нем такая близкая душе каждого русского солдата фамилия — Кутузов.

Лишь в 1971 году перенес Федор Дзюба на полотно символическую встречу: герой отечественной войны 1812 года и герой Великой отечественной...

Сейчас Федор Федорович — начальник участка Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького, художник-живописец первой категории. Однажды — вот ирония судьбы! — ему, фронтовику, кавалеру боевых орденов, пришлось писать во весь рост пять портретов... Гитлера: требовались для картины «Семнадцать мгновений весны».

В его квартире на проспекте Мира среди натюрмортов и пейзажей лишь две фотографии напоминают о тревожной юности — капитана-орденоносца и девушки-санинструктора, что встретились и полюбили друг друга сорок лет назад на одной из фронтовых переправ.

УЧИТЕЛЬ

Из предисловия А. М. Климова: «...пионеры организовали митинг. Выступил пионер Толя Шевляков.

— Ребята, — сказал Толя. — Горький одобрил нашу книгу. Давайте же начинать работу!

Все захлопали в ладоши. Тогда вышел пионер Яша Почекутов и сказал: «Я берусь написать рассказ о летних каникулах».

С тех пор книга о жизни ребят за Полярным кругом, об Игарке, — «горьковская книга» — стала жить».

Летние каникулы, о которых вызвался написать Яша Почекутов, мало походили на те, к которым привыкли их сегодняшние сверстники. Они не были месяцами безмятежного отдыха, так как совпадали с Карской экспедицией. Лишь два месяца в году пробивались в Игарку через полярные льды морские иностранные суда. И эти два месяца все население — от мала до велика — помогало в порту на погрузке. Девочки складывали штабеля на бирже, как называли тогда склад готовой

продукции, мальчики работали сортировщиками, рубщиками на лесозаводах, а те, кто поменьше, — коногонами на «медведках». Так именовали немудреные двухколесные сооружения, на которых лошадки тянули в порт пакеты досок.

Работали ребята по 12 часов, столько же отдыхали и вновь — на погрузку. В общении с моряками иностранных судов они получали и наглядные уроки политграмоты, заглядывая за кулисы другого мира. Один такой случай на погрузке английского парохода взялся описать 14-летний Яша Почекутов.

«Однажды мы видели на палубе такую сцену. Английский офицер, рассердившись за что-то на кочегара, ударил его по лицу. Негр сначала промолчал, но, видимо, горячая южная кровь заиграла в нем. Резким и сильным толчком он сшиб офицера с ног... Мы видели, что дело плохо, — негр, чего доброго, утопит офицера, а потом и сам пропадет. Побежали мы к ним, разняли».

Пройдет совсем немного лет, и жизнь вновь столкнет Якова с чужим и жестоким миром. Старший сержант Почекутов напишет об этом:

Атаки бешеный порыв
Я испытал не раз,
Не раз взорвавшийся фугас
Бросал на землю нас.
Бывало так, что и броня
Трещала, как орех...

В ночь на новый 1943 год на операционном столе медсанбата под Калинином стал он инвалидом второй группы. Ему было чуть больше двадцати и ждала его костьли на многие годы: ноги ранены, отморожены и контужены. Вот так, с костьями, и появился Почекутов в городе Енисейске, где принял руководство школой. Так начался для Якова Васильевича учительский путь длиной почти в сорок лет.

Каким он был, можно судить по документу, что вручили директору 75-й школы «по поручению подколлектива Октябрьского района города Красноярска». Это самая удивительная Почетная грамота, какую мне доводилось когда-либо видеть. Награждался «коммунист, воин, борец, педагог, Человек и руководитель за долгие годы творческий, освещенный научной теорией и передовым опытом педагогический и общественно-политический трудовой подвиг».

Яков Васильевич Почекутов всю жизнь писал стихи. И нигде их не публиковал, хотя, на мой взгляд, напрасно. Когда-то Лидии Васильевне Мышковской принес он свое первое стихотворение, а спустя жизнь свои произведения принесли Якову Васильевичу Почекутову будущие профессионалы-писатели Антонина Корытковская и Николай Еремин. «Большое Вам спасибо за то, что Вы заставили меня написать мое первое стихотворение» — вывел на первой своей книге поэт Еремин:

Я. Почекутову

Он гусиное перо
Превратил в перо жар-птицы.
Он сказал,
Что в нас гнездится
Бескорыстное тепло.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Вообще-то в Сибири игарчан обосновалось немало, а найти их — тех, из 30-х годов — оказалось сложно: годы не щадят и историческую память. Лишь благодаря очень заинтересованной помощи сотрудников Красноярского краевого музея удалось разыскать первого. Им оказался Николай Сергеевич Малютин... в городе Ордоникидзе. Тот самый Коля, который высадился в июне

1929 года с первого парохода первых строителей на топкий берег Игарской протоки и написал об этом в книге свой рассказ. Отец его — грузчик, рамщик, разнорабочий — уже через шесть лет стал директором Игарского лесокombината, а потом — председателем исполкома. Николай Сергеевич откликнулся немедленно. Воин, кавалер орденов Отечественной войны двух степеней, директор школы, секретарь парткома и директор завода — путь его по жизни приучил к ответственности. А товарищество, дружеские связи через десятилетия — в крови у всех игарчан. Малютин адресовал меня в Красноярск к брату Сергею Сергеевичу, который ныне — директор музея трудовой и боевой славы телевизионного завода. А на заводе вот уже 27 лет инженером Петр Ильич Поэтов. А Поэтов — тот самый Петя-охотник, которому в книге повезло больше всех: его фотография с охотничьими трофеями на целую страницу вынесена.

И вот сидим мы троим: Поэтов, Малютин и я — в гостях у Петра Ильича, и витают над нами в клубах сигаретного дыма игарские воспоминания.

— А ведь знаете, в Игарке у нас редко кто курил. На фронте научились. Город-то весь деревянный был, улицы деревом мощены, тротуары тоже из досок, а земля на опилках замешана. Так мы, ребята, берегли город от пожара. В школе специальный отряд был: в форме, каске и с топориком за поясом. Дежурили по вечерам, пока взрослые учились — ликбезы кончали. Они — домой, а мы дежурство сторожу сдадим и лишь тогда свободны.

Петр Ильич достает два альбома, старых, видавших виды, и фотографии в них такие же, но узнать можно. Я и узнаю, и удивляюсь: молодые Каманин, Молоков, Бабушкин... Как сочинительствовать, так и снимать игарчата умели. А в друзьях у них все знатные полярники ходили во главе с Отто Юльевичем Шмидтом — «Бородой», как звали его мальчишки и за глаза, и в глаза.

— К нам тогда, в сентябре тридцать пятого года, Шмидт приехал — он начальником Севморпути был. Встречали его цветами и овощами. Представляете: вышли с блюдом, а на нем — огурцы, помидоры, редиска, что у нас в совхозе «Тепличном» выросли. Так верить не хотел: это надо же — сто километров за Полярным кругом!

— Ты про театр, про театр расскажи, — подзадоривает Малютин. — Как же: Петр Ильич у нас знаменитость — с самой Пашенной играл!

— С Верой Николаевной?

— Точно. С народной артисткой СССР.

Поэтов смущенно листает альбом: Лидия Неволлина, Елизавета Юровская, а вот и Пашенная в форме Севморпути — кителе и фуражке с крабом. Снимки любительские, поэтовские.

— Я ведь на фронт с собой фотографий брал, целый альбом. А потом случилось туго — альбом в огонь, фото в карман. Так всю войну хранил: Румынию, Венгрию, Чехословакию прошел. Знаете стихи: «Напиток самый дорогой — из лужицы вода» — это про нас. Я Победу сержантом встретил. А если о Вере Николаевне, так тут целая история: она основала театр в Игарке.

Узнаю вновь почерк Валентины Петровны Остроумовой. В течение тех двух лет, что она работала в Игарке, московские театры по приглашению политотдела бывали трижды. Лето 1936 года началось с приезда государственного академического Большого театра. Игнали отрывки из Чайковского, Леонкавалло, Россини, Монти. Событие это было колоссальным как для полярников, так и для актеров. Четыре вынужденные посадки совершил одномоторный самолет МБР-2 прежде чем доставил половину труппы из Красноярск в Игарку (вторая долетела удачей). Но по тем временам добрались они прекрасно. Когда впервые летчик Ф. Б. Фарих вел машину в 1931 году в Игарку, полет длился 45 суток — инфор-

мацию о нем я нашла в подшивке газеты «Северная стройка» за 1933 год.

25 июля на площади перед зданием горсовета вся Игарка собралась на прощальный концерт. Потом был митинг, зачитали решение горсовета о переименовании одной из главных улиц — Экспортной — в улицу Большого театра. На следующий день полярники встречали В. Н. Пашенную и двадцать ее коллег по государственному академическому Малому театру. В память о тех днях — мемориальная доска с барельефом В. Н. Пашенной на кинотеатре «Север», улица имени Малого театра. Театр имени В. Н. Пашенной работал в Игарке 14 лет.

СОЛДАТ ПАПАНИНА

В Лесосибирске воздух пахнет смолой лиственниц и знаменитых на весь мир ангарских сосен, водой Енисея или Ангары... С непривычки захватывает дух и хочется этот воздух пить. По Енисею к таежному городу спешат потокараваны: маленький теплоходик во главе прямотаки парадного километровой строя бревен. Пять лесокombинатов пилят, сушат, грузят... И вновь плывет по реке — теперь на баржах, в Игарку — строевой, матчовый, шпальный лес. Каждая седьмая доска в советском экспорте — лесосибирская. И царит в городе ароматотаяжный, смоляной дух здоровья.

Николай Иванович Вебер его не замечает, привык. Пятьдесят лет с гаком дышит он этим воздухом. Из всех игарских мальчишек, которых удалось повидать, пожалуй, он один остался верен главной профессии города своего детства. Работал в Игарке, потом была Камчатка, и вот уже полжизни здесь. Главный инженер — должность хлопотная, инфарктная... Последние годы он — уполномоченный Всесоюзного экспортно-импортного объединения «Экспортлес». А на комбинате — теперь он называется лесосибирским № 1 — мастером младшая дочь Вероника, тот же институт закончила, тот же факультет...

Николая Ивановича мне помогли разыскать красноярские телефонистки: обзвонили в крае все поселки с лесокombинатами и ведь нашли!

— Звоню вам из вашего детства. Помните книгу...

— Буду ждать вас завтра на пристани. «Метеор» бывает у нас в шестнадцать часов.

...И вот мы листаем книжку, перечитываем рассказ, что написал Коля Вебер, пятиклассник. «Автомобиль на лыжах» конструкции двух Колей — Вебера и Дардаева — разбился в щепки при спуске с горы на протоку. «С тех пор управляемые сани лежат у меня в снях. А мы с Колей мечтаем покататься не на самодельных санях, а на настоящих аэросанях или на вездеходе», — рассказывал Коля Вебер в книге «Мы из Игарки».

— Автомобиль в то время, может, один на всю Игарку и был... Аэросани мы видели не раз: у политотдела Севморпути и в кино. Зато чего только не делали сами! Сколько одних часов разобрали: нужны были дружинки для приводов к самодельным кораблям... Эта детская техническая фантазия до сих пор помогает мне, спустя полвека. А на аэросанях я все-таки покатался — на Диксоне, когда стал «солдатом Папанина».

Он показывает фотографию: молодой, в матросской форме.

— Мы в этой форме по очереди все семеро сфотографировались, мне тогда лет девятнадцать было. Это — в войну, на полярной станции: был я аэрогидрометеоролог. Три с половиной года на зимовке в самом центре Карского моря... Наблюдение вели за колебаниями льда, уровнем океана, измеряли направление и скорость ветра, температуру. И остров сами от фашистов охраняли: там подводных лодок много шныряло. У каждого было по винтовке, гранате и один пулемет — на всех. По нашим

данным на Большой земле составлялись прогнозы для кораблей и авиации Северного флота, шла ледовая разведка. За все время зимовки ни слова из дому не получили: закон радиомолчания. Нарушили его, лишь когда ледокол «Георгий Седов» за нами пришел, — уже был мир.

Старший научный сотрудник полярной станций вновь был принят на первый курс Сибирского технологического института, откуда отозвала его война. В институте его помнили... Нашлись даже старая зачетка и студенческий билет.

Полярник стал инженером-лесовиком.

ПРОБУЖДЕННЫЕ БУРЕВЕСТИКОМ

Письмо Алексею Максимовичу Горькому от имени пионеров они подписали оба — Миша Цехин и Валя Калачинский. Рассказы: длинный — Мишин и махонький — Валя — в книжке помещены рядом, между ними лишь «Мой зоосад» Валя Баженовой втиснулся. Ребята в обиде не были: девочки всегда пролезут, к тому же Валя с Валентином из одного класса.

А Миша чуть постарше, и в дальнейшем это «чуть» вылилось в весьма серьезное преимущество: когда Валя Калачинский сдавал экзамены за десятилетку, математику у него принимал Цехин Михаил Кирсантьевич, доморощенный учитель. Шел июнь 1941 года...

Встретились они много лет спустя в небольшом шахтерском городке. Калачинский прилетел туда с заданием «Комсомольской правды», собкором которой работал много лет; Цехин, кандидат наук, доцент, декан политехнического института, привез на практику студентов. Оба зашли в горняцкую столовую в один час и сели за один стол. Такие встречи в жизни бывают еще чаще, чем на страницах романов.

Ахнули, узнав друг друга. Придя в себя, стали выяснять:

- Давно из Игарки?
- В 41-м.
- И я тоже.
- Где живешь?
- В Кемерово.
- И я тоже.
- ?!

Все объяснилось просто: Цехин не читал «Комсомольскую правду», Калачинский не писал о горняцких ученых. А спроси он своих героев — знатных шахтеров, специалистов по горным машинам, маркшейдеров, — у кого учились горняцкому делу, встреча состоялась бы раньше.

...Шумливые, веселые, даже озорные не по годам, они стремительно потащили меня в свое детство, торпливо рассказывая каждый свое и оба одновременно.

Мне увиделся игарский клубный барак, битком набитый малышкой, на сцене — Отто Юльевич Шмидт, прилетевший с В. С. Молоковым прямо из легенды. «Борода у него большая, а глаза — добрые», — написал тогда Миша Цехин в своем рассказе «Герои бывают у нас в гостях». И далее: «После беседы я, как отличник учебы, по поручению пионерской организации вышел на сцену, встал рядом с товарищем Шмидтом и сказал:

— Избираем Отто Юльевича Шмидта почетным пионером Игарки.

Ребята захлопали в ладони и закричали «ура», а я стою с галстуком, тянусь к шее товарища Шмидта, но достать не могу. Я маленький, а он высокий.

Увидел это Отто Юльевич, засмеялся и нагнулся ко мне. Тут я и повязал ему галстук».

— Это только так в книге написано гладко «повязал галстук», — смеется Михаил Кирсантьевич. — А на самом деле от волнения я в зажим галстука заправил бороду

Отто Юльевича, а выпутать ее никак не мог. Зал захочет. Шмидт мне помогает. Еле справились.

А потом пионеры сфотографировались вместе с Отто Юльевичем, который самого маленького — Мишу Цехина — взял на руки. Снимок этот тогда облетел весь мир.

«Если вы сможете найти книгу «Мы из Игарки» первого издания, там увидите пионеров со Шмидтом. На этом снимке есть девочка в клетчатом джемпере, слева от Отто Юльевича. Эта девочка — я». Трогательное письмо написала Наталья Ивановна Сучкова, кавалер ордена Ленина, учитель математики с сорокалетним стажем. Преподавала она в школах Игарки и Красноярска. Слово голос маленькой девчушки вошел в наш разговор, бурда пришла и она в гостиничный номер из детства Миши Цехина и своего. А был он серьезен и крут, но со смешинкой и юмором, поэтому самые сложные, порой и трагические ситуации звучали не так жестко.

— Поднялись мы в атаку. Я вскочил, чтобы катушку связистам помочь нести. Над головой ахнуло — снаряд разорвался. Слышу: «Калачинского убило». «Врешь, думаю: если слышу, значит, не убило».

Да, не погиб Валентин Алексеевич в том ноябрьском бою 1943 года под Оршей. Даже из окопа после взрыва сам выбрался. Да только... Подбежали солдаты, оторопели: стоит человек, а левая рука у него лишь на полоске кожи держится. Притянули рану платком, привязали руку к туловищу, переправили раненого в блиндаж: лежи, жди нас. Сами — в бой. А он встал и пошел. Голова кружилась, через 10—15 метров упал. Запомнил: снаряды рядом рвались, а ни один не задел. Дорога в два километра оказалась длиной во всю ночь. К палатке медсанбата с зарей подошел, сел у входа. Еще слышал команду врача: «На стол!» — и отключился.

Очнулся на следующий день, чтобы заново осваивать жизнь. И освоил: стрелок, охотник, бильярдист. Веселый, шумливый, здоровый человек, душа и заводила любой компании.

Через 35 лет нашла Калачинского медаль «За отвагу». Заняла она место среди восьми остальных, рядом с наградой за мирный журналистский труд на целине.

— Выносливыми, смелыми нас Игарка сделала, — итожат мои собеседники пережитое. — Нетерпящими ловкость, честными, трудолюбивыми.

— Жизнь мы не прожигали. Давалась она непросто. Выжить тогда в Заполярье, не удрать с первым парходом можно было лишь трудом. И картошку на подоконниках выращивали, нарты с ягелем на себе тащили для коровы. У нас потребность в труде с малолетства вырабатывалась. — Это Цехин.

— Утром, еще до школы, на охоту за курошатами бегал — семье подспорье. — Это Калачинский. — Милосердными у нас люди были, добрыми. О других думали. Если у тебя есть, а у другого нет, помочь, поделиться надо. В беде никого не оставляли. А бед тех не считали.

— Вообще, настрой такой в школе воспитывали — на общие интересы. Себячество презирилось всеми. На всю жизнь в активистах остался: в школе руководил городским пионерским лагерем, в институте секретарем комсомольским был, а потом и до сего времени в партийных секретарях пребываю. — Это Цехин.

— И еще: умели видеть красоту, любоваться ею, ценить. Нас так учителя воспитывали. Вот почему все Игнатия Рождественского вспоминают? И худ он был, и слабват, и в очках с толстыми стеклами, а на охоту с нами ходил, по кочкам болотным ползал. Он у меня — классным руководителем был, а Миша у него в кружке литературном занимался. Он на охоту нас водил не для того, чтобы стрелять, а чтобы научить видеть, насытиться красотой. Мы с собой, кроме ружей, фотоаппараты брали.

— А как Пушкина, Лермонтова читал! Заворажи-

вающе. Он и сам стихи писал: о нас, об Игарке, о Заполярье. Вот и писатель Виктор Астафьев у него учился — в одном классе с моим братишкой Виталием Калачинским. Это он о Рождественском отличные слова потом написал: «Не всякому дано учиться у такого преподавателя, не всякому дано иметь такого старшего друга... Ведь очень легко и просто сказать детям будто Буревестник Горького — это революционер, а Пингвин — буржуй. Гораздо труднее разбудить в сердцах ребятешек любовь к этому Буревестнику, дать крылья и мечту к полету, бесстрашие к бурям».

У ИСТОКОВ «ВАСЮТКИНА ОЗЕРА»

Ветры с Енисея стучат в окна его квартиры: дом стоит на крутояре, второй от городского края. Отсюда рукой подать хоть до Караульного быка, хоть до Овсянки, и можно в любой момент ощутить близость родных людей, навестить дорогие могилы, увидеть милые сердцу избы, в одной из которых — деревенской бане — при свете керосиновой лампы явился он на свет.

Сюда по весне выносит льды работающая Мана. И Шалунин бык различим с этого рыжего от вытаявшей весенней плешки берега: восьмилетнему выплеснул здесь ему Енисей первое жестокое горе, и сердце прошло оно на всю жизнь: мама!

Отсюда уходил он, отплывал и улетал, чтобы вернуться вновь. Здесь — родина писателя, его истоки, корни.

На встречу Виктор Астафьев согласился, хоть и мучаю его приходившая каждый год строго по расписанию «веснуха»: «У меня есть, что Вам показать и рассказать по Игарке». А натолкнуло на эту встречу письмо из Барнаула от «девочки из книжки» Жени Хлебниковой, которая, по ее словам, сама «ничего выдающегося в жизни не сделала, но всю жизнь честно и добросовестно трудилась». Трудилась 43 года! «Читайте «Кражу» Виктора Астафьева, — писала она, — вы увидите наш класс и нас в те годы».

И вот проходил перед мной чередой незнакомые лица таких анагомых людей — густо населены и «Кража», и «Последний поклон», и рассказы: среди бабушек в черных и белых платочках, надетых по парадному случаю, Виктор Петрович показывает бабушку Катерину Петровну и бабушку из Сисима, а вот и дед Павел, и дед Илья Евграфович, и отец Петр Павлович, и тетка Августа, и дядька Вася Сорока, и Кольша, тетки, племянники, дядья, — любимы и бережно хранимы они писателем, некогда учеником 5 класса «Б» игарской школы № 12, что над Медвежьим логом, Витей Астафьевым.

Виктор Петрович кутается в теплую одежду, ему явно нездоровится:

— Игарка дала очень много и мне, и другим детям темных мужиков, которые попали в этот город из глухих таежных деревень. Там впервые услышали, например, радио, патефон. Я впервые узнал, что такое велосипед, духовой оркестр, пианино. Впервые увидел полярное сияние, оленей, нарты, прокатился на собачьей упряжке.

На детской районной олимпиаде премировали меня настоящими финскими лыжами.

И, наконец, именно в Игарке написал свой первый рассказ, который И. Д. Рождественский поместил в школьный рукописный журнал. А в газете «Большевик Заполярья» даже было опубликовано мое четверостишие. Учиться после этого я стал еще хуже. А хуже было некуда: сидел я третий год в пятом классе.

— Уж не потому ли нет вас в книжке «Мы из Игарки»?

— Да, и потому тоже, да и ногу сломал тогда. В авторы отбирали положительных, дисциплинированных.

Я же был неблагонадежным. А В. Астафьев, который назван в книге, — это не я, а Василий. Он, как я слышал, погиб потом на войне. В книжке — помните — он мечтает стать поэтом. Это и вводит многих читателей в заблуждение. Фамилия Астафьев не такая уж и редкая: я на фронте потом встречал и Васю Астафьева, только был то другой Вася, не игарский.

А о первом рассказе, вернее школьном сочинении Астафьева, хотелось бы рассказать чуть больше, потому что сыграло оно в судьбе мальчика роль особую.

В те годы «Игарку будоражило от творчества»: писали, рисовали, изобретали, пели, издавали. И когда Игнатий Дмитриевич Рождественский вместо традиционной темы предложил для школьного сочинения вольную, ребята были готовы к этому. Оказался готов и Витя Астафьев.

Минувшим летом отец поселил его на Маковском озере, в нескольких километрах от Енисея. Построив плотик с очагом и возложив на мальчика промысел рыбы, он спокойно надолго оставлял его одного.

Постепенно преодолел страхи и одиночество, мальчик научился видеть зорьки и закаты, угадывать лешачьи крики мрачной вышн, подружился с вырками, свизьями, кормил из рук гусей, любовался полными величия и достоинства лебедями. И нежность, умиление просыпались в его душе. «Хотелось перецеловать каждый тронутый росой лист, каждую смолитую хвоянку, каждую бабочку, благодаря за то, что они есть и я есть вместе с ними... Не было в моей жизни потом таких сладостных, таких чистых слез, от которых истаявала душа и хотелось любить все и быть добрым ко всем и ко всему».

Вот о мальчике, заблудившемся в тайге и поселившемся на озере, и написал он в своем сочинении. Уже пройдя войну, изведав горе и жестокость в наивысших проявлениях, писатель обратился к тому детскому игарскому рассказу, воссоздал его уже писательской рукой. Я читала «Васюткино озеро» по книжке, где расставлены малышам ударения, и порадовалась, что к миру они приобщаются по такой яркой, воистину художественной литературе.

Свой самый счастливый день, считает Виктор Петрович, он тоже прожил в Игарке, когда — помните, есть этот эпизод и в «Краже» — холодный и голодный мальчишка на случайно попавший к нему рубль покупает себе билет в кино и, упрощив контролера, попадает на «Большой вальс». Музыка Штрауса, высокое человеческое искусство растопило душу, и вновь, как и на озере, вытаили светлые слезы добра. На экране разыгрывалась чужая, нарядная, восхитительная, даже в снах не пережитая жизнь, такая далекая от игарской детдомовской, а в зале сидел забытый, ненужный никому мальчик и навзрыд плакал от света, добра, горя и счастья.

...Живет в Красноярске большой советский писатель. В ребячестве не попал он в коллективную детскую книжку. Взрослым стал лауреатом Государственной премии СССР.

КТО НАПИСАЛ «МЕЧТАРЬ»

Есть такая веселая детская книжка — «Ортис — десятилетняя планета». У одного из героев ее обнаружилась страшная болезнь, перед которой бессильны микстуры, порошки, уколы, скальпели и даже советы. Оказалось, что герой живет без мечты: «Никогда не мечтал быть сильным и рос самым слабым в классе, никогда не мечтал знать больше всех и учебники читал только «от» и «до», никогда не мечтал об открытии и за свою жизнь ничего не открыл, никогда не мечтал о полете в космос и кроме Большой Медведицы не мог отыскать на небе

ни одного созвездия». Спассти, вылечить его взялся писатель-фантаст: он прописал больному книгу своего сочинения — по главе в день. Вот тогда на планете Ортис решили: в целях профилактики срочно издать учебник о мечте. Изучать «Мечталь» рекомендовали начинать до знакомства с «Букварем» и не расставаться с ним в течение всей жизни.

Автор этой жизнепозитивной и правоучительной книги тот самый Гоша Антипов, что написал в книге «Мы из Игарки» рассказ «Водолаз» — о смелом мальчишке, самостоятельно смастерившем лодку и в половодье переплывавшем озеро.

С иллюзиями детства комсорг батальона Георгий Антипов расставался на полях боев — от Москвы до Кенигсберга. За две недели до Победы тяжелое ранение и контузия, а затем — инвалидность на всю жизнь. И это в 22 года.

Он боролся с ранами и болезнью еще целых семнадцать лет. Душой и возрастом комсомольский вожак, он работал в Красноярском крайкоме комсомола, молодежной газете, вновь, как и в Игарке, писал стихи, пьесы, рассказы, адресуя их детям. О книжке для них он мечтал едва ли не всю жизнь. И писал ее упрямо, отвоювая у болезни сперва дни, а потом и часы. Он знал, что приближается конец, что болен неизлечимо, и чем тяжелее ему было, тем веселее и радостнее старался наследовать он книжные странички. Планету «Ортис» он населил девочками и мальчишками из своего игарского детства. Как когда-то игарчата, ортисяне с первого класса старались приносить пользу обществу. Их возраст считался не как у землян: в паспорт записывали лишь полезные годы, и «ученикам шестого класса на Ортисе — в основном шесть лет. Но есть и старшие. Это те, кто в свободное время трудятся или занимаются в двух школах, например, в художественной или музыкальной». Ортисяне никогда не плачут, не грустят. Они всегда улыбаются, смеются. На Ортисе все говорят только правду, и в каждом доме, и в каждом классе растет удивительный красно-белый цветок ирвен, погибающий от малейшей лжи и неправды.

Смешная, добрая и умная книжка... Антипов так и не увидел ее напечатанной. Она трижды издавалась в Москве и Красноярске, но уже после его смерти.

Антипова не стало через год после первого полета человека в космос, и книга писалась задолго до этого события, но первая ее глава открывалась словами: «Здравствуй, Степа! Я уже на Ортисе... Прилетел в космической ракете».

Повесть написана в форме писем школьному другу, оставшемуся на Земле. И чем больше вчитывалась в нее, тем больше убеждалась, что имя Степа здесь не случайно. Именно Степой звали близкого Гошиного друга по Игарке и одноклассника — школьного поэта и писателя» Перевалова. Степа Перевалов был «главный» автор книги «Мы из Игарки», в ней его стихи, рассказы и целые главы.

В 30-е годы в игарской и краевой пионерских газетах часто печатались сказки ненцев, селекупов, долган в литературной обработке Степы. А однажды — это знала вся школа — слова сочиненной им песни о Заполярье поместили в сборнике «Песни счастливых», и Степану из издательства прислали гонорар: полное собрание сочинений Драйзера. Вот каким «знаменитым» человеком был в Игарке Степа Перевалов. И Гоша, как и Яша Почечутов и другие ребята, очень дорожил дружбой с ним. Вполне вероятно, что Степу, игарское детство вспоминал Антипов в свои последние годы, работая над книгой.

«Нет, Степа, — пишет он в самом ее конце, — пусть Ортис будет всегда с нами. Пусть будет со всеми, кто любит мечтать и фантазировать. Кто любит путешествовать и открывать. Кто любит шутить и смеяться».

«МЫ ЗАВОЮЕМ АРКТИКУ»

Встретились мы со Степаном Акимовичем в старательском таежном поселке, в который в лучшие-то времена можно добраться только самолетом. А если уж Енисеем, а затем — тайгой, то путь этот лишь от большой нужды. Однажды проделал его и Перевалов, когда стал жертвой клеветы, несправедливо осужденным.

Каким вышел игарский паренек из этого сурового испытания?

Сейчас Северо-Енисейский, или Соврудник, как величают его по старинке, — центр золотодобычи, и горно-обогатительный комбинат, разительно изменив таежный пейзаж, принес с собой новые современные профессии для детей и внуков таежных искателей форта.

Степан Перевалов золота не мыл, старательством не провалялся. В 60-градусный мороз валял лиственницу и кедр. С тайгой сжился, сроднился за эти десятки лет. Привык к труду тяжелому и непростому: рубка, валка, доставка леса — все здесь нелегко. Диплом в техникуме зачислял по теме, нужной для его бригады — «механизация ручного труда при погрузке трехметрового леса». Внедрили в практику без заминков. Однажды семнадцать рацпредложений за год внес и осуществил. На ВДНХ первым из района ездил, депутатом поселкового Совета избирали его жители рудника.

Листаю почетные грамоты: лучшему электропильщику, бригадиру лучшей комплексной лесозаготовительной бригады, участнику слета лесозаготовителей, ударнику коммунистического труда, бригадиру комплексной повало-трелевочной бригады, техруку участка. Поражают проценты выполнения плана — 146, 147, 203! Нет, только представьте: тайга, мороз за 50, снег на лету замерзает, металлический ломик от удара, как стекло, рушится. И — 200%! К такому труду Перевалов был готов загодя. Вот как ведет себя его герой (а в нем угадывается сам Степа) в уже упомянутой финальной главе книги: «Он не отступает ни перед чем. Нужно плыть по Енисею, — пусть волны, пусть шторм — он плывет. Захотелось погулять на лыжах, — пусть ночь, пусть пурга, пусть 50-градусный мороз — он идет. Почему? Да потому, что если прятаться от опасностей, не будешь уметь с ними бороться... Он хорошо знает, что бороться со льдами, морозами, снегом и бурями — не шутка. Знает, что наши авиаторы, исследователи, моряки и полярники показывают чудеса мужества, героизма и выдержки, выполняя поручения своей любимой Родины, ее народа, ее правительства. И все это делают самые сильные, самые мужественные, самые преданные, самые твердые люди».

И тогда, в детстве, и сейчас, перечитывая книгу, я представляла Степана Перевалова русским богатырем, обязательно сажень в плечах и двухметрового роста. А встретил меня маленький, худенький человек, забайкальские черты лица да плюс узенькая борода делали его схожим с азиатским акыном. На следующий день он уезжал в тайгу, в свой привычный балак: остался Перевалов после пенсии сторожить тайгу, теперь неделю — там, неделю — дома, ведь лес требует любви, заботы, тогда и сам платит тем же.

— Дед, а дед, а правда, что ты всего Блока и Есенина знаешь? — спрашивает гостящий у Степана Акимовича племянник.

— Ну, знаю, а что тут особенного?

— И Пушкина?

— И Пушкина, и Маяковского, и Светлова, и Евшенно тоже. Да ты бы делом занялся: для беличьих кашпанов обязательно белые грибы нужны. Насушил бы!

Из окна переваловской квартиры, что на втором этаже деревянного, крепкого дома, видна тайга. В пятнадцати минутах ходьбы — Кедровая гора. А там — грибы бов тьма, брусника, черника, голубика — поляны. Еще дальше — в Шите, Тее, Слоноконе — харус ловится.

— Края наши не только золотом славятся,— Перевалов явно гордится.— И охотничать здесь славно. Бывало, и с мишкой встречался. Белкую понемногу: охотник-любитель, четыре собаки у меня. По 50 белок в сезон. Случается и соболь, норка. Брусники обязательно по 50 килограммов сдаю. Да у нас летом прямо в тайге и грибы солят, и варенье варят — специальные бригады работают. Откуда брусника в столицы идет? От нас! И рябчики к ней — тоже. У нас тут один знакомый таежник в Москве в ресторан интуриста зашел, заказал блюдо с мудреным названием — ему подрябчика принесли да две ложки брусники — 7 рублей заплатил. Потом рассказывал — по всей тайге смеху было.

Говорили обо всем, кроме одного. Уже перед прощанием, угадывая мой незаданный вопрос, Перевалов подытоживает: — Жалею ли, что сорвалась мечта? Что не стал писателем-журналистом? Нет, не жалею, и не жалел никогда. В другом себя нашел. И Арктику, видите, все равно завоевал.

ОШИБКА ГОШИ ШАМОВА

22 июня 1940 года, когда до начала страшной войны оставался ровно год, Гоша Шамов получил аттестат зрелости. До утра гуляли ребята по берегу Енисея, мечтавая и любя весь огромный мир, а с рассветом подошел к пристани колесный пароход «Мария Ульянова», и поплыл пассажир Шамов покорять этот мир. Конечно же, путь был в Москву.

Уже в поезде сосед по купе, пожилой геолог, пожалел приглянувшегося ему паренька (денег нет, одет более чем скромно, очки минус), посоветовал сойти в Казани: университет старейший, притом особенный — Ленин учился, факультет историко-филологический есть, научные силы — первоклассные. Да и жить полегче будет.

Так Гоша оказался в Казани. В университет его приняли. Поселился в общежитии, которое сам и строил после занятий. Потом приехала мама, устроилась работать в пароходстве... конюхом, Гоше после отличного окончания первого курса дали именную стипендию. Словом, жизнь устроилась. Но грянула война. На фронт Гошу не взяли: с таким зрением не то что в армии, в академической-то аудитории делать было нечего: грозил слепота. Но Гоша держался: за пять лет учебы он лишь один раз опустился до отметки «хорошо» — всегда были «отлично» по всем предметам. По ночам работал вахтером в эвакуированном в Казань Вавиловском институте, как называли Институт физики АН СССР, днем слушал лекции академиков Б. Д. Грекова, Н. С. Державина, И. И. Толстова.

Впоследствии, уже будучи проректором университета, деканом, заведующим кафедрой — административной работе отданы два десятилетия. — Георгий Федорович в своей педагогической практике не раз обращался к опыту своих великих учителей. Теперь у самого Шамова немало учеников среди коллег. Многие из них пошли дальше своего учителя. И такая диалектика не обидна.

Сам Георгий Федорович в последние годы торопится завершить докторскую — ведь годы уже немалые! — по теме «Возникновение и становление марксистского направления в русской исторической мысли», много работает над историей своего всемирно известного Казанского университета.

Мне он рассказывал, что все сорок с лишним раз, когда съезжались абитуриенты, просматривал он втихую списки: все искал игарчанина, мечтал помочь неизвестному пареньку. А приехала девочка, и не из Игарки, а с Кузбасса. И Шамов, конечно, на нее внимания не обра-

тил. И это было ошибкой. В чемоданчике девочки хранилась книга, на которой рукой Анатолия Матвеевича Климова сделана надпись: «Моей дочери Ирине. Раста и ты такой же смелой. Люби Родину так же, как эти ребята. Папа».

Ирина Климова закончила исторический факультет, деканом которого был Г. Ф. Шамов, сама стала кандидатом исторических наук. Ирина Климова родилась в ноябре 1935 года в Красноярске, в те дни, когда ее отец с головой ушел в дела игарской пионерии. Отца она знает по рассказам да письмам, которые пятьдесят без малого лет хранит ее мама Елизавета Илларионовна. Их много — десятки! — узких полосок, вырезанных из школьных тетрадей, вырванных из походного блокнота.

ПИСЬМА К «ЛУЦЕ ПИРИПЧЕ»

22/X—35 г. «...Ты права, говоря, что я опять загорелся, но на этот раз еще сильнее, кажется. Честное слово, я сплю самое большее 4—3 часа и опять сажусь за стол... Не ругай меня за это — не могу я иначе: такая дурацкая натура... Книга получается, кажется, неплохой. Я привезу с собой оригиналы и покажу тебе».

16/I—37 г. Москва. «Лизушка с Ирушкой! Вот и уезжаю в Питер. С книгой... Вчера был в ЦК комсомола на приеме у А. В. Косарева. Когда я сказал, что буду просить у ЦК шефствовать над книгой игарских ребят, он ответил: «Мы не только шефство возьмем, а издавать ее будем сами, а вас просим отдать ее нам в издательство».

Мое желание — показать книгу Маршаку — одобрил. Живу вообще, с точки зрения человеческого, отвратительно: ем один раз в сутки и то всухую (то в метро, то в закускойной, а то просто на улице у ларька)».

30/I—37 г. Ленинград. «Моя Лизушка! Ну дела, кажется, подходят к концу. Очень скоро теперь я освобожусь совсем. Сейчас заканчиваю работу над рукописями, останется только техоформление, которое будет протекать уже без меня. Сегодня я уезжаю в Детское Село к Маршаку на дачу.

...Как обстоят дела? Я уже, кажется, писал, что книга произвела фурор в здешних литературных кругах. Все пророчат большое будущее, и она его, несомненно, получит. С. Я. Маршак принял книгу в свои руки, как светлый, он трясется над ней. При таком отношении к ней я совершенно спокоен за ее судьбу. Выпускают ее к 20-летию Октябрьской революции — как подарок го-довщине, как образец нового творчества в детской литературе.

К работе привлечены самые лучшие силы издательства ЦК ВЛКСМ.

...Я (первый раз в жизни) сейчас стал модным человеком в Ленинграде. Это при моем состоянии... приятно мне мало радости. В гостинице у меня, если я свободен, постоянно парод — журналисты, газетчики, киношники. Пишут в газетах. На днях организуют в здешнем Дворце пионеров встречу мою с пионерами. Сейчас снимают в кино со звукозаписью. В книгу я написал, говорят, хорошее предисловие».

11/II—37 г. Ленинград. «Не берусь утверждать, что нет больше людей, которые подобно мне с равными усилиями работали бы так, как я последние три года. Я затаил глубоко в себе мечту написать 2—3 книги, такие, чтобы мне не стыдно было подписать их своей фамилией. И вот началась сумасшедшая, адская работа внутри себя. Надо было скрывать это — иначе была опасность прослыть выскочкой и тщеславным. Я это скрыл, скрыл даже от тебя. Днем и ночью, даже во сне, Лизуша, я видел свои будущие книги. Меня сжигал зуд творчества. Помнишь, я написал книгу —

целую книгу о Таймыре... Где она? Я изорвал ее, Лиза. Я понял, что она ничтожна, что я могу делать лучше, и порвал ее».

И еще одно — через пять лет.

13/IX—42 г. Москва. «Здравствуй, Лиза. Очень доволен, что получил какие-то сведения о вас... Первый раз в Москву с фронта на 12 дней я приехал в мае 1942 года. Если бы ты знала, как долго и упорно искал вас с Иринкой... Так и не нашел».

Сейчас расскажу все по порядку... В конце июля (22/VII—41 г.) стойкое кровоизлияние в мозг опять свалило меня в кровать надолго. Паралич продолжался почти 4 месяца, до середины ноября 1941 г. Еще в августе меня привезли в Троицк к старикам, там я и лежал.

В январе меня призвали в армию, правда, не в строевые части, так как вот уже третий год я хожу сильно опираясь на палку. Трость отныне стала моей неотъемлемой третьей ногой. Я ездю сейчас по всем направлениям, собираю материалы для книги, которую мне поручили, — обвинительная книга фашизму. Трудны очень в моем положении такие путешествия, но зато я очень доволен, что чем могу искренне и упорно помогаю своему народу в этот грозный час... Сейчас опять уезжаю на полтора-два месяца».

Я ничего не открою, если повторю лишний раз многим ценимую истину: как много значит в жизни человеческой любовь!

Именно ее, согревающую даже через десятилетия и утраты, почувствовала я в осторожном письме, пришедшем мне после публикации в газете «Советская Россия». Спросила напрямик и — вот он ответ, который и привел ко встрече: «Мы прошли с А. М. Климовым недолгий и нелегкий путь, но были счастливыми. Это была наша молодость, и мы не искали легкой жизни, наоборот, стремились туда, где было трудно, где была своеобразная целина... В наше время на Севере тоже были свои «буровые», добывающие не газ и нефть, а рудившие вековую отсталость этого сурового, дикого края. И мы были участниками, своеобразными первопроходцами».

...Любуясь Елизаветой Илларионовной, такой молодой, с осанкой спортсменки, изящной и элегантно в ее немалые годы, в течение десяти часов подряд слушала ее рассказ о молодости и мужании поколения, которое страна послала «штормовать далеко море» и обживать неизведанный край.

Встретились они на Ямале: уральский журналист Анатолий Климов и комсомольский работник уральская девушка Лиза Чусовитина. Оказалось, не просто земляки — из одной Челябинской области. Начинать им пришлось в краю сплошной неграмотности и сохранившегося кое-где полуфеодалного уклада, в краю, где хоронилась недобитая контрреволюция и каждая командировка могла быть последней. Кочевал по тундре комсомольский «красный чум» — корреспондент и первый секретарь окружного комсомола, «луце пирипче», как называли ее в тундре.

Такие командировки длились месяцами, и Анатолий приучил Лизу вести дневники, с любой оказией писали они друг другу письма. Корреспондентом кочевых газет «Путина», «Рыбак», потом и «Красного Севера» неделями и месяцами мотался Климов по промыслам. Приезжали втроем: он, его закадычный друг, тоже журналист, Володя Смирнов и наборщик, линотипист Гоша Князев. Газету выпускали прямо на месте и ехали дальше.

Сохранилось письмо А. Климова его другу В. Неволину, написанное в феврале 1932 года.

«...Только вчера вернулся из второй командировки.

Всего проехал по жуткой, мрачной, холодной и голодной тундре больше 5 тысяч верст. Опасно и интересно. Кроме обмороженных ног, рук и лица, остальное в порядке».

Побывал на всем Я-мале (по-самоедски «конец земли») переваливая на остров Белый через пролив Малыгина, а оттуда на Новую Землю. Долго жил на Байдарцкой губе, там, где кончается Уральский хребет, обрывами, громадами скал в Карское море уходит земля. Там, где от морозов, снежных штормов леденеет в жилах кровь и где самоеды едят (то же делал и я) сырое мясо, рыбу, моржей и запивают теплой кровью.

В Новом Порту (большой порт в Обской губе) выпускал газету... Несколько раз думал о смерти (2 раза писал прощальные письма), но как-то удавалось вернуться. (Первый раз заблудился, переваливая 120 километров Обь, а второй раз на Байдарцкой губе сидел в бушующей тундре пять суток без крошки хлеба.) Весной предстоит поездка с путинной газетой в Обь к выходу в Карское море».

Он увлекался историей, культурой, этнографией, традициями кочевых народов — ненцев, долган, юраков. Бывали они с Лизой — а она отлично управляла оленьей упряжкой и владела хореем — и на тундровых празднествах в честь начала лова рыбы, появления солнца, отела оленей, когда шаманы собирали вокруг костров старейшин, закалывали белого оленя. Вой в барабаны, крики, пляски словно переносили осторожно наблюдавших незваных гостей на столетия назад. Но шел XX век, и обом предстояла терпеливая и огромная работа.

В те не очень часто случающиеся в их жизни дни, когда бывали они вместе, жили весело, радостно, в полярную ночь отправлялись на лыжах в тундру, катались на коньках, писали совместный рассказ в журнал «Уральский следопыт», а потом книгу — «Сердце тундры». В отпуске удалось побывать в великих стройках Днепротрасса и тракторных заводов — Челябинского и сталинградского. А потом вновь разводили их дороги.

Кончился Ямал — начался Таймыр. Климов — корреспондент красноярских областных газет, Чусовитина — сперва инструктор Оргбюро ЦК ВЛКСМ по Северу, потом заведующая отделом Красноярского крайкома комсомола.

А. М. Климова не стало в июне 1945 года, он лишь на полтора месяца пережил Великую Победу. Умер в труде, председательствуя еще накануне на конференции челябинских писателей. Последние годы, когда сложности жизни и война развели его с Елизаветой Илларионовной, а потом сложилась другая семья, он до последнего дня писал ей, большому другу и единомышленнику, о своих делах, о новых книгах.

Елизавета Илларионовна выбрала на всю жизнь хлопотную дорогу партийного организатора. Да это и естественно для нее, выросшей в семье уральских большевиков, одной из двенадцати коммунистов «чусовитинской ячейки». Три года назад ее наградили знаком «50 лет пребывания в КПСС».

— Поэтому и фамилии мы своей никогда не меняем. Шесть сестер нас и ни одна не приняла другой. Гордимся мы своим чусовитинским родом.

Историк партии, принимавшая участие в создании многих фундаментальных книг по истории Кузбасса, она восстановила и свою родословную. Оказались в ней действительно люди выдающиеся: народолюбец, матрос с революционного корабля, зарубленная белогвардейцами учительница, чье имя теперь носит сельская школа, член первого совдепа, секретарь обкома партии, ответственные работники партии и государства... Все они — потомки рабочего уральского мужика, сплавщика леса. А труд этот на Урале испокон веков суров и опасен, и прикипали к нему лишь истинно крепкие, надежные люди.

«УСТАРЕЛА» ЛИ ИГАРКА?

«...Лучше зимой к нам лететь на самолете. В Красноярск надо пойти в управление авиалиний Красноярск — остров Диксон и купить билет на один из линейных самолетов. В воздухе вы, ребята, пробудете 12—15 часов, и самолет на второй день доставит вас в Заполярную Игарку». «Даже, самые большие дома построены в ней из дерева. На улицах деревянные тротуары и деревянные мостовые. Автолесовозы, санки со бачьей упряжкой, автомобили, велосипеды и олени нарты мягко шуршат по деревянному шоссе».

Такой увидел Игарку А. М. Климов в 1935 году. Такой — каждый на свой лад — прославили ее пионеры в рассказах. Такой вошла она в мое детское представление и осталась там на годы.

А Игарка оказалась иной.

Когда через четыре часа полета красноярский ЯК-40 пошел на посадку, с правого крыла на высоком скальном берегу качнулись и побежали навстречу кирпичные пятиэтажки и два небоскреба в девять этажей. С островного аэродрома через протоку самоходный паром подбросил прямо к началу асфальтовой ленты, и закрутился спидометр любознательности не на один десяток городских километров. Деревянную мостовую удалось все-таки найти, вернее, ее кусочек, в старом поселке. По асфальтированным тротуарам шли женщины в модных босоножках, а резиновые сапоги, захваченные мною по совету «бывалых» знакомых, так и не понадобились ни разу.

С Игаркой меня знакомил Павел Алексеевич Евдокимов. Когда в 2029 году будет открыто послание, потомкам, что нынче надежно замуровано в подземной камере Музея вечной мерзлоты, то первой там будет значиться фамилия Павла Алексеевича. 48 лет живет он в Игарке, поэтому знает о ней даже то, что из памяти городской исчезло вместе со сгоревшим 20 лет назад музеем.

Да, милая наивная книжка игарских пионеров не может сегодня служить путеводителем. Уже не ста пассажирами в год, как полвека назад, гордятся игарские авиаторы — в заполярный порт летают мощные современные машины. Игарские полярные летчики проложили первыми трассы на Таймыр, в Арктику, в Эвенкию, и они же, спустя десятилетия, обеспечили проводку к Северному полюсу атомохода «Арктика». В послевоенные годы на этих трассах летал штурманом Александр Смородников, тот самый мальчишка из книжки, которого по непонятной ошибке из издания в издание продолжали величать Александрой. Петр Ильич Поэтов показал малюсенькую фотографию паренька с восточными чертами лица.

— Вот она, «Саша Смородникова». Мы его «Монголом» в школе звали...

На Всесоюзную Доску почета ВДНХ СССР занесен коллектив игарского лесокомбината. В навигацию более 500 морских и речных судов работают на него: до 1 миллиона 200 тысяч кубометров лесоматериалов уходят отсюда под советским флагом в 54 порта восемнадцати стран.

— Сегодня будущее города мы связываем с геологией, — говорит первый секретарь горкома партии Анатолий Васильевич Ходосок. — Уже нашли под Игаркой медь, и геологи ждут, что покажет технологическая проба ее на норильском комбинате. Создается новая экспедиция, которая пробурит первую скважину на нефть и газ. Ищут глину и другие строительные материалы. Словом, в город пришли геологи. Развиваем, переоборудуем, реконструируем и лесокомбинат. Проблем — уйма. Скажем, даже выкатка бревен из протоки до сих пор, в основном, вручную. Или: построили со-

временный цех, но нет в нем гидротермической обработки древесины. Вот и пилим по-прежнему замерзший лес, а при этом много брака.

И еще об одной чисто игарской проблеме поведал секретарь горкома. Стоят дома на вечной мерзлоте и общесоюзным нормативам подчиняться не хотят: ветшают раньше, чем, скажем, в Рязани. Вот и получается, что хоть и приходится на каждого жителя более 12 квадратных метров жилья, а столько его практически нет. Пока лишь треть населения удалось переселить в новый микрорайон. В условиях полярного холода нужны людям и горячая вода, и канализация, хотя бы просто водопровод, а в городе его в половине домов нет.

Слушая Анатолия Васильевича, я невольно мысленно возвращалась к слышанной фразе, что «Игарка устарела»: вон какой Норильск рядом, другие стройки подросли, что, дескать, теперь Игарка? Но разве от того, что стареет мать, а дети ее, в которых она вложила всю себя, более образованны и красивы, она становится менее дорогой? С Игаркой, матерью всего сибирского Заполярья, началом всех начал, «форпостом» и «лесной столицей», начинает происходить нечто подобное: ее уже не так крепко любит Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности (есть комбинаты и покрупнее!) и еще не успели полюбить геологи.

А ее надо просто любить — без выкладок и расчетов. Как мать.

Народный
календарь

ВЕСНА

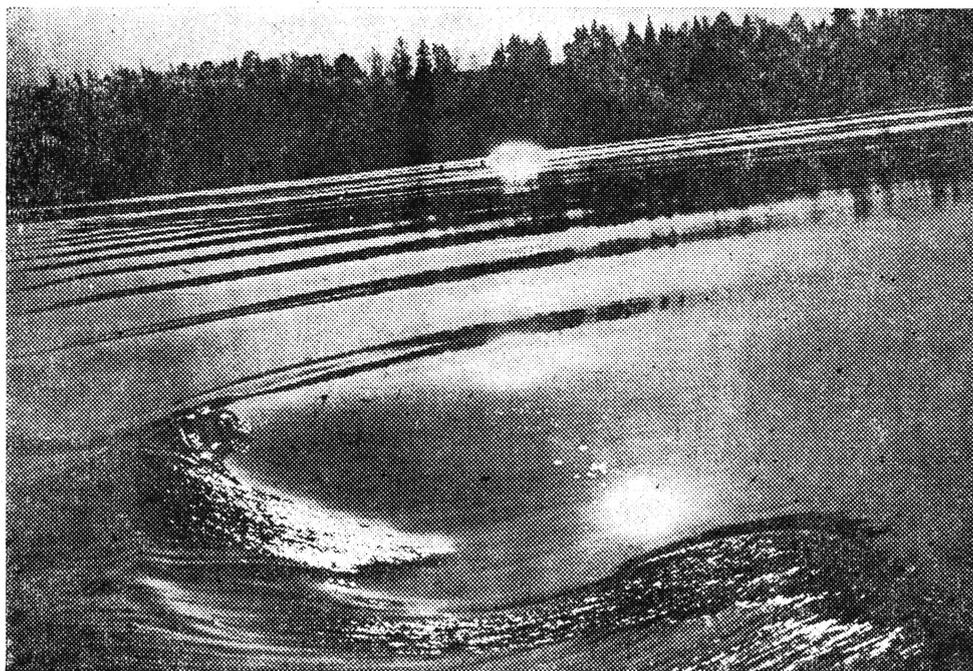

Фото А. Лысякова

В шестом, девятом и двенадцатом номерах журнала за 1984 год были напечатаны месяцесловы и народные приметы на лето, осень и зиму. Редакция получила немало откликов на эти публикации, читатели присылают и свои добавления к Народному календарю.

Сегодня, заканчивая публикацию Народного календаря, редакция вновь обращается к читателям: давайте попытаемся совместно, коллективно «написать» полный Народный календарь пословиц, поговорок, примет, присловий, загадок, связанных с погодой, природой, земледельческими работами. У кого что есть на эту тему — старые книги, журналы, рукописи, записки, наблюдения, — пришлите их в редакцию (для ознакомления, можно с возвратом). Возможно, и соберется тогда Народный календарь более или менее полный...

Поговорки, присловья, приметы, относящиеся к весне:

Первая ласточка весны не делает.

Одна роза — еще не весна.

Весну гусь кличет.

Прилетит кулик из заморья, принесет весну из неволя.

Февраль воду подпустит, март подберет.

Коли на Евдокию мороз прилучится, так и март на нос садится.

Мартовский мороз с дуплом: зима лето хотя и пугает, да и сама потеет.

Евдокия благоволят, да и насорит, запуржит.

С Евдокии еще и собаку встоячь снегом заносит.

Герасим Грачевник грачей пригонит.

На Сороки ночь со днем равняется.

Алексей придет — огня принесет.

Алексей воды распускает.

В апреле земля преет.

Пришел Родион Ледолом, следом — Антип Водопол: под порогом брод, на улице переправа.

Апрель всех напоит.

Трясогузка и щука хвостом лед разбивают.

Цветет черемуха — нерестится сорога.

В мае даже ветер поет.

После Егория Вешнего бывает еще 12 морозов.

На Сидора отойдут все сиверы.

Какова весна, таков и весь год.

Весна все покажет.

Весною лебедь раньше гусей прилетает к недоброму году.

Ранние ласточки к счастливому году.

У вороны (грачей или галок) в гнезде пять или семь яиц — к хорошему году, три или четыре — к плохому.

Много рябины — дождливый год.

Случается такой год, что в нем семь погод.

Сегодня не тает, а завтра — кто боже знает?

Какова Акси́нья — такова и весна.

Весна — запевка года, а запевка весны — февральское солнце.

На Ефимия в полдень солнце — ранняя весна будет.

На Акси́нью ведро — весна красная.

На Ксению погода прекрасная, так и весна красная.

На Сретенье снежок — пригонит на весну дождок.

Евдокия красна — весна красна.

На Евдокию курица напьется — весна теплой будет.

На Алексея тепло и весна будет теплой.

Сороки теплые — сорок дней будут теплыми, холодные — жди сорок холодных утренников.

Синица запела — тепло ворожит.

На Благовещенье мороз — жди сорок утренников.

Если весна пришла до Благовещенья, то много еще морозов будет впереди.

Что на Благовещенье, то и на Юрьев день: ясно, сухо или ненастно.

Если на Благовещенье снег на крышах, то лежать ему на Егория в поле.

Не бойся зимы, а бойся отзимка.

Три похолодания случается весной: на птицу, на вербу и на черемуху.

На Егорьев день вывешивали на дворе влажное полотенце: за ночь высохнет — долго не будет инеев, замерзнет — будут заморозки в августе.

Ранний прилет журавлей к ранней весне.

Гуси летят высоко — жди снега.

Утки и грачи прилетели рано — жди тепла, долго их нет — будут еще холода.

Если грачи, прилетев, прямо на гнезда садятся — дружная весна будет.

Дружный прилет птиц — к ненастью и холодам.

Прилет крикв и куликов на Благовещенье — к теплу.

Ранняя белка голубая — ранняя весна будет.

Длинные сосульки в марте — весна будет затяжная, холодная, короткие сосульки — весна будет коротка и дружна.

Первый весенний гром при северном ветре — к холодной весне, при южном — к теплой, при восточном — к сухой, при западном — к мокрой.

Первый гром гремит не в полдень — быть холодному лету.

Если осенью раkitник рано покryлся инеем — весна будет протяжная, холодная.

Если береза желтеет осенью с верхушки — весна будет ранняя, если снизу — поздняя.

Затяжная осень — ранняя весна, ранняя осень — поздняя весна.

Если на Антипа реки не вскроются, то лето будет плохое.

Как зима ни злится, а весне покорится.

Раненько март веснянку затягивает — ненадежное тепло.

Ранняя весна ничего не стоит.

Рано тает — долго не растает.

Поздняя весна не подведет, не обманет.

Весна да осень — на дню погод восемь.

Весенний дождь лишним не бывает.

Весной сверху печет, а снизу морозит.

Весной и оглобля травой обрастает.

Увидел на вербе пушок — и весна на шесток.

Весенний лед толст да прост, осенний тонок да цепок.

Весной ведро воды — ложка грязи.

Весною сутки мочит, а час сушит.

До первого грома земля не замерзает вполне.

Ласточка прилетела — скоро гром загремит.

Ранний излет пчел к красной весне.

Чайка прилетела — скоро лед пойдет.

Гуси летят высоко — воды будет много, низко — мало.

Грачи сели на гнезда — через три недели выходить на посев.

Если утки прилетели жирные, весна будет холодная и долгая.

Жаворонок является к теплу, зяблик — к стуже.

Когда весенний лед по озерам и затонам не тронется, а потонет, год будет тяжелый.

Если весной снег тает быстро, а вода бежит дружно — к мокрому лету.

Если из березы течет много соку, то лето будет дождливое.

По холодной весне — градобойное лето.

Поздний расцвет яблони — к долгой осени.

Если ранней весной сверкают молнии, а грома нет — лето будет сухое.

Если первый гром прогремел утром — лето будет умеренное, если в полдень и с южной стороны — теплое и плодородное, под вечер — теплое, но осень холодная.

Снег по весне тает с северной стороны муравьиных куч — лето будет теплое и долгое, а если с южной — холодное и короткое.

Весной летит много тенетника — к хорошему лету.

Птицы выют гнезда на солнечной стороне — к холодному лету.

Если весной воды в речках не прибавится, лето будет жарким.

Клади весной навоз в пору, соберешь хлеба гору.

Перезимний месяц март февралю-бокогрею меньшей брат, Евдокии Плющихе — крестник.

Март неверен: то плачет, то смеется.

В марте и сзади и спереди зима. Марток — надевай двое порток.

Пришли Евдокеи — мужику затей: соху точить, борону чинить.

Если на Евдокию снег, скот кормить две недели лишние.

Коли курочка на Евдокию напнется, то и овечка на Егория наестся.

На Евдокию у разумного корма есть, а на Юрия — и у дурня (подножный).

Коли на Федота занос (снег, метель), все сено снесешь (то есть долго свежей травы не будет).

Грач зиму расклевал.

Увидел грача — весну встречай.

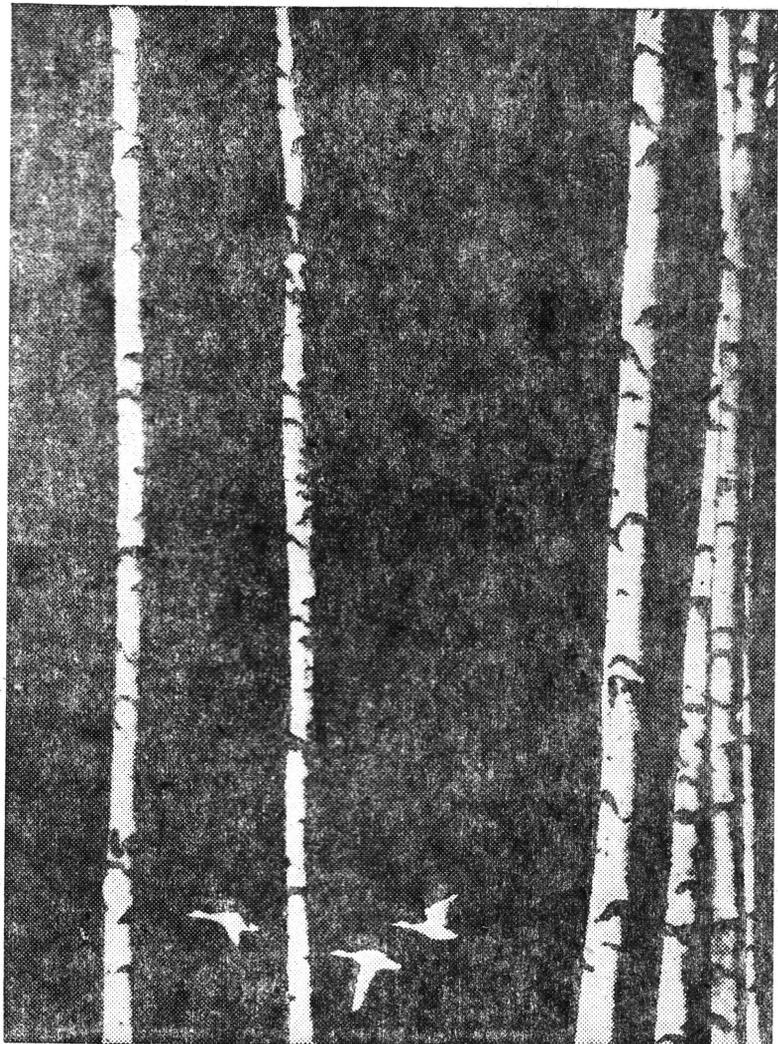
Грач на проталину, скворец на прогалину.

Увидел скворца — весна у крыльца.

Алексей — из каждого сугроба кувшин пролей.

Каковы ручки с гор, таковы и поймы.

Мокрое Благовещенье — грибное лето.

Гроза на Благовещенье — к теплomu лету и к урожаю орехов, на Благовещенье ведро — к пожарам.

Апрельские ручьи землю будят.

Февраль богат снегом, апрель — водой.

Мокрый апрель — хорошая пашня.

Ни, холоднее марта, ни теплее мая апрель не бывает.

Где в апреле вода, там в июле лужица.

Была бы водица, а зелень зародится.

Ни в марте воды, ни в апреле травы.

Если разлив на Марию, то травы будет много.

Пришел Федул — тепляк по дул.

Позже Василия Парийского медведь не лежит в берлоге.

На Егория роса — будут добрые проса.

Если на Егория березовый лист с полушку, то к Успенью клади хлеб с кадушку.

Коли весенний Егорий с кормом, то осенний Никола с мостом (зимний путь станет).

Кукушка до Егория — к неурожаю, падежу скота.

После Егория бывает еще 12 морозов.

На Юрья роса — не надо коням овса.

Юрий с теплом — Никола с кормом.

На Юрья дождь — скоту легкий год.

Богатый сыт и в Юрьев день, а бедный терпит до Спаса.

Май: коню сена давай да на печь полезай.

Ай да месяц май — не холоден, да голоден.

Весной пролежишь — зимой с сумой побежишь.

Март сухой да мокрый май — будет каша и каравай.

Май холодный — год хлебородный.

Не сей пшеницы раньше дубового листа.

Дождь в мае хлеба поднимает. Май леса наряжает, лето в гости ожидает.

Много майских жуков — к засухе.

С Николы Вешнего сади картофель.

До Николы крепись, хоть разопнишь, с Николы живи не тужи.

Мокро на Мокея — жди лета еще мокрее.

Соловей запел — весна пошла на убыль.

Пришел Пахом — запахло теплом.

На Пахома тепло — все лето теплое.

Придет Федот — последний дубовый листок развернет.

Пришел Федот — принялась земля за свой род.

Если береза перед ольхой лист распушит, лето будет сухое, если ольха наперед — мокрое.

Вода на лугу — сено в стогу.

Вода разольется — сена наберется.

Осень говорит: я поля уряжу, весна говорит: а я еще погляжу.

Осень прикажет, а весна придет — свое скажет.

На Федула растворяй оконницу.

Запарил землю Василий — выверни оглобли, закинь сани на поветь.

Зеленая травка — молока прибавка.

Май — под кустиком рай.

Майская травка и голодного кормит.

Одна майская роса коням лучше овса.

Заегорит весна, так и зябкий мужик шубу с плеч долой.

До Юрья бьют дурня, а после Юрья и разумного (запас кормов выходит).

На Марка небо ярко — бабам в избе жарко.

Где гроза, там и ведро.

Минут Сидоры — пройдут и сиверы.

Дуб одевается — скотина наедается.

Когда черемуха цветет, всегда холод живет.

Соловей запел — вода на убыль пошла.

Грач с земли хвостинку поднимает — солнечное лето обещает.

РОЗОВЫЙ КУСТ

Стояло бабье лето; еще не перевелись под Томском, на Потаповых лужках, подберезовики и опенки. В безоблачный день, когда солнце вдали за Томью прячется в сивой дымке, я бродил в окрестностях Басандайки, любуясь переливом желто-зеленой листвы, готовый вот-вот покинуть родимые ветви.

Вдруг увидел впереди какой-то розовый куст, который, как шар, повис над оврагом. Я невольно остановился. Да ведь это же черемуха в осеннем наряде!..

Крупные листья с нитевидными прожилками купались в солнечном свете и были неподвижны. Розовые, почти прозрачные листья. Надо же!

В декабре ударил легкий морозец, опушил деревья серебристой бахромой.

Я шел на лыжах. Возле оврага остановился и вдруг увидел знакомый куст черемухи. В каждой снежинке сверкало солнце. В гости к черемухе пожаловала пара снегирей с красными грудками, птицы принялись клевать еще не опавшие ягоды. Запушенные ветви качнулись, серебряная пыль повисла в воздухе.

Прошло несколько лет, я уже забыл о басандайской черемухе. Поздним вечером весной я шел по прямущке из Дома отдыха в город. Спустился с пригорка и вспомнил: а ведь где-то здесь растет куст, который я назвал розовым. Несколько шагов — и он передо мной, усыпанный белоснежными цветами. Будто белое облако повисло над оврагом и горько-сладким запахом напоило долину.

...Есть в жизни мгновения, когда радостно вздрогнет сердце, забудутся все горечи, весь мир покажется прекрасным!..

РУБРИКУ ВЕДЕТ
ПИСАТЕЛЬ Б. РЯБНИН

БАРАБАНЬ на всю планету

Было раннее утро. По обе стороны дороги темно-зеленой стеной стояли деревья. Солнце только-только осветило их верхушки. Машина катила по автостраде Тюмень — Свердловск. Молодой шофер Федор радостно напевал: «Ты, судьба, барабань на всю планету! Звучи, словно кастаньеты, их услышит целый свет...» Час назад он выехал из города с напарником дядей Мишей, который не обращал внимания на Федьку, дремал. Федор искоса поглядывал на него и удивлялся: «Спит в такое утро... Хотя барабань на всю планету!»

Они подъезжали к Тугульму. Сейчас придется свернуть с трассы. Дальше их путь лежит через Талицу. Здесь дорога будет похуже.

Перед мостом через Пышму Федор увидел стоящую легковушку. Люди из нее вышли и смотрели на что-то. Федор затормозил. И увидел девушку в джинсах. И хоть он не был с нею знаком, ему стало еще веселее.

— Чем любуетесь, люди добрые? — крикнул он, высунившись из кабины.

Стоявшие обернулись, а девушка подбежала к Федору. Ее румяное лицо было встревоженным.

— Лось в проводах... — торопливо заговорила она. — Выходите из машины!

Широко улыбаясь, Федор послушно вышел.

— Вон, видите? — показала девушка в сторону от дороги. — Как ему помочь?

В сотне метров действительно стоял молодой лось, расставив передние ноги, нагнув голову, исподлобья глядя на людей. Его рога запутались в проводах.

Двое пожилых мужчин, попутчики девушки, развели руками: «Надо же как-то помочь животному...» — и продолжали стоять на дороге.

— Сейчас поможем братишке, — сказал Федор.

Он направился к лосю. Тот следил за приближающимся человеком. Девушка побежала за Федором.

Лось не давал приблизиться к себе. Пленник не верил людям. Федор остановился. Девушка схватила его за руку:

— Сделайте что-нибудь, — просила она. — Ну, не трусьте!

— Кто? Я? — удивился Федор. Улыбка сошла с его лица, и он строго добавил: — Федя не трусит, Федя дурает. Ясненько?

— Да, да, конечно! Извините, Федор, но я так волнуясь.

— Волноваться — это женское дело, — смилостивился он.

Федор сходил к машине, взял капроновую веревку,

плоскогубцы и опять направился к лосю. Молодой шофер действовал решительно, будто всегда занимался спасением лосей. Сделал петлю, свернул веревку кругами и, прицелившись, метнул лассо. Петля упала на рога, лось дернулся, веревка крепко обхватила их. Не выпуская веревки из рук, Федор подтаскивал лося к телеграфному столбу. Потом, перехватив столб веревкой, стал подвигать к столбу и лося. Девушка, ухватившись за Федора, помогала ему.

Когда лось был накрепко привязан, Федор стал плоскогубцами откусывать провода от лосиных рогов. Лось притих. Наконец с проводами было покончено. Оставалось отвязать лося. Но ведь он уйдет с заарканившей его веревкой. Это может погубить зверя.

Девушка тревожно следила за Федором. Она понимала сложность ситуации.

Шофер закурил. Глядел на лося. Потом, не оборачиваясь, спросил:

— Как вас звать?

— Оля, — тихо ответила она.

— Мне приятно с вами познакомиться...

Лось как бы прислушивался.

Федор докурил. Затоптал окурок. Медленно двинулся. Подходил к зверю с поднятыми руками, будто сдавался в плен.

Лось не шевелился.

Федор осторожно снял петлю. Слегка поклонившись лосю, несколько рисуясь перед девушкой, сказал:

— Вы свободны, синьор!

Животное и человек стояли рядом. Потом лось, вздрогнув, попятился. Опять замер.

Федор не шевелился.

— Что же вы стоите?! — вдруг звонко закричала Оля.

Лось дернулся, отпрянул в сторону и побежал к лесу.

У Федора покраснели и лицо и уши.

Вдруг девушка увидела на его руке кровь.

— Что это?

— От проволоки, наверное...

Она потащила его к легковушке. Люди на дороге молча смотрели на них. Стоял там и дядя Миша. Приснул-таки!

Вытащив аптечку, девушка перевязала руку парня.

— Заживет до свадьбы, — улыбнулся Федор, и было видно, что лечиться у девушки ему очень приятно...

ОТВАЖНЫЕ

Сергей КУЛИЧКИН

ВСАДНИЦЫ

Ясным, по-летнему теплым майским днем 1910 года Александра Григорьевна Кудашева, молодая вдова войскового старшины Оренбургского казачьего войска, пустилась в долгий и рискованный путь верхом на лошади из Маньчжурии в Петербург.

Муж Кудашевой служил в маньчжурских пограничных войсках. После его смерти отважная женщина обратилась к местному воинскому начальству с просьбой разрешить ей сверхдальний конный пробег. Просьба эта была настолько неожиданна и невероятна, что сначала даже не рассматривалась. Действительно, отправиться в подобный путь было безумием даже для мужчины: тысячи верст по малолюдному, а на многие сотни верст и вовсе безлюдному краю, где нередко рыскали шайки разбойников-хунхузов, без подменной лошади, без спутников... Ее угрожали отказать от рискованной затеи, но Кудашева была настойчива. «Если мне откажете,— сказала она,— то обращайтесь за высочайшим разрешением». Военные чиновники, наконец, сдались и разрешили вдове отправиться в путешествие.

Восьмилетний иноходец чистокровных монгольских кровей по кличке Монголик казался самым непригодным для такого пробега: светло-серой масти лошадь ростом аршин тридцать вершков (128,8 см) была совсем дикой — Монголик ходил под седлом всего четыре раза. И все-таки Кудашева выбрала именно его, полудикого коня, который должен был нести ее, седло, переметные сумы — всего около ста килограммов. В последний момент, когда уже все было готово к путешествию, Александра Григорьевна решила взять с собой еще одного спутника — громадного сенбернара.

2 мая 1910 года в сопровождении двух самых преданных человеку животных отважная казачка отправилась в путь.

Взяв от Харбина направление по линии расположения пограничных войск, Кудашева решила сначала добраться до старого Московско-Сибирского тракта. Первые дни похода совпали с периодом проливных дождей. Реки и озера вышли из берегов. Одежда и обувь не просыхали. Нередко приходилось обходиться без пищи.

Проливные дожди на китайских равнинах сменились лютой стужей на перевалах Большого Хингана. Потом были суховеи в песках монгольской пустыни...

Но вот наконец граница России. Пошла глухая тайга, непроходимые заросли, гнус и дикие звери...

Постепенно Монголик втянулся в ритм движения, привыкала к походу и наездница. В тайге верный сенбернар оказался неocenным. Он отыскивал в глухой тайге заросшие тропы, предупреждал о присутствии зверей, а то и просто отгонял их своим хриплым лаем.

От станции Болотной Сибирской железной дороги до села Кустеля — около двадцати верст сплошного болота. Здесь всадница единственный раз за все путешествие взяла проводника.

Преодолен Яблоневый хребет. Вот и Байкал! Кстати, отвечая потом в Петербурге на вопрос корреспондента о самом красивом месте России, Кудашева не задумываясь ответила: «Байкал».

В начале июля путешественница была в Иркутске, 22 августа — в Красноярске, где впервые за весь путь

сделала остановку на неделю. Отдых был вынужденным: сбила в кровь лапы собака да и Монголик что-то закапризничал.

К первому октября Кудашева добралась до Омска. Здесь случилась еще одна остановка, но уже по более приятной причине — из-за многочисленных встреч с казаками воинских частей. Пришлось даже изменить маршрут. По просьбе воинского начальства Кудашева поехала не трактом, а станциями Второго Отдельного Сибирского казачьего войска.

До Урала путь прошел сравнительно спокойно. 6 января 1911 года Кудашева прибыла в Челябинск, а в конце января перевалила Уральские горы. В марте она была в Казани, в апреле — в Нижнем Новгороде, а в первых числах августа, преодолев двенадцать тысяч шестьдесят верст (12865 километров), прибыла в Петербург.

О Кудашевой в то время много писали российские газеты, она удостоилась высочайшего приема, ее имя попало на страницы Военной энциклопедии.

Во второй половине 1913 года Кудашева отправилась во второе путешествие. На этот раз по маршруту Владивосток — Петербург. Местный конезаводчик Яновский предоставил ей чистопородного жеребца по кличке Крит, который на Владивостокском ипподроме завоевал несколько призов, незадолго до этого вернулся из двухтысячверстного пробега по Корее. Однако начавшаяся первая мировая война прервала второе путешествие отважной казачки.

Подвиг Александры Григорьевны Кудашевой оказался заразительным.

В 1935 году жены начсостава пограничной школы имени К. Е. Ворошилова проскакали девятьсот километров по маршруту Большая Ижора — Москва.

В 1936 году в июньскую Москву прибыла группа всадниц, жен командиров-пограничников. Их было девять, и прошли они верхом около двух тысяч километров.

Забайкальский участок маршрута Кудашевой прошла в 1935 году группа жен начсостава. Вот их имена: Леонгина Адамовна Губарь и Антонина Степановна Маликова — жены командиров взводов, Ефросинья Сергеевна Хацкилевич — жена старшины, Анна Максимовна Татарина — жена военфельдшера. Жены краскомов поставили еще и рекорд скорости: пятьсот тридцать километров они прошли за пять дней и шесть часов.

Рисунок В. Вельбова

ЖЕЛТЫЙ

Эдуард ЯКУБОВСКИЙ

Сорок лет назад издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник рассказов «Встреча над Тускаророй». Автором сборника был никому не ведомый начинающий писатель Иван Ефремов. Никому не ведомый — это в литературе. Имя Ефремова уже тогда хорошо знали палеонтологи и геологи, а вот всесоюзная известность пришла к нему лишь после выхода этого первого сборника, содержащего семь рассказов. Кстати, стоит упомянуть и такой удивительный факт — в том же 1944 году эти рассказы были напечатаны в «Новом мире» и изданы Военмориздатом.

В «Новом мире» — рассказы, которые мы без преувеличения относим к фантастике? Рассказы, которыми начался путь писателя-фантаста Ивана Ефремова? Сейчас такое кажется невероятным. Но это было, и стоит только удивляться смелости редакторов, опубликовавших произведения, как сказали бы сейчас, несколько нетрадиционного жанра.

Впрочем, может быть, самой судьбой предназначалось издать именно в 1944 году эти рассказы и этого автора. Написанные в годы войны, они несли в себе «небывалый заряд оптимизма, веры в человека, в то, что свое счастье он добывает своими руками. А вышли в свет произведения Ефремова в тот год, когда Советская Армия изгнала врага из пределов страны. Так, за то время, что рассказы готовились к печати, стало ясно — восторжествовала борьба за правое дело, которым проникнуты эти первые произведения впоследствии знаменитого писателя. Образы смелых, преодолевающих все трудности, устремленных вперед, окрыленных романтикой людей, о которых писал И. Ефремов, ассоциировались с образами советских воинов, победоносно вступающих в Западную Европу.

Самые разные темы затронуты в первых рассказах И. Ефремова. Здесь и неведомый зверь, живущий в песках («Олгой-Хорхой»), и находка месторождения руты («Озеро горных духов»). На самом первом рассказе писателя «Встреча над Тускаророй», давшем название сборнику, хочется остановиться отдельно.

«Немало лет назад я плывал старпомом на довольно большом пароходе «Коминтерн», — так начинается повествование И. Ефремов. И тут же приводит дату — 1926 год. Дата не только для придания правдоподобности рассказу. Она лишь на год-другой расходится с датой в биографии писателя — он в 1924 году был штурманом на Камчатке, в 1925-м — штурманом гидрографического бота на Каспии.

Что же произошло над Тускаророй, одной из глубочайших впадин в океане? «Резкий толчок и последовавший за ним глухой удар потрясли корпус судна...» Стало ясно, что «Коминтерн» на что-то налетел. На что? Под воду пошел начальник водолазной партии, бывший на судне. И что же он увидел? «Потонувший корабль — очень старый деревянный большой парусник». Наполненный пробкой, он с момента кораблекрушения в 1793 году странствовал по морям, погрузившись в воду, но так и не затонул.

Автор вместе с руководителем водолазов спускается под воду. Там, в каюте капитана, он находит коробку с металлической гильзой, а в ней — бумаги. В рассказе

с очень четким сюжетом — столкновение кораблей двух эпох — появляется еще один сюжет — записки капитана корабля «Святая Анна» Эфраима Джессельтона, датированные 1793 годом. Этот капитан, зачерпнув воду из глубин океана, обнаружил ее целебные свойства.

Рассказ в рассказе — для иного писателя и этого много. Но Ефремов не останавливается — у него в запасе еще один ход. Героя рассказа переводят на корабль «Енисей», на нем он заходит в Кейптаун. Там, в портовом кабаке, слышит, как девушка поет песню о капитане «Святой Анны». Оказывается, певичку зовут Анной (Эни) Джессельтон, она дальняя родственница того самого Эфраима Джессельтона, чьи бумаги найдены на затонувшем корабле. Но напрасно автор убеждает девушку в том, что ему очень интересны все детали из жизни капитана XVIII века, что он интересуется личностью Джессельтона, чьи бумаги находятся на его судне. Девушка ему не верит...

Три рассказа — как матрешки, один в другом. Но главный все же первый — о старинном парусном судне, с которым столкнулся «Коминтерн». Не будь его, не было бы и возможности спуститься под воду, найти бумаги, прочитать их. Повествование это настолько реалистично, что поневоле начинаешь задавать себе вопрос — а не было ли чего подобного с самим И. Ефремовым? Ведь уже говорилось, что он плывал штурманом у берегов Камчатки и на Каспии.

Нет, с писателем, насколько известно, ничего подобного не произошло. Случилось это с другими людьми (и с другими судами), и, вероятно, штурман Ефремов знал об этом.

Было это ровно за тридцать лет до поданной писателем даты — в 1896 году. Капитан Дрилле делал запись в судовом журнале (этим занимался и один из героев рассказа Ефремова), и вдруг судно «Эдуард Деталл» содрогнулось от удара. Как сразу же выяснилось, большой тремачтовый корабль утратил скорость. Это было не менее непонятно, чем удар о что-то при глубине моря в том месте в три километра. Ветер продолжал дуть, мачты аж гнулись, но судно почти не двигалось с места, при каждой волне ударяясь о что-то массивное. Руль вправо ходил только на пять градусов, а влево — несколько. Была ночь, и увидеть что-нибудь на воде никто не мог. Напрасно матросы мочили в нефти куски канатов, зажигали их и бросали за борт. К утру удары утихли, и на рассвете моряки с ужасом увидели, что под их кораблем находится корпус другого судна...

Знал ли Ефремов об этом случае? Похоже, что да. Ведь его рассказ во многом повторяет детали того, что случилось в конце прошлого века. Здесь и заполнение корабельного дневника в момент, предшествовавший столкновению, и само столкновение над многокилометровой толщей моря, и тот факт, что кто-то из экипажа корабля спускался под воду. Правда, у Ефремова дело происходит не просто в океане, а над одной из его глубочайших впадин, спускается не просто пловец, а два водолаза, в том числе и автор рассказа, старинный корабль не сам отцепляется, а приходится применять взрывчатку, и так далее. И уж, конечно, ничего не было дальше — ни записок Джессельтона, ни последующей встречи с певичкой.

ГОЛЛАНДЕЦ

Но это вполне естественный вымысел, допущенный писателем, вымысел, без которого не было бы и прекрасного рассказа.

Описанный случай не единственный. Морские хроники сохранили сотни рассказов очевидцев о встречах с брошенными или потерпевшими крушение кораблями. Так, в 1923 году вахтенные одного из судов, обходивших Огненную Землю, увидели вдали корабль. В бинокль можно было разглядеть, что выглядит он 'странно — мачты, реи, обрывки парусов, весь корпус, наконец, словно были сотканы из зеленых кружев.

Самые смелые моряки сели в шлюпку, отправившись на встречу с невиданным кораблем. С трудом взобрались на палубу. Все было зелено — от водорослей, покрывавших судно. Нашли останки экипажа, отыскивали какие-то документы. Из них явствовало, что они находились на судне «Мальборо», приписанном к Глазго. Но ведь этот корабль пропал, совершая в первых днях нашего столетия рейс из Новой Зеландии в Англию.

Вот такие встречи, вероятно, и породили легенду о Летучем голландце. Родилась она еще в период великих открытий XV века и родилась, это можно смело утверждать, на вполне реальном фоне. Суда с командой мертвецов дали пищу рассказам о капитане, обреченном вместе с судном вечно носиться по морю, никогда не приставая к берегу. Встретить Летучего голландца — не к добру, вслед за этим может последовать кораблекрушение. Но, говорят, что иногда с борта этого судна-призрака окликают проходящий корабль, и на его палубу шлепается мешок с письмами. Адресовапы они людям, давно уже ушедшим из жизни.

«В основе легенды лежит образ смелого мореплавателя, поплатившегося за свою отвагу и вызов бурям», — так писали о Летучем голландце в Большой Советской Энциклопедии (2-е издание). В период, когда создавалась эта легенда, предпринимчивыми были голландские моряки. Не удивительно, что со временем так стали называть и реально существовавших мореплавателей — ван Стратема, ван дер Декена. Говорили, что Летучий голландец осужден за безбожие. Но безбожие это было по сути вызовом богу. Судите сами, капитан бросал проклятия небесам тогда, когда бури не позволяли ему совершать намеченное плавание — вокруг островов, в проливе. И по воле небес экипаж обрекался на вечное странствие по морям.

Легенда, пусть даже подправленная священнослужителями, говорила о силе духа, смелости тех, кто ходил по безбрежному океану. Безбожие, богохульство, а в некоторых вариантах легенды даже попытка продать душу дьяволу — это все не за наличное золото, не за какие-то блага. Капитаны проклинали небо (а кто еще мог насладиться бурей?) за то, что не могли продолжать свой путь так, как хотели, за то, что кто-то (пусть сам бог!) становился на их пути.

К образу Летучего голландца обращались В. Скотт, В. Гауф, Г. Гейне, а Р. Вагнер написал оперу «Летучий голландец»...

А в наши дни? Есть ли и сейчас шанс встретить брошенный, скитающийся корабль? Есть. Самым легендарным и самым достоверным является пароход «Бейчимо», прозванный «Летучим голландцем Аляски». Начал он свою

службу в 1921 году, перевозя припасы на фактории, лежащие на берегах морей — Берингова, Чукотского и Бофорта. В 1931 году льды затерли «Бейчимо» у берегов Аляски, а команда, опасаясь за свою жизнь, сошла на сушу. Наступила зима, и после обмена радиограммами решили часть людей эвакуировать самолетами, что и было сделано. На прибрежном льду остались капитан Джон Корчуэлл и 14 моряков.

Они сколотили неплохой домик, топлива было вдоволь, равно как и консервов, взятых с корабля, тюленьего мяса, купленного у эскимосов. Так надо было прожить семь месяцев и дожидаться следующего лета. Надзора требовал не только сам корабль — в его трюмах находились все меха, целый год перед этим скупаемые факториями.

Все, казалось, было предвидено заранее. Но после одной из снежных бурь моряки увидели, что корабль исчез. Спустя какое-то время один из эскимосов сообщил, что видел «Бейчимо» в сорока пяти милях от этого места.

Капитан решил выгрузить меха, нанял эскимосов и на собачьих упряжках стал вывозить ценный груз на берег. Через пятнадцать дней «Бейчимо» снова исчез. В марте 1932 года судно вновь пришло к тому месту, где начало свое «самостоятельное» плавание. Местные эскимосы решили спасти остатки пушнины, за что, кстати сказать, была объявлена награда. Они залезли на корабль, а спустя несколько часов лед начал двигаться, и «Бейчимо» ушел в море.

Десять дней болтались на нем эскимосы и, наверное, здорово проклинали «Дух корабля», наказавший их. Важно то, что когда после долгого путешествия они смогли вылезти на лед, больше ни один эскимос не поднялся на борт корабля.

В 1934 году к «Бейчимо» подходила шхуна, ее экипаж осматривал судно. Встречали его и в 1939 году. Корабль был в прекрасном состоянии. Видели «Бейчимо» и позже. Кто знает, не дожил ли он до сегодняшнего дня?

В 1951 году капитан одного из канадских судов увидел айсберг, а на нем что-то, напоминающее два глаза. Подошли ближе. Во льду на высоте 50—60 метров находились два парусника. Они стояли рядом, бушприты были повернуты в одном направлении. Ничего нельзя было сделать — ни залезть на айсберг, ни увести его в сторону. Он так и ушел. После сообщения об этом ученые пришли к выводу, что это были исчезнувшие в 1845 году суда полярной экспедиции Джона Франклина — «Эребус» и «Террор».

Середина прошлого века — этого мало? Тогда вот еще один случай. Как-то эскимосы рассказали, что когда-то видели в ледовых полях корабль. Какие? Эскимосы не знали. Но рисуют они превосходно, и вот на бумаге появились очертания... испанских галеонов. Такие были и в «Непобедимой армаде». Где они сейчас? Затонули или до сих пор плавают вместе со льдом? Неизвестно. Можно только пожелать, чтобы галеоны попались на глаза полярным исследователям, чтобы их можно было высвободить из многовекового ледового плена и привести в ближайший порт. Какой был бы подарок науке эти «Летучие голландцы»!

Виктор ВОРОБЬЕВ

План захвата утвержден!

Трудными сложились пятидесятые годы для уголовного розыска в Свердловске. Один за другим уходили на заслуженный отдых те, кто боролся с преступниками в Великую Отечественную войну, многое умел, знал. На смену ветеранам пришел большой отряд молодежи — смелой, энергичной, но без опыта.

Положение усугубилось тем, что в городе неожиданно объявились «медвежатники», как называли взломщиков сейфов. А казалось, эта уголовная особь вымерла в стране еще до войны...

Середина апреля 1957 года выдалась в городе почти пол-летнему жаркой, душной, пыльной. И странно выглядели на улицах одетые еще по-зимнему люди.

— Ух, и денек сегодня! — сказал, входя в свой рабочий кабинет и утирая лицо платком, старший оперативный уполномоченный городского Управления внутренних дел Михаил Фролов.

— Похоже, Миша, будет еще жарче, — капитан Александр Васильев загородил собой стул, к которому двинулся Фролов. — Идем к шефу, он уже раза три о тебе справлялся.

— Что-то серьезное?

— Похоже. Алексей Степанович нервничает.

Начальник отделения уголовного розыска по особо важным делам майор милиции Жданов, хмурясь, вычитывал суточную оперативную сводку, которая сегодня походила на донесение с поля боя. Едва оперуполномоченные притворили за собой дверь, он, напряжившись, встал и, выйдя из-за стола, быстро заговорил:

— Ночью ограблена касса треста «Уралдомнаремонт»: взломан сейф,

похищены деньги. На месте происшествия находится оперативная группа Верх-Исетского отдела. Направляем вас в помощь верхисетцам. Машина у подъезда. Обо всем серьезном докладывать мне. Вопросы есть?

— Все ясно, товарищ майор, — ответил Фролов.

Уже третий год трудились они в паре. Их называли счастливыми. Энергичный, эмоциональный Фролов отличался умением быстро сходиться с людьми и располагать их к открытости. Крепкий, неутомимый, он мог работать сутками без сна и отдыха. Спокойный, рассудительный Васильев как нельзя лучше дополнял Михаила. Возможно, это различие характеров и было основой их дружбы.

Однажды они трое суток провели в засаде на квартире, где преступник хранил украденные вещи. В нетопленном частном доме было страшно холодно, а у печи лежала вязанка дров. Но конспирацию они все-таки не нарушили. Спали на тонкой рогожной подстилке, ели каменный хлеб, запивая его ледяной водой, и тот, кого ждали — вор по прозвищу Краж, — пришел.

И сейчас они ехали на место происшествия с мыслью об удаче.

Однако после скрупулезного осмотра помещения оптимистические надежды начали быстро рассеиваться. Как это нередко случается, до приезда работников милиции чрезвычайно любопытные успели истоптать пол, проверить на ощупь и даже передвинуть некоторые вещи. Экспертам-криминалистам и оперуполномоченным работы оказалось неловко. Фролов обратил внимание на то, что сейф разрезан неумело, у «газосварщика» явно низкая квалификация. Но можно ли этот корявый шов назвать находкой, заслуживающей пристального внимания?

А Жданов между тем нетерпеливо ожидал телефонного звонка.

— Значит, ничего существенного не обнаружили? — переспросил Михаил майор.

— Чистая работа, Алексей Степанович, совершенно не за что ухватиться...

С трудом подавив в себе раздражение, Жданов сказал:

— Не спешите закончить осмотр. Подробно опросите всех, кто связан с кассой. Собирайте как можно больше фактов, деталей, мелочей. Возможно, среди них окажется зерно истины.

— Понял вас, товарищ майор.

Они появились в управлении, когда все другие давно разошлись по домам. Алексей Степанович встретил друзей улыбкой и пахучим, густо заваренным чаем:

— Ну как, соколики, намаялись?

Чего, чего, а такой встречи уполномоченные, явившиеся практически с пустыми руками, не ожидали.

— Взбодрились? — спросил через несколько минут Жданов.

— Взбодрились!

Докладывал Михаил: вчера в 17.10 в тресте начали выдавать зарплату. Обычно кассир не прекращала работы до тех пор, пока все рабочие не получат деньги. Но тут случилось непредвиденное — ее сына укусила собака, и женщина, закрыв кассу, ушла домой. Оставшуюся сумму она положила в сейф. В полночь произошла еще одна случайность — сторожа увезли на «скорой» с приступом аппендицита. Вызвали сменщика, но он прибыл с опозданием, причем негрезвый. Утром, проснувшись, сторож решил обойти здание. Тогда и обнаружил, что стекло одного из окон первого этажа вырезано и выставлено. Растерявшись, он стал названивать руководству треста, но не в милицию.

Оперативники проверили людей, не получивших зарплату: возможно, кто-то из них воспользовался ситуацией и ограбил кассу?

— И что же? — спросил Жданов.

— Все — кадровые рабочие, с безупречной репутацией. Проверили

и семьи. Практически целый день занимались обработкой этой версии, но... — Михаил замолчал.

Слушая старшего лейтенанта, Жданов время от времени делал короткие записи в рабочей тетради, размышлял: кто они, эти «медвежатники»? Местные или гастролеры? Случайно ли вышли на кассу треста «Уралдомнаремонт» или по наводке? Удачливые новички или матерые, имеющие не одну судимость преступники?

Словно разгадав мысли майора, Фролов высказал предположение:

— Судя по тому, что грабители свободно ориентировались в помещении треста, не обошлось без наводчика. Мы провели выборку лиц, имеющих судимости и работающих сейчас в тресте, всех уволившихся с предприятия в течение последних шести месяцев и принятых на работу в этом году...

«А ребята сделали за день очень немало, хотя — ничего существенного для раскрытия преступления», — отметил про себя Жданов.

— Завтра получите подкрепление, а сейчас — по домам.

Они отказались от предложенной

Ждановым машины. Хотелось перед сном побыть на свежем воздухе и, может быть, еще раз обдумать итоги дневной работы.

Фролову показалось, что весь день они с Александром кружили у той самой точки опоры, с помощью которой можно «перевернуть землю» — найти грабителей. Еще и еще раз восстанавливая события дня, Михаил вспомнил фразу, оброненную сторожем: «Приходил тут один мужичок, в охранники хотел наняться. Поинтересовался, тяжело ли вахту нести, побродил по двору, по зданию, осмотрел все, а потом ушел, да так больше и не появился. А мужичок заметный: невысокий, плотный, факсатый, в черной фуфайке и в кепок-восьмиклинке». В тот момент Фролова отвлек каким-то вопросом эксперт-криминалист, а когда он возобновил опрос сторожа, старик снова начал рассказывать о том, как увидел выставленное окно и как у него по спине поползли мурашки.

«Не тут ли концы?.. Тут!.. — с досады Фролов даже ругнулся. — Завтра обязательно надо еще раз опросить сторожа...»

Заснул Михаил мгновенно. Но отдохнуть в ту ночь ему так и не довелось: в пять утра разбудил посыльный из Управления: нужно срочно выезжать на улицу 8 Марта, 4, где ограблена касса Облпотребсоюза.

Едва прибыв на место, Михаил подошел к сейфу, стало ясно: здесь «поработали» те же самые преступники, что и в тресте «Уралдомнаремонт». Шов от автогена был почти идентичен: неровен, груб, коряв. Не мешкая, спросил сторожа:

— Не подходил к вам молодой мужчина с намерением устроиться работать ночным охранником?

— Как же! — оживился сторож. — Подходил. Дней пять тому. Сначала осмотрел здание, а потом говорит: «Не знаю, отец, смогу ли быть сменщиком твоим. Справлюсь ли? Уж больно помещение большое». А как ушел, так больше и не появился.

— Вы запомнили его внешность?

— Да я его из тысячи человек узнаю! Лицо круглое, скуластое и совсем безбровое. Одет простенько: кепка-восьмиклинка, черная фуфайка, хромовые сапоги. На одном из зубов — коронка. Так что мужик заметный.

Вскоре на место происшествия приехали Жданов и начальник отдела уголовного розыска полковник Теуша. Их озабоченность понять было трудно: подряд два хищения крупных сумм. Такого даже во время войны не случилось.

Васильев в это время говорил с кассиром — хмурым молчаливым мужчиной, который на все вопросы отве-

чал односложно: «не помню», «не знаю», «не могу ничего сказать определенного».

«Да. Похоже надо заканчивать», — Александр было встал со стула, как вдруг кассир встрепенулся и неожиданно громко воскликнул:

— Вспомнил!

— Что вспомнили?

— Вспомнил! — возбужденно повторил кассир. — Вспомнил, что, уходя домой, положил деньги близко к дверце сейфа.

— Ну и что же?

— Как — что?! — удивился кассир непонятливости капитана. — Ведь когда они выжигали дверцу сейфа, то огнем непременно подпалили деньги!

— А дефектные деньги можно обменять на полноценные только в банке, не так ли?.. — уловил мысль кассира Васильев.

Осмотр места происшествия группа Фролова закончила только перед обедом. Наскоро перекусив, оперуполномоченные собрались в кабинете Теуша. Едва сотрудники отдела расселись, Лев Маркович представил слово Фролову.

— Только прошу конкретнее, без воды, — жестко сказал полковник.

— Нам удалось установить, — начал доклад Фролов, — что и накануне-

Рисунки В. Сухова

не ограбления кассы треста «Урал-домнаремонт», и перед сегодняшними событиями к сторожам подходил человек, якобы с намерением устроиться на работу в охрану. Его приметы: рост — ниже среднего, плотный, с круглым безбровым лицом. На одном из зубов — золотая коронка. Одет: кепка-восьмиклинка, черная фуфайка, хромовые сапоги. Полагаю, что это один из «медвежатников» или человек, с ними связанный. Судя по стилю одежды, он — карманник.

С Михаилом согласились, но каждый из присутствующих не без сомнения подумал: вряд ли преступники столь откровенно станут себя «засвечивать».

— А не подкинули нам «медвежатники» этой бутафорией фальшивый билет? — спросил полковник Фролова.

— Думаю, карманник не главное действующее лицо, — отставил свое мнение Михаил. — Скорее всего — третьестепенное, которому отведена роль наводчика. А вот такой детали, как одежда, они просто не придали серьезного значения. Поэтому предлагаю версию «Карманник».

— Возражения есть?

— Вариант не без слабостей, но принять можно. Устанавливать без-

брового все равно надо, — сказал Жданов.

— Версия «Карманник» принимается, — резюмировал Теуш и обратился к Васильеву: — Каковы ваши соображения?

Александр подробно изложил беседу с кассиром.

— А рискнут грабители менять деньги?.. Но все же мысль о Госбанке интересная, — сказал полковник.

Три недели Фролов и Васильев регулярно, как на службу, приходили в Госбанк, что на перекрестке улиц Малышева и Вайнера. Приходили с тайной надеждой, что увидят тех, кого надо.

Наконец настала очередная суббота: стояло теплое, солнечное утро. Появившись в Госбанке, Фролов привычно обменялся взглядами с кассовыми работниками, которые уже хорошо знали его. Понял: пока без изменений. Михаил привычно взял бланк приходно-расходного ордера, сел за стол. У входа, деловито рассматривая газетные полосы, стоял Васильев. За одним из других столов заполняли бланки несколько женщин. Между ними, небрежно закинув ногу на ногу, сидел узкогрудый, с маленьким острым лицом и горбатым носом мужчина лет тридцати. В руках — ордер, но, похоже, он думал не над его заполнением, а над чем-то другим, потому что ни на мгновение не отрывал от дверей беспокойного взгляда. Горбоносый невольно привлек внимание Фролова. Михаил интуитивно почувствовал, что тот кого-то поджидает, и решил понаблюдать. В это время в помещение Госбанка вошел невысокий, плотный парень в кепке-восьмиклинке и, не мешкая, направился к свободному окну. Едва он начал разговор с кассиром, как женщина подала условный сигнал, означавший, что клиент пришел менять обожженные деньги. Михаил махнул рукой Васильеву, и Александр, сложив газету, поспешил на помощь товарищу.

К парню, державшему в руках обожженные деньги, они подошли вместе.

— Мы из уголовного розыска. Прошу пройти с нами, только, пожалуйста, без фокусов.

Парень обернулся, посмотрел на стоявших рядом оперативников и с недоумением, без тени беспокойства, спросил:

— Пройти с вами? Но, извините, зачем?

По тону голоса, по хладнокровному поведению, по спокойному взгляду Михаил понял, что молодой человек — не совсем тот, кого они здесь поджидают. Однако парень держал в руках три пачки обожженных десятирублевков,

Фролов развернул удостоверение. Парень внимательно всмотрелся в документ и, подняв голову, равнодушно обронил:

— Хорошо, я к вашим услугам.

Тем временем горбоносый неторопливо вышел из-за стола и медленно, вальяжной походкой скучающего бездельника направился к выходу. По тому, как задержанный метнул ему в спину встревоженный взгляд, Михаил интуитивно почувствовал, что это люди из одной связки и, похоже, главное действующее лицо — горбоносый.

«Надо немедленно его догнать!» — решил старший группы.

— Гражданин, следуйте за нами! И попрошу — быстрее.

Михаил надеялся увидеть горбоносого на улице. Но узкоплечей фигуры среди редких прохожих не оказалось — горбоносый как сквозь землю провалился.

Беседовать с задержанным решили в кабинете Жданова.

Парень в восьмиклинке с иронической улыбкой рассматривал работников милиции. Его нагловатый взгляд словно говорил: «Ну, ну, хлопчики, потолкуем за жизнь. Может быть, вы мне что-нибудь забавное расскажете? Я вас охотно выслушаю. Мне торопиться некуда».

— Я начальник отделения уголовного розыска по особо важным делам,— сказал Жданов.— И хотел бы...

Задержанный бесцеремонно преврал Алексея Степановича:

— Меня, гражданин майор, ваша должность совершенно не интересует. Скажите лучше, чем обязан вниманию свердловской уголовки. У меня еще не было времени наследить в прекрасном городе на Исети. Я только-только вернулся из мест, как у вас говорят, не столь отдаленных. Вот мое алиби.— И парень, вынув из бокового кармана аккуратно сложенную бумагу, протянул ее Жданову.

Это была справка об освобождении из мест лишения свободы. «Ильин Григорий Петрович»,— прочитал майор. Он приехал в Свердловск вчера во второй половине дня и поэтому в совершении краж из сейфов участия принимать не мог.

— И все-таки, гражданин Ильин, вам придется объяснить, при каких обстоятельствах вы стали обладателем обожженных денег,— жестко сказал майор.

— А почему я должен об этом рассказывать?— спросил Ильин.

— Потому что порченые десятирублевки, которые вы пытались обменять в Госбанке, украдены у государства. Вам, Григорий Петрович, очень близко знакомому с уголовным кодексом, нет нужды разъяснять, что такое госкража.

— Деньги я нашел в привокзальном сквере. Иду по дороге, смотрю: что-то лежит завернутое в тряпочку. Поднимаю, разворачиваю, глазам не верю— три пачки десятирублевок! Правда, обожженные, но ничего, думаю, обменяю на нормальные. К сожалению, не удалось. Но я не претендую на эти деньги. Уж коль они государственные, то пусть и принадлежат государству.

Майор внимательно следил за поведением Ильина, который пытался играть роль этакого зубра преступного мира. Лобовой атакой его, конечно, не расположить к откровенности, он прекрасно сознает свою неуязвимость. А «разговорить» Ильина обязательно надо. Вытянуть из него хотя бы описание внешности «медвежатников».

— Григорий Петрович, я почти готов поверить, что деньги вы действительно нашли в привокзальном сквере. И поверил бы, если бы передо мной сидел какой-нибудь мелкий ворышка, промышленный хозяйственный сумками. Но вас-то, человека, так сказать, с авторитетом и солидной репутацией в мире карманников, такая «байка» не унижает?.. Если уж придумывать, так давайте что-нибудь более достойное вас, а? Впрочем, не лучше ли разойтись нам

с вами по-джентльменски? Вы опишите внешность тех, кто попросил вас обменять деньги в Госбанке, а мы вам скажем: «Счастливого пути!» Идет?

— Идет,— согласился Ильин, немного подумав.— Помню одного. Узкоплечий, невысокий, с горбатым носом. Больше о нем ничего не скажу, потому что сам его не знаю, и наверняка после моего визита к вам мы с ним больше не встретимся.

— Ну что ж, спасибо и на том,— майор повернулся к Фролову:— Надо организовать Григорию Петровичу срочный выезд в родные края.

— Понятно, товарищ майор.

— Однако ловкие ребята, эти «медвежатники»,— невесело усмехнулся Жданов, когда работники уголовного розыска остались в кабинете одни.— Подсунув нам Ильина, они убили сразу двух зайцев. Во-первых, установили, что их усиленно ищут, и, во-вторых, поняли, что поиски ведут люди малоквалифицированные, поскольку легко клюют на дохлого червяка.

При этих словах Фролов и Васильев виновато опустили головы.

— Но,— с лукавым прищуром взглянув на оперативных уполномоченных, продолжал говорить майор,— мы хотя и падаем на ровном месте, однако идем верной дорогой. «Медвежатники» отнюдь не случайно использовали для обмена денег Ильина. Ведь он— карманный вор. А ворон ворона видит издали. Кстати, теперь нам знакома личность «медвежатника», с которым один из наших сотрудников имел честь сидеть в Госбанке чуть не за одним столом,— ироничной улыбкой закончил Жданов. И после короткой паузы добавил:— Нам надо быть бдительными. Возможно, эти два преступления— не последние.

Начальник отделения как в воду смотрел. В течение последующих двух месяцев еще четыре раза посыльные поднимали Фролова ранним утром и говорили одну короткую, оглушающую, как взрыв снаряда, фразу: «Миша, вставай! Опять сейф». Работники милиции в буквальном смысле сбивались с ног: ночные дежурства, патрулирование, засады, рейды, профилактические беседы, проверки и перепроверки всех судимых, всех подозреваемых, особенно тех, кто хоть когда-либо учился газосварному ремеслу, усиленная охрана государственных объектов и сберегательных касс. Принимались самые широкие меры для поиска преступников, и казалось, те уже давно должны были быть схваченными, но проходили дни, недели, а «медвежатники» оставались неуловимыми. Они даже не считали

нужным корректировать свой «стиль работы»: везде действовали по образцу первой кражи. Лишь в цехе завода «Пластмасс» изменили своим привычкам. Кроме денег, из взломанного сейфа взяли стабилизатор и линзу для телевизора— в ту пору очень дефицитные вещи.

После осмотра места происшествия и первоначального опроса перенесла заводской кассы Жданов сказал оперативным уполномоченным:

— Прошу особое внимание обратить на линзу и стабилизатор. Наверняка их похитили, чтобы сбыть. Они ведь дорого стоят. Поэтому необходимо взять под контроль все каналы возможного сбыта краденых вещей.

...В тот вечер оперуполномоченные дежурили в трамваях— излюбленных местах «работы» карманников. И невольно стали свидетелями разговора двух женщин.

— Да, тебе здорово повезло,— не без чувства зависти говорила одна.— Сразу и линза, и стабилизатор подвернулись!

— Переплатила, конечно, но зато какая красота смотреть фильмы по телевизору с линзой. И в кино ходить не надо.

— Да, за такие вещи и переплатить не жалко,— отозвалась собеседница.

Фролов чуть было не подпрыгнул на сиденье, когда услышал слова «стабилизатор» и «линза». Он толкнул в бок Васильева, прошептал:

— Уж не о наших ли идет речь?

Приглашенная в Управление внутренних дел счастливая обладательница дефицитных вещей растерянно и обескураженно сказала:

— Я купила их вчера у сапожника, в Ивдельском переулке. Фамилию его не знаю. Слышала лишь, что зовут то ли Михеем, то ли Моисеем.

Вещи оказались те самые, что были похищены на заводе.

Сапожника решили в Управление не приглашать. Фролов его знал, ему и поручили с ним переговорить. Это был известный в городе мастер Исаев.

Едва Фролов зашел в каморку к сапожнику, тот, поприветствовав его, заговорил:

— Догадываюсь, Михаил Павлович, что привело тебя в мои хоромы.

— У кого, Михай Сафронович, купили стабилизатор и линзу?

— Позавчера принес мне их Колька-Моргун.

— Это тот— чернявенький, со шрамом? Живет на Челюскинцев?

— Да, тот самый. Карманник. Опять, видать, за старое взялся.

— А мы его как раз проверяем сейчас!.. Он один приходил к вам?

— То-то и оно, что де один— с дружками. Я-то сразу двух типов

приметил, один носатый такой, но виду не подал. Они тут рядышком маячили, а потом пошли вслед за Колькой. Конечно, я догадывался, откуда эти штуковины, — потупился Исаев, — но как откажешься купить. Милиция-то далеко, а Моргун с компаней — вот они.

Моргун задержали вечером. Увидев Фролова, тот картинно раскланялся:

— Сердечно рад встрече!

— Ну, положим, Николай Семенович, не так уж и рад ты нашей встрече, как об этом заявляешь. Скорее наоборот — обеспокоен и раздосадован, — сказал Фролов.

— А что мне беспокоиться, гражданин капитан? Перед уголовным кодексом я теперь чист. Даже общественный порядок еще не нарушал, хотя на свободе уже почти два месяца.

— Ну что же, давай проверим чистоту твоей души, парень.

Моргун насторожился. И не без тревоги в голосе спросил:

— А что вы имеете в виду, гражданин уполномоченный?

— Я имею в виду, Николай, стабилизатор и линзу для телевизора,

которые ты продал сапожнику в Ивдельском переулке.

— Ах, линзу и стабилизатор! — облегченно вздохнул карманный вор. — Так я их купил на базаре у какого-то мужика.

— Внешности его, конечно, ты не запомнил?

— Я, Михаил Павлович, на продавцов не смотрю, когда что покупаю.

В кабинете наступила тишина. Фролов с безразличным видом подошел к окну, закурил, поправил занавеску и, глубоко затянувшись, сочувственно заметил:

— Не понимаю, Николай Семенович, зачем вы сменили специальность? Были вы карманником, как вдруг — государственные кражи, да еще сейфы. Знаете, чем это пахнет?..

Негромкий, размеренный голос Фролова, оглушающая по смыслу последняя фраза: «Может быть и «вышка», то есть — расстрел», — действовала на Моргуна.

— Какая госкража? Что вы говорите, гражданин уполномоченный?!

— Стабилизатор и линза, которые вы навязали сапожнику Исаеву, похищены на заводе «Пластмасс» три дня назад. Там же взломан сейф и украдены деньги. Вот протоколы изъятия и опознания украденных вещей — можете ознакомиться.

Колька побледнел.

— Я все скажу, я все скажу! — От его самоуверенности и горделивого вида не осталось следа. Весь обмяк, сгорбился, сник и казался совсем маленьким, почти ребенком. — Мне их дал перепродать Федька Селетков. Мы с ним лет пять назад вместе за карманные дела в тайгу ходили.

— Где живет?

— Восьмого марта, семь. А квартиру не знаю.

— Его дружки?

— Знаю только одного — по кличке Шкраб.

— Сенька Леонов?! — удивленно воскликнул сидевший в кабинете Васильев. — Старый знакомый.

На другой день долго совещались у Теуша.

— Значит, решили, — подвел итог Лев Маркович. — С Леонова и Селеткова глаз не спускать, необходимо выявить все их связи.

— Предлагаю привлечь к работе городской оперативный комсомольский отряд, — сказал Михаил.

— Дельная мысль. Принимается. Подумайте, Фролов, в какой форме и на какой стадии можно будет это сделать. Да только чтобы ребята не перестарались.

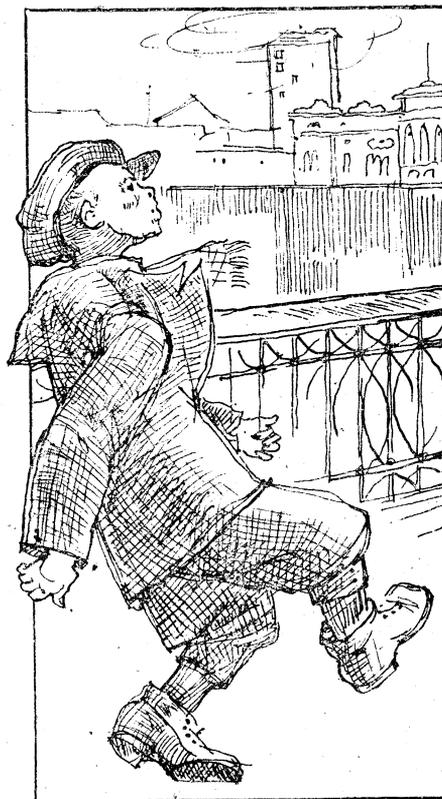
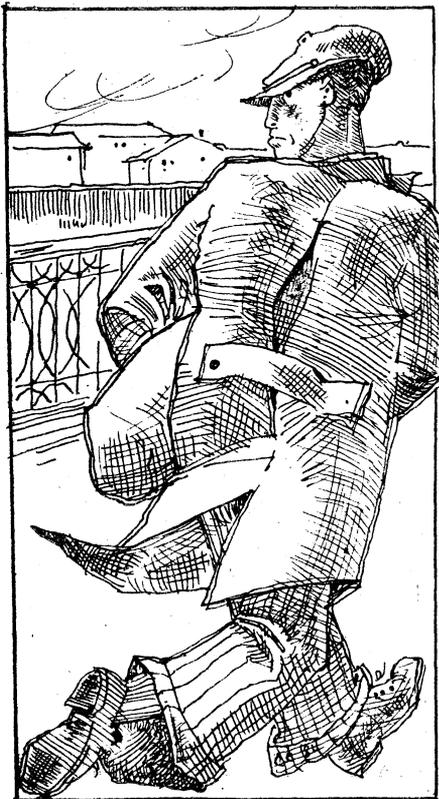
...Михаил пригласил в Управление студента юридического института Сергея Васкива. Невысокий, крепко сбитый двадцатилетний парень, тот

был членом городского оперативного комсомольского отряда. Самбист-перворазрядник, он отличался не только решительностью, но и смекалкой. Сергей уже больше года помогал Михаилу в работе: сначала выполнял мелкие поручения — брал объяснения с потерпевших, выезжал на патрулирование, иногда — на задержания, а потом, постепенно, стал приобщаться и к розыскным мероприятиям. И вот теперь ему предстояло выдержать серьезный экзамен.

— Скажу откровенно, Сережа, — объяснял Фролов, — дело предстоит нелегкое, далеко не безопасное. Возьмешь с собой ребят из отряда, будете дежурить у дома номер семь по 8 Марта. Каждому выдадим фотоаппарат. Неплохо, если будете с девушками, — это меньше настораживает преступников.

— В чем, Михаил Павлович, будет заключаться наша задача?

— Я покажу вам человека, которого надо будет фотографировать в течение нескольких дней. Нас, собственно, интересуют его друзья: кто они? Сколько их? Где обитают? С чем приходят в этот дом? Возможно, Сережа, придется стоять на вахте подолгу, поэтому ребята нужны надежные, выдержанные.

Сергей и его друзья выполнили поручение. Каждое утро перед Фроловым появлялась пачка фотографий. С просмотра их они с Васильевым и начинали рабочий день.

Пока Селеткова навещал лишь один Шкраб с неизменным свертком в руках. О содержимом свертка догадаться было нетрудно, потому что они с Леоновым выходили обычно из дома пошатываясь: один раз днем, два раза вечером. На пятый день появилось новое лицо. Васкив удачно сфотографировал незнакомца: среднего роста, в помятом костюме, небритый, горбоносый, парень хмуро смотрел себе под ноги.

— А вот, Саша, и наш знакомый из Госбанка,— возбужденно потер руки Фролов.

Полковник Теуш, взглянув на фотографию, воскликнул: «Ба, знакомец! Это же Аркаша Поспелов по кличке «Нос». Я его еще пацаном помню. Лет с четырнадцати начал специализироваться по карманам, потом занялся квартирами. Последний раз судим, если не изменяет память, за разбойное нападение на студента медицинского института где-то году в пятьдесят втором. Да, лихая подбирается компания.

— Разрешите, товарищ полковник,— заговорил Фролов.— Я предлагаю «поставить в известность» группу Шкраба о том, что у нас находится линза и стабилизатор. Они зашевелиятся, и появится возможность проконтролировать их действия.

— А не попытаются они избавиться от улики?— сказал Жданов.— Поймут ведь, что след их обнаружен.

Вступил в разговор и Васильев:

— Они начнут «правильно» замечать следы. А нам разве не это надо?

— Хорошо, согласен,— сказал Лев Маркович.— Пусть Шкраб и его подручные узнают, что линза и стабилизатор у нас.

Вечером Фролов пригласил ребят из оперативного комсомольского отряда.

— С завтрашнего дня удвоить бдительность. Черви начнут ползать, и мы должны знать о каждом их движении.

Утром Колька-Моргун навестил Селеткова.

— Задумались мы, Федя,— с порога ошарашил гость хозяйина квартиры.— Линза и стабилизатор у левых.

— Ну, это еще ничего не значит, не паникуй. А то я подумал, что нас со Шкрабом где-нибудь засеки.

— Так это для вас ничего не значит,— попытался было возмутиться

Колька,— а для меня уже кое-что значит! Ищут меня, уже раза два «воронок» подъезжал к дому. Старику-то пролепетался!..

— Ладно, не распускай сопли, шавка,— презрительно глядя на карманника, прорычал Селетков. Он подошел к висевшему на спинке стула пиджаку, вытащил из бокового кармана две сотенные бумажки и бросил их Кольке.— Возьми, и чтоб духу твоего не было сегодня в Свердловске. Понял?

Все же сказанное Моргуном встревожило Селеткова не на шутку. «Говорил же Шкрабу: на хрена нам эти стекляшка и железка, когда и без того денег полный мешок!— Он зло сплюнул на пол.— А теперь загорелись, как мелкие фраера. Нет, пора и нам сматываться из города!»

Сережа Васкив тоже с утра заступал на свой пост. За ним, когда он выходил из подъезда, увязался соседский мальчишка Витька Кротов, который души не чаял в студенте-юристе.

— Я по делу иду, Витек. Не до тебя,— попробовал было отмахнуться от мальчишки Сергей.

Но сосед был не из тех ребят, которых можно легко в чем-то убедить. Он упорно тащился следом, упрямая взять его.

— Ладно, пошли, может, в чем-то и поможешь,— согласился наконец Васкив.

И мальчишка, чрезвычайно польщенный неожиданным для него решением, радостно запрыгал рядом.

Едва они подошли к дому по 8 Марта, Сергей заметил выходящего из подъезда со свертком под мышкой Селеткова. Вид у Федьки был озабоченный. Осмотревшись вокруг и не обратив внимания на юношу с подростком, он быстро зашагал к пруду.

— Витек, сейчас ты пойдешь вон за тем, что со свертком, и проследишь, что он будет делать, понял? Только осторожно. Давай!

Селетков подошел к каменной ограде пруда, положил сверток на один из кирпичных столбиков и осмотрелся. Было начало рабочего дня, набережная пустовала. Лишь неизвестно откуда появившийся за его спиной малец самозабвенно подкидывал ногой пуховушку.

«Ай да Витька, ай да молодец!»— мысленно похвалил помощника Сергей.

Тем временем Селетков медленно сдвинул с каменного столбика сверток. Поставив минуточку и подождав, пока разойдутся круги на воде, «медвежатник» лениво развернулся, не спеша пошел к своему дому. У входа в подъезд Селетков встретил парня, вероятно, учившегося фото-

графировать: тот снимал все подряд— пруд, деревья, здание. Федьке было уже не до него: ему предстояло еще спрятать деньги.

Минут через двадцать он вышел с лопатой и направился к густому кустарнику, росшему у забора школы № 9.

Два часа спустя уже проявленные фотографии лежали перед Ждановым.

— Вот здесь, товарищ майор,— пояснил Сергей,— где лежит палочка, Федька сбросил в пруд сверток. Палочку на это место положил мой сосед, Витек Кротов. А это кусты, у которых Селетков копал яму и что-то в нее зарыл.

На одной фотографии четко просматривался темный квадрат ямы, а на другой— Федька, вгоняющий лопату в землю.

— Отличные фотографии!— заметил Фролов.— Большое спасибо.

Когда за юношей закрылась дверь, Жданов, внимательно просмотрев на оперуполномоченных, решительно произнес:

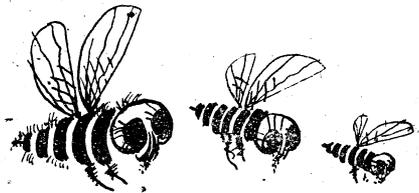
— Ну что, друзья, приступаем к ликвидации преступной группы. План захвата утвержден...

ШМЕЛЬ

НА ЭТЮДНИКЕ

Анатолий ТУМБАСОВ

Далеко уехал за город, казалось, долго шел лесом, шел полем. Передо мной все больше открывалась ширь необозримых далей, среди которых разбросанно ютились, как в пазухах земных, селения. И легко дышалось под высоким, просторным небом после мастерской с красками, холстами, загроможденностью.

Лишь натужный гул самолета, оставляя в подкупольной сини белострельный след, напомнил мне городскую толчею, людную электричку... После чего опять надо было какое-то время, чтобы забыться, и мало-помалу начинаешь снова слышать кузнечика, возню птиц, гудение мошкеры и басовитого одиночку шмеля. Природа обступает, прдвигается, теснит — и в этой тесноте чувствуешь себя свободно.

— Здравствуй, поле! Здравствуй, лес!

Лес и поле отзываются, только надо быть чутким к природе, уметь смотреть и слушать.

А вокруг такая красотища, что невольно терешишься и идешь искать из лучшего лучшее место для этюда. То остановишься посреди луга, то сбежишь к речке, запавшей в диких зарослях ив и ольхи, сторожко склонившихся к воде. Малая птица в кустах выдает себя тем, что прыгает с ветки на ветку, другая где-то скрытно чекочет. В прохладе начинает зундеть комар и липуче приставать, пока опять не выберешься на простор, к солнцу, все так же обремененный заботой: надо где-то раскладывать этюдник и работать.

Глянешь на бегущие облака и решаешь: писать ли этюд при солнце или когда накатывает тучка, тогда освещение будет ровным, без контрастного света и тени — это благодатно для живописи.

Вдумчиво соизмеряя уголок природы и мысленно перенося его на холстик, стараешься представить, что и как должно получиться в этюде. Одновременно косишь глазом на палитру с красками, набираешь кисточек и тяжело вздыхаешь, готовясь к работе. И это не удивительно: ведь художник вступает в диалог с природой, призывая на помощь мастерство, а главное — горение души, спокойного творчества нет и не должно быть. Да и берешься писать этюд в том случае, когда увидел что-то свое. Вот это «свое» надо

утверждать красками, работать неистово, долго и не теряя первого впечатления. А иногда приходится ловить мимолетное явление, делать быстрый набросок-нашлепок, говоря языком художника.

Какие из времен года дороже мне? Да с первой каплей уже нет покоя в городе, в мастерской. Настроение весной — что у синицы, искавшей зимою прибежища возле жилья, а с теплыми лучами улетевшей в леса. Солнце исподволь гонит снега, раскрепощает землю, высвобождает сочные зеленыя озимых, еще с осени напоминавшие май, но лишь по весне озвученные жаворонками. Да не враз отыщешь жаворонка в небе, слепящем глаза, где под куполом заметишь белесую пряжу холодных облаков — воздух еще не прогрелся.

Вспоминается картина Саврасова «Весна» из собрания пермской галереи. Пейзаж перекликается с его «Грачами», но в сюжете и настроении «Весны» — песня жаворонка! Картина по-весеннему лирична, особенно рядом с пейзажами Куинджи, созвучными бетховенской музыке. «Картины тем хороши, — пишет К. Паустовский, — что в любую минуту ты можешь войти в знакомый, но всегда новый мир нашей природы, — стоит только переступить за порог золоченой рамы».

Ветвистые березы весной розовеют, закамские леса в сиреневой дымке, но все-таки ранней весной на природе самое яркое — это мой новый этюдник. Высвеченная солнцем оранжевая крышка этюдника видна издали. Потому отоспавшийся шмель летит золотым метеором прямо на художника и, обознавшись, не найдя первоцветов, еще больше досадует, кружа над разноцветными красками палитры.

А пестрая бабочка-крапивница садится вначале на куртку, согретую солнцем, и замирает, дрожа антенными усиками. Затем начинает мельтешить в воздухе, а яркие краски для нее такие же непонятные цветы, с горьким скипидарным запахом. И все-таки, порхая неслышно над палитрой, она обмакнула свои лапки в краску.

Но зима не сдастся, пугает отзимьем и случается снег на листву или на цветущие черемухи — под стать белое к белому. Да на черемуху,

как водится, всегда похолодание. Оно в угоду разневестившимся деревьям. Только вот придорожный куст растрепан и обломан без надобности. Сколько перетерпят черемухи, а не лучше ли глядеть, любоваться ими, когда на цветущие кусты придет свадебный час в кружение и гуденье пчел.

А рябины осторожничают, неспешно набирая цвет, и распускаются они, когда весна перевалит в лето, но цветения их уже не замечают.

Насмотревшись на царственно-белую кипень черемух и опьянев от их щедрого буйства, я берусь за кисти. Да это не так просто: сколько бы ни расходовал белую краску, нагружая черемухи в этюде, они лишь слабо высвечивались. Тогда я уплотнял окружение, писал землю, реку, дали — добивался контрастности, искал ключ к решению. Так и в каждом новом этюде. Готовых рецептов нет, надо все открывать заново, смотреть на природу широко раскрытыми глазами и радоваться по-детски.

Над продрогшей весенней землей собирались тучки, но молча уходили прочь, пока наконец-то в согретом воздухе не разродилась гроза, после чего по небу пошли теплые облака, черемухи начали сыпать на землю снег лепестков. Лишь одна черемуха запоздала в тени соснового бора. Склоненная над дорогой, она не загораживала мне путь, не останавливала, я легко нырнул под нее, уронив на себя несколько белых лепестков — и оказался под густой кроной сосен. Могуче заматерелые бронзовые стволы и в пасмурную погоду излучали солнце. И невольно вспоминались колонны Парфенона. И горлица уж ворковала под куполом соснового храма.

Пронизанный скупым светом бор сверкает мириадами капелек. Каждая иголочка держит по несколько дождинок, беззвучно падающих в запрешую моховую подстилку, и по низу стелется дымка. «Неуж когда-нибудь поднимется топор или разгуляется пила в бору?» — думаю я. И свое беспокойство высказывают люди. Говорят те, кто неравнодушен к красоте, кто дорожит естественной пользой бора.

— Заходите перекусить, — зовут меня женщины в халатах, распахивая двери столовой, закрытой на обед. Повара растроганы вниманием художника к их бору, к черемухам, к пруду, где я писал этюды.

Конец весны — это молодость лета. Хотя еще гуляет прохлада, а лето уже разминулось с весной и вступило в свои права. Солнце чуть помешкает за горизонтом и встает, не успевая умыться росой. Долгие дни наполнились теплом, ливневыми набегами, ветренным колыханием трав, россыпями щедрого сеятеля семян — одуванчика. Луга затопило буйной и сочной купальницей, в лесах укрылись медуницы, «вступили в

брак» иван-да-марья — повсюду желтое, розовое, синее, красное...

Лето — красное! Плывущие облака отражаются в полноводье рек, неслышно выходят легкой тенью на поля и разбредаются по земле, украшенной цветами.

Жаворонки уже поумерили свои концерты, взвывают лишь с короткими куплетами и тут же падают в борозды. А когда ветер, обегая землю, стихнет враз, листья обвиснут и накатит на все тихий час, тогда в скворечнике на березе услышишь птенище цвиканье. Лишь стрижи и ласточки неустанно несут вахту погожих дней, снуют высоко-высоко, как будто ткут синее полотно небес. Наши воробьи то и дело залетают в гнездо, всякий раз показывая себя рачительными хозяевами. А хлопотливая трясогузка, поселившаяся возле дома, постоянно вскрикивает «при-при» — это можно понять, как «уйди», тогда она залетит в гнездо. Повсюду птичья суета, галочье беспокойство, грачиное орканье, скворчинная поспешность — пернатые обзавелись семьями.

Враз поднялась грачиная стая. Упираясь крылами во встречные потоки ветра с дождем, черные птицы повисли над гнездовьем и оркали вместе с птенцами, галдевшими с хрипотой в качающихся гнездах.

Пришлось пойти на поклон к елке, укрываться от дождя. Со мной вместе спряталась какая-то птичка. Мы сидели близко друг от друга, но она будто на пружинках: готова упорхнуть, а дождик не выпускал. И едва успел перестать, как соседка исчезла. А я стал выбирать, задел еловую лапу — и меня обдало крупными каплями. Но летний дождик не осенний, только цветам умыться, выходит, и мне повезло...

Скоро приспело птенцам покидать свои гнезда. В эту пору не редкость встретить слетыша. Они смешны и неуклюжи. Сидит этакий полуперившийся птенец, смотрит во все глаза и пока не понимает: кто друг, кто хищник. Новичок он в большом лесу, вертит головой, слушает. А птичьего гаму! Однако слетыш различал призывный крик из чащи и нацеливался лететь туда — родительский зов придавал ему силы.

Безлюдно и тихо в деревне сенокосной порой. Промелькнет ласточка, оставив в воздухе щебечущий рдсчерк, сделает круг — и снова мелькнет белой грудкой.

Какая-нибудь бабка угостит квасом либо вынесет кринку молока со свежим каравашком. Подберутся соседки, спросят, кто таков, откуда. Подумают серьезно и скажут: «Етта богомазы раньше приходили, а ты, значит, художник, — и тут же, поглядывая на этюдник, огорошат неожиданным оборотом: — Землемер, чо ли?»

Из ворот напротив вышла старушка в наряд-

ной старомодной кофте со следами лежалого хранения. Опираясь на палочку и неся что-то перед собой, она медленно подошла к нам. Белая кофточка сильно оттеняла желтоватую сухость лица и обесцвечивала водянистые старческие глаза. Но все-таки взглядом и движением руки она хотела сообщить что-то важное, подавая небольшой сверток.

— Вот... — сказала она загадочно.

В свертке оказалась орденская книжка ее сына Федора и солдатское письмо: «Дорогая мама, пишу я вам свой фронтовой привет...» — начал читать его, быть может, извлеченное из потаенного уголка через много лет. И все это время военные реликвии погибшего сына, завернутые и положенные на самое дно сундука, жгли сердце матери. Она слушала запавшие в ее душу дорогие слова и смотрела в никуда.

На всю округу в этот час нашел полуденный угон, что будто и птица, парящая в небе, остановилась на месте. Потом листья опять начали плескаться, вначале на черемухе, затем и на высоченных тополях, чешуисто сверкая на солнце.

Долго стояла Мария Тимофеевна, опершись на посошок, стояла посреди деревенской улицы и не в силах, видимо, справиться с думами, всколыхнувшими жгучую память, качала головой. Где-то значится имя ее сына Москвина на пирамидке или в перечне братской могилы. А сколько их! Вспомнились мои друзья, и самый дорогой мне Ваня Чистов, дядя, двоюродные братья, отец — погибшие на войне. Пусть всегда будет покойное, высокое небо над ними и над нами, а земля осыпается цветением.

Летом одна пора сменяется и торопит другую: луга заштрихованы рядочками скошенных трав. Кричат, летая над кочкарником, в беспокойстве чибисы. По обочинам дорог кружевной вязью ромашки, малиновые статные чертополохи, поникшие в знойный полдень былинки и мятлики — все созревшие цветы и всякий колосок ждут ветра, готовые отряхнуть пыльцу, ее не успевают разносить насекомые.

Сельское утро начинается раным-ранешенько. Я слышу, как тугие струйки молока сцеживаются в подойник, вызванивая громко, словно пронзая дно и стенки — хозяйка доит корову. На конек сеновала, где я сплю, усаживается сорока и начинает трескучую перепалку с подружками. А в дверцу мне видно, как завозилась ворона в ветвях, привстала, потянула одно и другое крыло, развертывая веером, отряхнулась, сбрасывая дремоту, и приготовилась лететь. Воробей подал голос и тоже полетел, как-то неуклюже вихляя над огородами.

Под берегом, куда я сбежал умываться к речке, заметил, как вздрогнула на камышинке синяя

стрекоза, готовая охотиться на мух или на комаров, еще не сдавших в этот ранний час ночную смену паутам — день обещал быть жарким. На этюды я вышел с восходом солнца. Слышал, как в доме кузнеца стукнули ворота. Пожалуй, нет в деревне хозяйства, которому не отковал бы что-либо Василий Егорович. Ему уже за восемьдесят, а он не сдается: «Живое и нужное людям дело не ржавеет», — подчеркнуто гордо оценивает свою работу. Ковкий раскаленный металл податлив в умелых руках старого мастера и неумно его тяготение к наковальне. В разговоре он непременно подметит с горьким сожалением: дескать, обычная кузница на селе уходит в забвение, преемственности нет.

Из окна деревенского дома виднелись стога на лугу и поля колосающей ржи. Ветер волнами перекачивался через хлебное поле к горизонту, замкнутому лесом. Глядя в окно, я рассуждал иногда вслух, что, мол, красивый пейзаж!

Хозяйка тоже смотрела и переводила все по-своему:

— Сено заготовим, рожь поспеет — страдовать начнем.

Над калиткой хозяйского дома скворечник. В нем, после скворцов, поселились воробьи. И всякий раз, как открываешь калитку, из скворечника высовывается воробей. Если идет женщина, то птицы остаются в гнезде; а бегут ребята — скрываются на черемухе.

А я для них озорной: когда прохожу в калитку, то стучу по шесту. Воробьи уже знают. Высунется и тихо так — «чви», дескать, здесь — это серенькая воробиха. А с темной грудкой и коричневой головкой сам воробей. Он более стремительный и спрашивает громко: «Кто там?» — «Свои, свои...» — отвечаю воробьям.

За огородами начинается лес, настоящее Берендеево царство. Если стоят вплотную друг к другу, нижние ветви отмерли, в полумраке не растет трава, пахнет горьковатой затхлостью. Нет и нет, разглядишь оранжевый пятячок: не то лист, не то солнечный луч. Но оранжевым пятячком оказалась молоденькая волнушка — кладу начало грибной охоте. А выбрался из ельника, наткнулся на сыроежку. Их я тоже не бракую: «Пусть слабенная синявочка, а все грибку прилавочка». Так вот и кланяюсь грибам: хорошему — поклон, червивому — поклон, иначе его не распознаешь, и поганке поклонись, и листочку какому-нибудь, если примешь за шляпу гриба, земляничке и костяничке вовсе низкие поклоны.

Зато мухоморы узнаются издали: все сквозь землю прошли — красную шапочку нашли. Остановитесь, полюбуйте — природа дарит красоту! Мухоморы прямо-таки украшение леса, и о пользе их кое-что известно, например, звери и птицы

лечатся мухоморами. А я как-то собрал их для натюрморта.

Когда темные ельники остались позади, светло и празднично стало на опушке, я сел в траву и развернул обед: кусочек хлеба, сыр, яблоко. Тут как тут прилетела оса и вот прищелкивается: чем бы полакомиться? Наконец выбрала яблоко, ощупала усиками трещинку и припала к ней. Полосатое брюшко пульсирует, вдоль него крылышки узенькие, как две оглобельки.

Я не гоню осу, тут уж трудно сказать, кто у кого в гостях, муравей заполз — и ему почет и уважение. Выбрал он крошку, понес, перебираясь через травинки, будто через завалы. Навстречу ему собрат. Встретились муравьи, пошевелили усиками, словно пошептались и разошлись. Это один другому сообщил, где есть добыча. За добычей муравей побегал бегом. Скоро набралось их уйма. Подбирают с моего стола крошки и несут к себе в кладовую...

В небе родятся облака. Всплывая и розовея у горизонта в колеблющемся мареве, они кучатся под куполом и закрывают полнеба — на землю ложится широкая тень. Тогда раскатный гул самолета примешь за гром, хотя грозовые тучи как-то поумерились и напористые ливни больше не ублажают землю.

Большинство летних трав незаметно перешло в семена. Иван-чай дружно отцветают, завивая розовые кудри, а созревшие будяки, кудельно запрядаясь, пускали семена в пушистых колыбельках — засоряя хлебные нивы. Пушинки попадают в краску на палитре, садятся на этюд и мешают писать. А по омежьям доцветают чертополохи, сжимая в колючих бомбошках щепотки малиновых соцветий. На них по-прежнему трудятся сезонные рабочие — шмели (зимовать в гнезде остаются только матки).

Пауки-тенетники в залог хорошей погоды плетут свои сети. Но, бывает, сколько мы нечаянно порвем их, пробираясь сквозь чащу. Лишь запутавшийся листочек в паутине сигналист: «Внимание, ловчая сеть!» Тогда обойдешь ее, пожалуй, больше в угоду себе, и тем самым сбережешь гнездо паука.

Однажды увидишь осыпанные на дорожку золотые листочки-монетки: осень исподволь начинает размениваться с летом. И елочка вдела золотую сережку-листик. И в березах золотые прядки — все это приметы осени-грустинки.

Хлебные поля натужно отяжелели спелым колосом. На подхват их идут комбайны, и враз заработали молотилки, веялки — косьба началась. Запылил раскрошенный колос, поднялись вспугнутые жаворонки, уже пропавшие с глаз. Проходит молодость лета, незаметно наступает умеренное предосенье.

Одним утром, когда я открывал форточку,

влетел оранжево-красный листок и залепил в лицо — вот тебе! Уж коли идет осень, впускай ее в дом, растворяй окошко, она с ягодами, с грибами, с урожаем.

Размахнулась осень, выкатила из логов на взгорья, расплескалась и затопила прикамскую землю буйством красок. Наступила самая нарядная и живописная пора. Но краски осени меняются быстро, и я спешно укладываю в этюдник желтые, оранжевые и всякие другие цвета, в намеренье соперничать с колдовским разноцветьем. Оно промелькивало за окнами электрички, осень цепляла за живое, звала. И выйдя на загородной площадке возле леса, я расставил этюдник. Ветер, снимая с берез пригоршнями листву, кружил в воздухе, и мне было слышно, как они шелестели и шуршали, падая.

Нарастающий тяжеловетсно гул поезда заглушил элегическую мелодию осени: шел товарняк. Я работал, не обращая внимания, лишь короткий гудок, будто оклик, отвлек меня. Обернулся и вижу: машинист электровоза приветствует художника взмахом руки. Успеваю ответно махнуть: «Спасибо!» — но голос заглушает перетакивающий гул колес.

Вечерние зори сгорают рано, утренние встают поздно — дни убывают. В лесу вместо легкого и трепетного шума мягкое шуршание под ногами. Разукрашены и муравейники: листьями привалило хода, но и без того хозяева закрывают их к зиме, успевая проветривать подземные лабиринты. А на соседнем муравейнике аврал: кто-то разворошил макушку. Да где же им справиться! Решаю помочь: насыпаю пригоршни сухой хвои, чтобы не застыгло, не промочило осеннее ненастье и не погубило бы муравейник.

Ночью на лесных дорогах сковало лужи. Во льду плашмя и торчком, как цветные паруса, вмерзли опавшие листочки. Об этой поре Пришвин сказал: «Осень длится, как узкий путь с крутыми заворотами. То мороз, то дождь, и вдруг снег».

Опустевший залив сделался глубоко-черным, в нем отражался запорошенный снегом лес. А одинокая лодочка под берегом казалась легким перышком от рябенькой птицы, будто спорхнувшей с ближних осин. Зима вначале как бы примеривалась, затем, заковывая землю, богатели снегами. Север напускал строгости и крепил сугробы.

Хорошо пройтись на лыжах, посмотреть, как зимует лес, повстречаться там с кочующими стайками птиц, передразнить горластую ворону. А смягчится погода, невольно выберешься за город с этюдником, одевшись потеплее. Иной раз часа три простоишь, пока напишешь зиму. Интересно писать заснеженную природу: белое на белом холсте. Лишь небо в контрасте к белому тем-

ное, но писать его надо прозрачно, серой краской. Пишу небо, лес, стожки, кустарники, а снег — белый холст оставляю. Так и обманул зиму: мало белой краски истратил. Это значит, холст надо подготавливать в соответствии с мотивом: белый для белого — зимний этюд, теплый, скажем, охристо-желтый — для осени; серый для пасмурного дня или туманного утра...

Деревья в лесу заснежены: румяные рябиновые кисти смотрят сверху на меня в белых шапочках.

— Здравствуйте! — сказал я и потрогал ветку, она закачалась, кисти будто закивали мне, но шапочек не сронили: холодно!

Услышал я, как скрипнула осина и потекли струйки снега. Это неспроста: в гущу леса пробирался ветер — начиналась метель. С елей повалились комья снега, они закачались, замахали ветвями и, почудилось, заголосили: «Ах, батюшки, как мы раздетые зима-а-ать бу-у-де-е-м!» Так смотришь всегда, пишешь и фантазируешь, а иначе художник глух и слеп.

Зимой, работая в мастерской над летним пейзажем, то осенним, с радостью отмечаешь: вот когда годятся и нужны собранные этюды! Разные времена года, как в музыке Чайковского или Вивальди, звучат в душе художника и бывает, что бьешься у холста под звуки любимого скрипичного концерта или симфонии, в записях на пластинке.

Но опять же нет покоя художнику, и долго отсиживаться в городе, в мастерской грешно. Воистину нет творчества без общения с жизнью, с природой, надо собирать этюдник, альбом — новое начинается за порогом дома.

ЛИКИ ПРЕДКОВ,

или Рассказ о том, как реставраторы восстанавливают Спас на Ковалеве — храм, разрушенный фашистами

Андрей ГОРЮН

Август 1380 года.

Русь готовится к решающему сражению, победа в котором положит конец монголо-татарскому игу. Уже ходят к Коломне дружины ратников. Именно из этого города московский князь Дмитрий Иванович, пока еще не получивший имени Донской, выведет свое объединенное войско навстречу золотоордынскому хану Мамаю.

А в сотнях километров отсюда, на северо-восточных рубежах, царит смятение. Новгородские бояре с опаской следят за развитием событий. Дрогнут русские дружины — вновь на многострадальную землю хлынут безудержные орды диких степняков. Реки крови сольются с ручьями слез. И хоть укрыта земля новгородская лесами да болотами от непрошеного гостя, но и в эти края доберется лихо людское...

А как одолеют москвиты?! Тогда тряхнут они хозяев Господина Великого Новгорода. Потеряют бояре да купцы богатства несметные...

Но другими мыслями полнятся буйны головы простых новгородцев. Скоро, очень скоро наступит избавление. Не будут бодее рыскать баскаки, выколачивая из многострадальной Руси дань непомерную. Не будет войско поганое, губить деревни да сжигать города, увозя в полон людей работных с детьми малыми. Встанем же, богатыри русские, грудью — за поля тучные, за жен и матерей наших, за братьев, на поле бранном polegших прежде! Возьмем за мечи булатные, луки звонкие да стрелы каленые!..

Верится, об этом думали артельщики-живописцы, творя росписи храма Спаса на Ковалеве близ Новгорода*... Храм сей построен был повелением боярина Онцифора Жабина в 1345 году. Но только накануне Куликовской битвы пришло время одеть его в нарядные одежды многоцветия.

Были созданы удивительные фрески. Как далеки они от вековой церковной традиции! С нижней, наиболее доступной для обозрения части стен храма смотрят на тебя суровые лики воинов. Не мучения и страдания запечатлены на челе их, но мудрость и решимость. Позы их воплощают не смирение — ратную доблесть. Руки сжимают не библейские посохи — оружие. Готов ли ты к подвигу? — вопрошают ратники со стен. Встал ли в ряды воинства?

Фрески эти привлекли внимание исследователей еще в начале нынешнего века. Впоследствии стенпись XIV столетия была очищена от поздних напластований, отдельные композиции сфотографированы, сделаны копии ее фраг-

* Значение воинской темы в росписи Ковалевского храма особо отмечали известные исследователи древнерусского искусства В. Н. Лазарев и О. И. Подобедова

ментов. Но планомерному изучению памятника помешала война.

Фашисты вступили в Новгород в августе 1941 года. Но уже в нескольких километрах к востоку от города, у реки Малый Волховец, им пришлось остановиться. На правом берегу закрепились части Красной Армии. Ковалевский храм, увенчанный церковью Спаса, оказался на переднем крае...

Стремясь прорвать оборону, гитлеровцы обрушили смертоносные валы огня на позиции наших войск. И храм принимал удары вражеской артиллерии, закрывая бойцов... Два с половиной года линия фронта на этом участке была нерушима. А затем, как некогда войско князя Дмитрия, погнало русские богатыри прогнанные полчища прочь с родной земли.

— Этот памятник архитектуры фашисты разрушили почти до основания...— Вместе со мной у стен древнего храма Александр Петрович Греков, сотрудник Всесоюзного научно-реставрационного производственного комбината, возглавляющий работы по восстановлению фресок. За оправой очков блестят глаза, полные негодования. Топорщатся седые щеточки усов.— Видите, что оставалось после войны?!

Возрожденное здание по всему периметру опоясывает ломаная линия на штукатурке. Она то поднимается на высоту человеческого роста, то проходит почти вровень с землей. Эта линия показывает степень разрушения здания.

— Когда мы впервые поднялись на Ковалевский холм,— рассказывает Греков,— здесь были только груды битых камней, штукатурка, развороченная земля. Завалы высотой до четырех метров сплошь заросли травой, кое-где успел окрепнуть кустарник. При одном взгляде на это место всякая мысль о восстановлении фресок казалась невероятной...

Идем по огромному залу, плотно заставленному стеллажами, подрамниками, необъятных размеров столами, покрытыми калькой. Массивный сводчатый потолок дважды перечеркнут стальной нитью проволоки, которая поддерживает огромные лампы. Яркий свет падает на лотки со множеством мелких фрагментов некогда знаменитых фресок. Сначала их раскладывают по цвету, затем тщательно осматривают и сортируют. И только потом начинается подбор: фрагменты по многу раз примеривают друг к другу. Вдруг — радостный возглас: найден стык!

Мне показывают эти находки. Осколки так плотно соединены по линии разлома, что между ними нет ни одной лазейки для света. Действительно, некогда они представляли собой единое целое.

— За тринадцать лет работы,— говорит Александр Петрович,— таких стыков было найдено более ста тысяч. Они составили более 160 квадратных метров композиций и фрагментов прежних росписей из 350, существовавших в храме в предвоенные годы. Сегодня мы на стадии завершения реставрационно-восстановительных работ. Еще удастся возродить, очевидно, только 25—30 метров. Остальное, к сожалению, безвозвратно утрачено.

Звенит звонок. Три часа. В мастерской — перерыв, физическая разминка. Реставраторы поднимаются из-за столов с видимым удовольствием,— предельная концентрация внимания дается нелегко.

Знакомлюсь с ребятами. Это — студенты московских и ленинградских вузов, есть среди них и новгородские школьники. Многие из студентов — будущие историки и искусствоведы. Знакомство с удивительным миром фресковой живописи, изучение приемов работы древних мастеров как бы изнутри они считают чрезвычайно полезными в овладении будущей профессией.

Кому-то может показаться, что труд реставратора далек от творчества: знай подкладывай красное к красному, синее к синему... Это далеко не так. Здесь прежде

всего необходимо было найти фрагменты, обосновать принципы, следуя которым возможно воссоздание целого из великого множества частичек.

Раскопки на месте разрушенного храма начались в 1963 году. Археологи углубились на метр, другой... Среди обломков фресок не было! Куда они исчезли?... Через несколько дней работы вообще пришлось остановить: под горами камней оказались неразорвавшиеся фашистские снаряды...

Вопрос об отсутствии фрагментов фресок продолжал волновать. И ответ был наконец найден.

Стены церкви столь массивны, что снаряд едва ли мог пробить их с ходу. Значит стены могли рухнуть только после нескольких прямых попаданий?! А раз так — фрески просто осыпались и погребены. Искать их надо под толщами завалов...

Действительно, остатки росписи стали попадаться реставраторам только на высоте 80 сантиметров от прежнего уровня пола...

В довоенное время исследователь Н. П. Сычев составил детальный список композиций с указаниями о местоположении каждой в храме. Имея такой документ, ученые смогли разбить весь раскоп на квадраты-участки, в пределах которых должна была находиться основная масса осколков той или иной фрески.

Раскопки продолжались до 1969 года. В руках исследователей оказалось свыше десяти кубометров древней штукатурки со следами росписи.

В 1973 году была собрана первая композиция. Через два года к ней прибавилось еще пять... Темпы нарастали.

Так кто же были мастера, создавшие великолепие Ковалевских росписей?

— Сохранившиеся летописные сведения повествуют о том, что храм был расписан в один летний сезон,— говорит А. П. Греков.— Но это по плечу только опытной артели. Считаю, что восстановленные части стенописи принадлежат кисти пяти-шести художников. Причем они писали только лики и руки персонажей. А над одеяниями, фоном, оградкой работали, по всей видимости, ученики и подмастерья. В живописи видна одна школа. Нет авторских исправлений. Вывод: росписи сделаны большими мастерами.

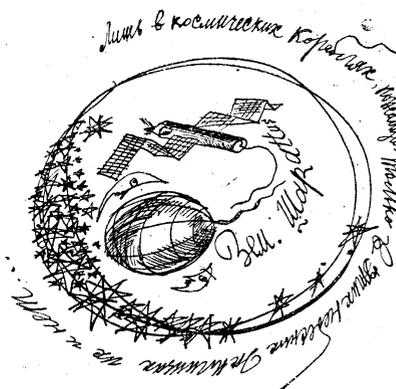
Заканчивая рассказ, Александр Петрович подчеркивает:

— Писались фрески при искусственном свете и были рассчитаны на восприятие при таком же освещении. Но сейчас мы пока не можем обеспечить соответствующие условия показа. За 600 лет своей жизни живопись постарела, оказалась заражена плесенью. За ней нужен бережный уход. Сегодня мы можем проводить только небольшие выставки. Большую часть времени фрески должны оставаться в специальных хранилищах.

...Кисть провела последнюю линию. Замерла и, наконец, оторвалась, поднятая сильной рукой живописца. Артельщик или, как мы сегодня сказали бы, главный художник в последний раз провел рукой по еще пахнущей краской стене, поправил волосы, стянутые широкой лентой, вздохнул. Затем застегнул ворот чистой, надетой специально к торжественному случаю рубахи и повернулся к выходу. За ним отошли и остальные мастера. У порога они остановились и поясно поклонились делу рук своих — не они теперь судьи своему труду. И, безвестные, пошли своим путем по бескрайним просторам России...

Едва ли мы узнаем когда-либо имена этих людей. Но в одном ряду с ними всегда будут стоять имена тех, кто подарил фрескам вторую жизнь.

См. 4-ю стр. обложки

Юрий ЛИПАТНИКОВ

Биологи приспособили известные слова фронтового поэта, чтобы выразить свое эмоциональное отношение к зловредным тварям с омерзительно голым хвостом: «Сколько раз увидишь крысу, столько раз убей ее!»

И дело тут не в одних отрицательных эмоциях, возникающих при столкновениях с наглыми зверьками, имеющими противную внешность. От них зло неопишное...

Однажды на конференцию по дератизации (то есть по борьбе с вездесущими четвероногими из рода раттусов) собрались отечественные зоологи. Их было более ста человек. Прозвучало немало докладов, посвященных биологии неустрашимых животных. Но один доклад, как нам кажется, наиболее полно отразил суть проблемы. В нем выражен экономический ущерб от опасного для людей поведения хитрейших раттусов. Как же они себя ведут?

Если составить черный список злых гениев выживания в антропогенной среде (освоенной человеком), то среди мышей, клопов и тараканов и прочих синантропов на первом месте по вредности должны бы стоять серые и черные крысы. Несколько лет назад писатель Юрий Нагибин после поездки за рубеж опубликовал путевые заметки. В них есть весьма взволнованные слова о раттусах, неотделимых от цивилизации как ее тень... Вот что написал известный автор: «Италия поражена крысами. По статистике их не менее миллиарда. Они нападают на маленьких детей, на беспомощных стариков и паралитиков, разносят заразу, сжигают несметное количество зерна и всяких продуктов. Крыса так долго живет возле человека, что досконально изучила все его жалкие уловки, обрела великую приспособляемость... она обогнала своего учителя. И если мы

хотим знать, чего можем достигнуть в результате напряженного самоусовершенствования, нам следует внимательно приглядеться к крысам».

Как видите, великолепный сапог Италии (так она выглядит на карте и мы это помним со школьных лет) за своей подкладкой таит пренеприятнейших существ. Только ли Италия поражена крысами? Нет, конечно. С ними идет война во всех странах. Поступает сообщение из Японии: там лопнуло терпение телефонных компаний, и они объявляют о начале последнего, победоносного сражения с тварями, портящими подземные кабельные линии. Или в прессе появляется информация из Англии о новейшем химическом средстве, которое наконец-то поубавит неуловимую рать раттусов! Ну и так далее. Словом, энергичные грызуны поистине совершают ограбление века, а гангстерские хищения по сравнению с экономическим уроном, наносимым крысами,— это детские игры. Действительно: прожорливые зверьки похищают миллионы тонн ценных продуктов. Лишь Англии они ежегодно причиняют ущерб, оцениваемый в 15 миллионов фунтов стерлингов. США из-за них теряет в год 300 миллионов долларов, Франция — 15 миллионов франков, а Индия — 750 миллионов рупий (в этой стране религиозные убеждения мешают вести борьбу с крысами).

На конференции по дератизации (с нее мы начали разговор) было сказано: в нашей стране еще не выявлен с высокой точностью весь ущерб от раттусов, мало публикаций на эту тему. Группа московских исследователей сделала прикидочный расчет ущерба, наносимого серой крысой. Ее суточный рацион составляет 20 копеек за килограмм. Если за день животное «выхватывает» 60 граммов,

то, значит, в год это будет уже 22 килограмма. На каждом миллионе квадратных метров городской территории их в среднем обитает тысяча. Следовательно, с этой площади они ежегодно сметают 22 тонны пищи, которая стоит 4 тысячи рублей. В стране под городами и разными постройками не менее 10 миллиардов квадратных метров. Получается: ущерб от раттусов, действующих на урбанизированных территориях, более 40 миллионов рублей в год.

Биологи подсчитали: на их птицефабриках пасюки (серые крысы) утаскивают в день до 600 свежих яиц. Они орудуют и на мясокомбинатах, и в свинарниках, и в портах. Ряды мрачных цифр! К тому же ущерб от загрязненных ценных пищевых продуктов вообще учтен слабо.

И еще: не менее вредны дикие популяции серых крыс (так и хочется сказать — серых разбойников, хотя это название и прилипло к волкам). На рисовых чеках пасюки — тоже вредная сила. Каждый зверек за сезон уносит полтора килограмма зерна.

Верно сработала интуиция у писателя Юрия Нагибина: надо внимательно приглядеться к неистовым раттусам! Когда они строят гнездо, тащат все — бумагу, ткани, резину, пенопласт, проволоку, стекловолокно. Грызут тоже все подряд материалы, чтобы стачивать резцы. Опасность от этого их поведения особая. Ведь они проникают в электростанции. И там происходят замыкания, случаются пожары. Крысы прогрызают водопроводные трубы из свинца, устранив аварии. Проникают даже в самолеты (просто невероятная пронырливость!). Так они повредили проводку в двух лайнерах во время стоянки в одном из аэропортов Африки.

Или был случай: на КАМАЗе в качестве утеплителя стен торгово-складских помещений использовали пенополистерол, покрытый шифером. Крысы все это легко прогрызли. И там, в утеплителе, поселились.

От грызушей деятельности крыс в стране теряется несколько миллионов рублей в год. Они посягают также и на вещи, не имеющие цены. Портят в музеях документы, рукописи, редкие книги, старинные предметы исторического значения.

Дератизацию можно вести успешно. И в городах, и в животноводческих помещениях, и на полях, где пятая часть труда из-за грызунов в иных районах пропадает впустую. По рекомендациям биологов удаётся уничтожить девятью процентами наглых иждивенцев, например, на мясокомбинатах. Но порой дело тормозит недалёковидность. Из соображений меркантилизма не разрешают использовать для приманки свежие продукты. А осторожные раттусы на вазелин не клюют, заплесневелый хлеб не трогают...

Кто не слышал о раттусах? Однако изучены они так, что надо бы лучше. Поражает экологическая пластичность, многогранная приспособляемость этих грозных синантропов (они еще и источник инфекционных заболеваний). Трудный это объект для наблюдений. (Твари-то скрытные!) И психологически трудный. Даже многие биологи испытывают к ним отвращение. Один исследователь рассказывал мне, как он фотографировал в вольере черных раттусов. Лег с фотоаппаратом, чтобы сделать крупным планом снимки зверьков, нюансы их поведения. И они, волнуясь, дрожа от страха, все-таки мало-помалу стали все ближе подбегать к нему... И вот уже самые смелые пошли по его рукам, по спине, по голове, заглядывая в уши... Конечно, для небологов эта картина — страшный сон. Но тут видна суть раттусов. У них повышенное исследовательское поведение. Сей могучий инстинкт сильнее страха. Это он и сделал крыс злыми гениями выживаемости. Такое предположение высказал много лет назад крупнейший этолог, специалист по поведению животных, зарубежный ученый Конрад Лоренц.

Те же черные крысы, в отличие от пасюков, давно живут не только на суше, но и на судах дальнего плавания. К ядам они более «терпимы». Это — животные-космополиты. Черные раттусы, говорят этологи, менее агрессивны. И, возможно, такое качество еще более повышает их приспособляемость, сообразительность. Рассказывают моряки: как ярко ни освещен трап, но черный раттус уличит мгновение и совершит бросок с

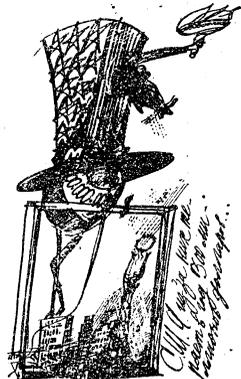
набережной через освещенное место на корабль. Так и хочется сказать, что это — обдуманное действие...

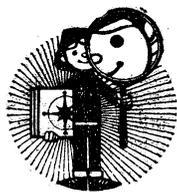
Поведение крыс изучается подробно. Один из исследователей раттусов кандидат биологических наук Юрий Вигоров (институт экологии растений и животных Уральского научного центра) применил метод «открытого поля», чтобы прояснить способность зверьков к выживанию. Была сооружена небольшая загородка. Туда выпускали животных — на ярко освещенное место. В такие ситуации грызуны попадают часто, когда их, например, вытряхивают из какого-либо груза. Это-то и было важно — имитировать типичную ситуацию. И Вигоров вслух говорил о том, что видел. Его репортаж записывался на магнитофон. Это называется этограммой (подробная запись поведения животного). Попадая на свет, на открытое поле, крыса совершает стремительные перебежки вдоль сетки, прыгает, делает ориентировочные стойки. Затем затаивается, потом вновь бурное поведение. Животное демонстрирует высокий темп нейрофизиологических процессов, скоростную обработку поступающей информации. Этограмма — лупа времени. Тут все учитывается. Надо выявить, как идет переход от испуга к исследовательской деятельности, как протекает эмоциональный стресс. Это поможет научиться различать грызунов по поведению, что, в свою очередь, позволит точнее определить, кто из рода раттусов, какой вид далее всех продвинулся в эволюционном отношении. Тут же рядом и практический вывод: более приспособленный к условиям антропогенной среды — опаснее всего.

Раттусов называют интеллектуалами животного мира. Их поведение

сложно. Однако именно оно показывает нам, что в образе жизни любого земного существа нет непознаваемой тайны, нет, по крайней мере, никакой мистики. Поведение любого животного имеет экологические корни, то есть выводимо из условий, которые его формируют. Поведение раттусов содержит очевидный приспособительный смысл. Они — не божья кара за грехи наши. Еще в первой половине прошлого века выдающийся русский зоолог И. Ф. Рулье призывал изучать инстинкты (не мистифицируя их) наравне с анатомией, тогда как в ту пору их считали в принципе непознаваемыми. Преследуемые человеком, раттусы все изощреннее преследуют его самого. Лишь в космических кораблях, пожалуй, только в этих небесных жилищах их и нет. Разумеется, люди будут в ближайшем будущем успешно снижать численность ненасытных спутников цивилизации, а пока же нет идеальных средств их уничтожения, пока попросту у человечества не хватает умения решить все проблемы, в том числе и эту — борьбу с крысами.

А если бороться с ними отказом от борьбы? Не «размагнитятся» ли, не перестанут ли они совершенствовать свою психику? В Ясной Поляне еще при Льве Николаевиче Толстом на пасарне жила старуха Агафья Михайловна; она не убивала ни клопов, ни тараканов, кормила прямо на столе мышку, а если мышь попадала в банку с вареньем, то извлекала ее оттуда, отмывала и отпускала на стол — кормиться. Может, уподобится нам сердобольной Агафье Михайловне? Опыт Индии говорит: ничего это не дает, эволюция не пойдет вспять, крысы не поглотят.

МИР НА ЛАДОНИ

Исследователи Института пустынь (Туркменистан) доказали, что обычная северная сосна может прижиться в жарких Каракумах. По их рекомендациям сосна, другие породы деревьев будут использованы при освоении приоазисных песков.

«Цхалтубо» — так названа пещера, впервые разведанная спелеологами Грузии. Она находится всего в нескольких километрах от известного одноименного курорта. Новую пещеру отличает редкая красота подземных залов, которых пока насчитывается шестнадцать. Спелеологи предполагают, что в нижних ярусах «Цхалтубо» возможны и другие неожиданные открытия.

Англичанин Брайан Аллен разработал велосипед-дирижабль и назвал его «Альбатрос». Относительно небольшая оболочка, наполненная газом, легкая подвесная конструкция для сесдока-пилота, педальный двигатель с пропеллером — вот и вся машина. Запас ее хода, естественно, зависит от физических возможностей человека, который, впрочем, волен сколько угодно отдыхать во время полета.

Наш журнал уже рассказывал о новой гипотезе американских ученых: вероятно, Солнце является частью двойной звезды.

Звезда-спутник Солнца, названная Немезидой, предположительно имеет следующие характеристики: ее масса составляет $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{12}$ солнечной массы; возможно, это «черный» или «коричневый карлик», недра которого никогда не были раскаленными; в перигелии Немезида приближается к нашему светилу на расстоя-

ние 2—9 тысяч астрономических единиц (астрономическая единица — 150 миллионов километров); возраст звезды-спутника равен возрасту Солнечной системы.

Предполагают, что Немезида однажды испытала на себе какое-то мощное воздействие, ее орбита стала сильно вытянутой, из-за чего звезда приближается к Солнцу на самое короткое расстояние только раз в 26 миллионов лет. Период обращения Немезиды и вытянутость ее орбиты должны все время увеличиваться. И если она еще где-то «здесь», то все равно в ближайший миллиард лет оставит Солнце навсегда.

Вероятность существования двойной звездной системы с подобной орбитой второго компонента составляет, по подсчетам, менее одного процента.

Большое количество ранее не известных гигантских рисунков, сделанных на земле с помощью глубоких борозд в I—VIII веках нашей эры, обнаружил перуанский летчик Э. Гомес де ла Торре в 450 километрах к югу от Лимы. Он предоставил ученым 87 фотографий этих рисунков. Они изображают зверей, растения, людей.

В мало исследованной зоне, где находятся рисунки, некогда существовала индейская цивилизация.

У героя «Книги джунглей» Р. Киплинга — Маугли есть более пятидесяти реальных прототипов, считают исследователи. История сохранила упоминания о девочке, выкормленной газелью, о мальчике, выросшем среди бабуинов. Есть сведения о детях, «воспитанных» волками, медведями, пантерами.

«Уралмаш» в Донбассе

В недра Донбасса просверлена глубокая скважина диаметром 1,2 метра. Работа выполнена с помощью буровой установки «Уралмаш». Через новую скважину подается холодильный раствор для снижения температуры в глубинных забоях одной из шахт Горловки.

Уральская буровая техника используется в Донбассе также для скоростного строительства глубоких вентиляционных скважин.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Дом полководца

К 100-летию со дня рождения

М. В. Фрунзе.

Одноэтажный, простой архитектуры, кирпичный дом с железной крышей на одной из центральных улиц Куйбышева привлекает внимание белоомраморной мемориальной доской: «В этом доме в 1919 году жил Михаил Васильевич Фрунзе, командующий Южной группой армий Восточного фронта».

В мемориальной комнате дежурных связистов воссоздана обстановка тех дней. На столе — телеграфный аппарат системы Морзе, полевой телефон, коммутатор. Карта «Республика Советов в кольце фронтов».

Деловитость и скромность обстановки в известной мере отражают характер командующего. В кабинете — ничего лишнего: стол с письменным прибором, кресло, четыре стула. Телефон на тумбочке. Фотопортреты К. Маркса и В. И. Ленина на стене.

В этом домике бывали члены Военного совета В. В. Куйбышев, Ф. Ф. Новицкий, военный инженер Д. М. Карбышев, комдив В. И. Чапаев и другие военачальники. Сюда поступали донесения о положении на Восточном фронте, тут обсуждали обстановку и намечали важнейшие решения, которые затем дорабатывались в штабе.

На первом же заседании Военного совета Куйбышев доложил о том, как проходит партийная мобилизация. Ф. Ф. Новицкому поручалось подготовить приказ о создании ударной группы под командованием Г. Д. Гая и о сосредоточении всех ее частей в районе Бузулука.

Вместе с В. В. Куйбышевым Фрунзе написал Обращение к войскам Южной группы, тон его свидетельствовал о начале нового наступательного периода.

Снимки — как кадры той далекой боевой жизни. Вот на одном из них запечатлено открытие самарских инженерных командных курсов.

На другом — Фрунзе на смотре татарской бригады. Высокообразованный человек, командующий знал несколько языков народов России. И на смотре татарской бригады он обратился с речью к красноармейцам на их родном языке.

Как известно, задача по разгрому основных сил Колчака возлагалась на Южную группу войск. На видном месте — карта с планом контрудара по войскам Колчака, разработанным М. В. Фрунзе. «Контрудар по Колчаку, осуществленный М. В. Фрунзе, — писал Ф. Ф. Новицкий, — представляется настолько искусным, а результаты его явились настолько большими, что не будь впоследствии победных операций на Туркестанском и особенно на Южном фронте, все равно за М. В. Фрунзе была бы обещана слава великого пролетарского полководца.»

Несколько экспонатов связано с судьбой детей Фрунзе — Тимура и Татьяны. Они воспитывались в семье К. Е. Ворошилова. На одном из фотоснимков рядом с детьми Фрунзе — Н. К. Крупская и К. Е. Ворошилов. На другом — Тимур Фрунзе в форме военного летчика.

Герой Советского Союза Т. М. Фрунзе погиб в воз-

душном бою у Старой Руссы 19 января 1942 года. «Его короткая жизнь блеснула ярко и благородно, как стальной и победный клинок его отца», — писала в те дни фронтовая газета «За Родину».

Дочь полководца, Татьяна Михайловна, стала доктором химических наук, профессором.

Э. МОЛЧАНОВ

Трансарктические плавания

Северный морской путь открывает новую страницу своей истории: по нему наша страна начала сквозные арктические внешнеторговые перевозки. Теплоход усиленного ледового класса «Мончегорск» (суда этого класса способны самостоятельно крушить лед толщиной до одного метра) первым доставил от берегов Японии непосредственно в Обскую губу трубы для строителей газопроводов. Теплоход «Кола» первым освоил трассу Ванкувер (Канада) — Клайпеда. Если бы он шел через Панамский канал, ему пришлось бы преодолеть 9 тысяч миль — на 1360 миль больше.

Г. ПЕТРОВ

Следствие ведут знатоки

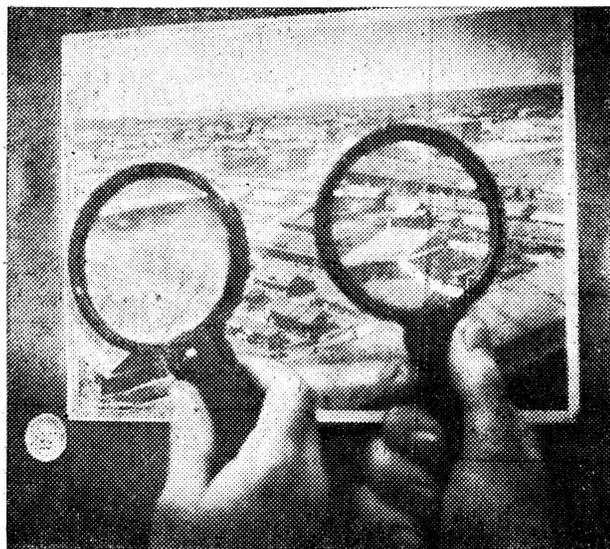
«Знатоки города» — такой клуб объединил любителей старины и краеведения в Свердловске. В программе его работы — встречи с историками, писателями и архитекторами, экскурсии в областной архив и библиотеки, организация выставок интересных документов, старых фотографий, видовых открыток, коллекций... уральских клейменных кирпичей.

Члены клуба ведут поиск памятников истории и культуры края. Они провели несколько субботников по благоустройству и консервации памятников деревянного зодчества.

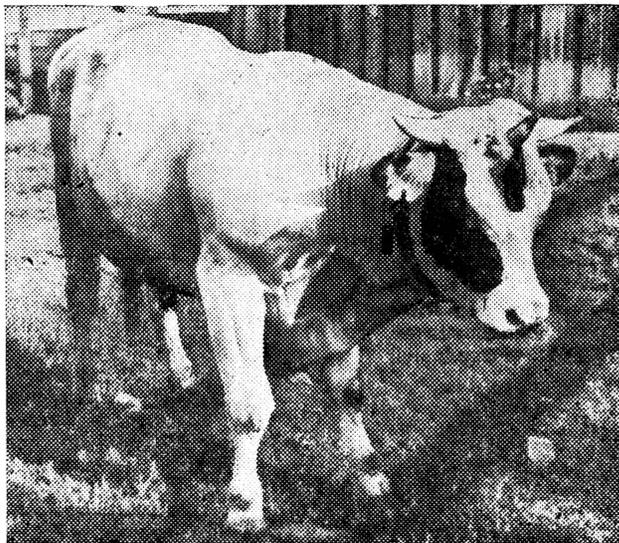
В клуб записались очень многие — от пятиклассника Паши Смолина до 90-летнего старожилы Свердловска Григория Васильевича Мокрушина.

На снимке: под увеличительными стеклами «знатоков» — фотография 1897 года.

Е. БИРЮКОВ

Бык... трехрогий!

Быка Мишку (он принадлежит уральскому совхозу «Таяжский») сфотографировал Владимир Кирпищиков. Принеся снимок в редакцию нашего журнала, Владимир поспешил снять все возможные сомнения: нет, третий рог — это не розыгрыш, уникальное животное внимательно осмотрел ветеринарный врач с сорокалетним стажем.

Да, бык Мишка — загадочная игра природы, хотя его поведение в стаде ничем не отличается от поведения других бычков. Произошел неведомый собой генетической программы, по которой животное формировалось. Вспомним: бывают же двухголовые телята, змеи, рождаются альбиносы. Если посмотреть на генетическое отклонение с исторической точки зрения, то они — закономерны. Но, увы, генетики еще не прояснили механизм этой таинственной закономерности. Значит, природа работает тоже не безупречно? А возможно, определенный процент брака в бесконечном воспроизведении живых существ и есть «идеал» природы? Когда все слишком правильно, то это — неправильно, плохо.

Фотографии трехрогого уральского бычка, известность которого быстро растет, отправлены специалистам. Они еще скажут свое слово. Добавим, что у Мишки есть еще одна тайна: под «нештатным» рогом видна непонятного назначения впадина. Не третий ли глаз хотел прорезаться?

Омары на ферме

В Калифорнии создана опытная ферма, где разводят омаров ускоренным способом. В специально согретой воде ракообразные развиваются в пять-шесть раз быстрее, чем их собратья, обитающие в холодных водах Атлантики. И если в естественных условиях выживает один омар из десяти тысяч, то на ферме «кулинарного» возраста достигает 85 процентов потомства.

Я. МЯСНИКОВ

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 22-в

Телефоны отделов:

51-55-56 (писем, публицистики)

51-22-40 (секретариат)

51-09-71 (прозы и поэзии)

51-53-20 (науки и техники,
следопытской жизни)

51-09-69 (краеведения)

В НОМЕРЕ:

2/ Н. Домовитов
**СПЕЛЫХ ЯГОД
ГОРЬКАЯ ЗАРЯ**
Стихи.

4/ М. Одинцов
ПРЕОДОЛЕНИЕ.
Продолжение

В этой части записок военного летчика рассказывается и о том, как Иван Сохатый совершил вынужденную посадку на территории врага, а затем пошел через линию фронта.

30/ **СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ**

Короткие сообщения о неизвестных героях Великой Отечественной войны.

32/ Г. Зайцев
ПИСЬМА КОРЗУХИНА

Сто пятьдесят лет назад в маленьком доме, что и теперь стоит в Свердловске по ул. Гастелло, 42, в семье горнозаводского мастера-вогo Ивана Сергеевича Корзухина родился сын. Конечно, никто тогда не мог предположить, что худенький и тихий белоголовый мальчик Алешка Корзухин станет академиком живописи...

36/ О. Никонов
ПОЛИГОН

«Яркая стужка сигнальной ракеты затрепетала над головами. Свет еще не рассеялся, а на дороге уже было ни души — взвод по команде Хозашева свернул в редкий еловый подлесок...» Под рубрикой «Служу Советскому Союзу» журнал продолжает публикацию очерков о буднях солдатской службы.

40/ А. Чуманов
**РОЗОВОЕ ОБЛАКО.
УДАЧА.
СОЗИДАТЕЛЬ КУДРЯВЦЕВ**
Фантастические рассказы

46/ О. Булгакова
«МЫ ИЗ ИГАРКИ»

По следам авторов и героев книги, которая была написана юными жителями города Игарки по инициативе А. М. Горького.

56/ **ВЕСНА**
Народный календарь.

60/ В. Курбатов
**БАРАБАНЬ
НА ВСЮ ПЛАНЕТУ**

61/ С. Куличкин
**ОТВАЖНЫЕ
ВСАДНИЦЫ**

62/ Э. Якубовский
ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

64/ В. Воробьев
**...ПЛАН ЗАХВАТА
УТВЕРЖДЕН**

Из истории свердловского уголовного розыска.

70/ А. Тумбасов
ШМЕЛЬ НА ЭТЮДНИКЕ

74/ А. Горюн
ЛИКИ ПРЕДКОВ

Огромные завалы камня и штукатурки пришлось разобрать археологам при восстановлении Спаса на Ковалеве близ Новгорода. Церковь с замечательными фресками, созданными неизвестными русскими мастерами накануне Куликовской битвы, была разрушена фашистами практически до основания.

76/ Ю. Липатников
ВНИМАНИЕ: РАТТУСЫ!

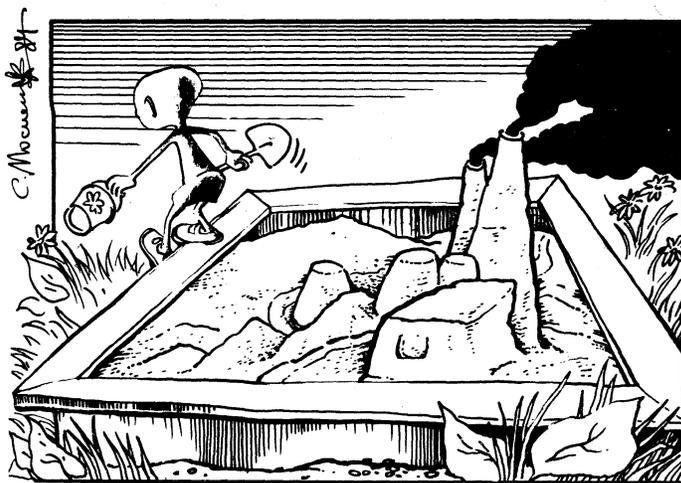
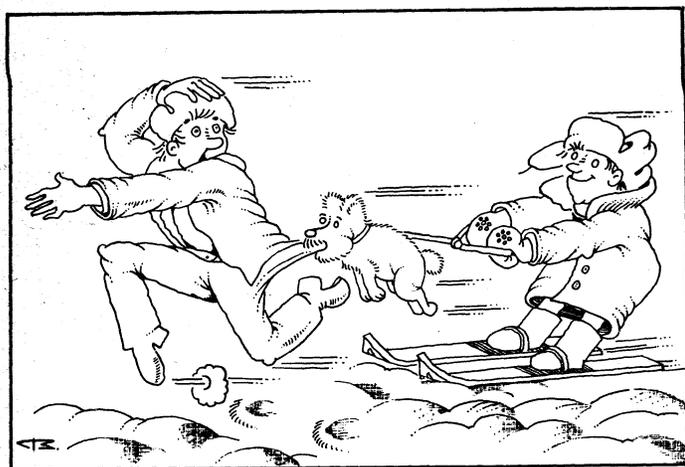
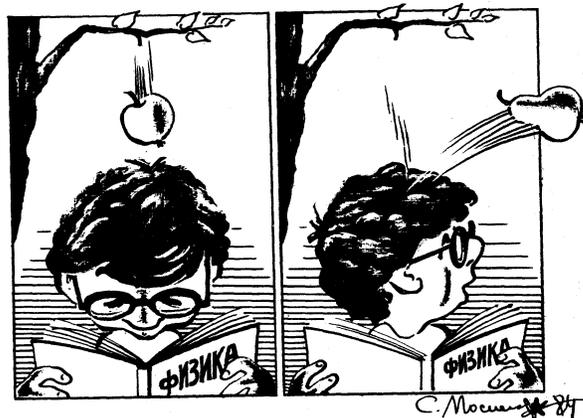
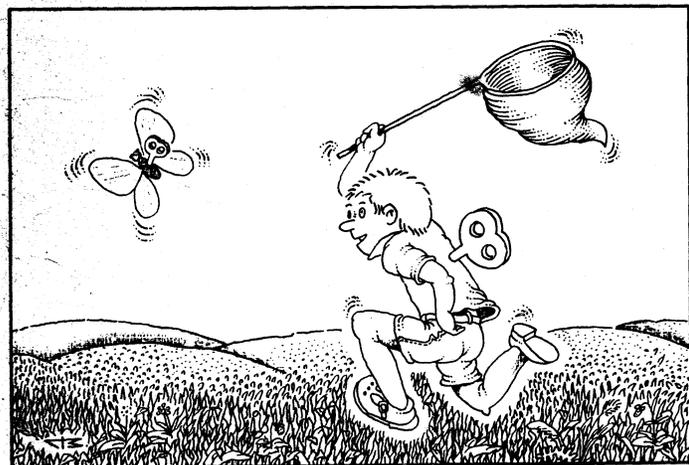
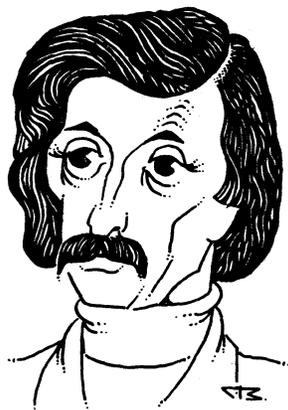
78/ **МИР
НА ЛАДОНИ**

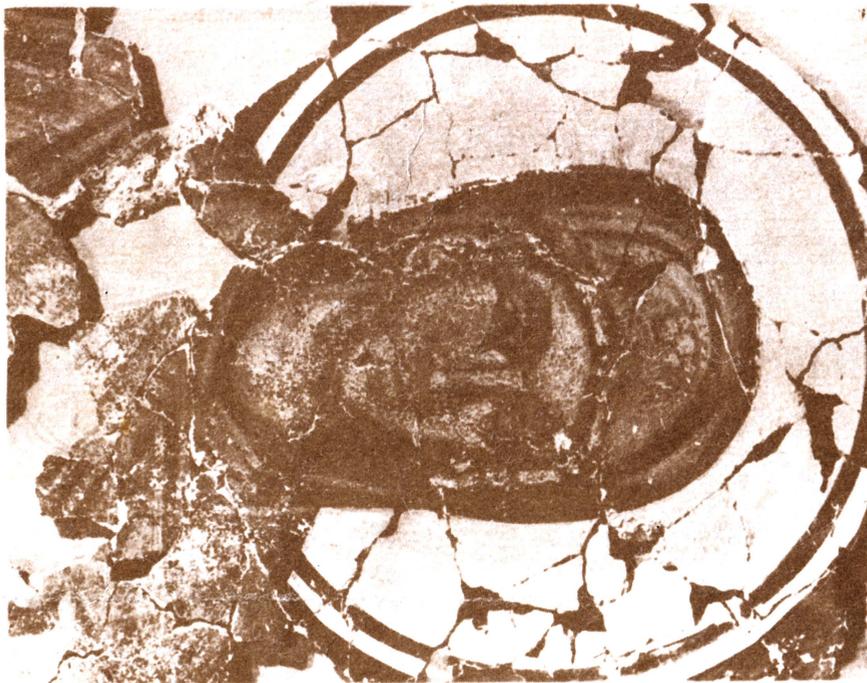
Сдано в набор 27.11.84. НС 11006.
Подписано к печати 14.01.85.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать.
Усл. печатных листов 8,82.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Учетно-издательских листов 10,5.
Тираж 307 000. Заказ 523. Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Авторы этих рисунков — Сергей Мосиенко и Владимир Степанов. Оба окончили Новосибирский электротехнический институт, но... Тяга к искусству оказалась сильнее, и теперь первый работает в редакции журнала «Эко», а второй — в редакции газеты «Вечерний Новосибирск».

Автошаржами Сергей и Владимир не увлекаются, но зато с успехом изображают друг друга.

ЛИКИ ПРЕДКОВ

Почти до основания, в пыль были разбиты гитлеровскими снарядами и бомбами стены Спаса на Ковалеве близ Новгорода. Казалось, замечательная роспись, созданная неизвестными русскими мастерами-живописцами накануне Куликовской битвы, погибла навсегда...

Сегодня значительная часть фресок церкви восстановлена.

На снимках (они для четкости ретушированы) — фрагменты восстановленной росписи.

Читайте об этом на стр. 76